

Мэри Брэддон

Кровавое наследство

Мэри Элизабет Брэддон

Кровавое наследство

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=9818195

Аннотация

«В лесистой местности Гампшира, в доме, напоминающем своей архитектурой частью сельские домики, частью замки древних времен, жило семейство, могущее дать писателю олицетворение семейного счастья. Семейство это было немногочисленно, оно состояло из четырех лиц: капитана морской службы Гарлея Вестфорда, его жены, сына и дочери. И капитан, и его жена были еще, как говорится, в полном соку. Годы унесли цвет молодости Клары, но заменили его очарованием нравственного совершенства и следами безоблачно протекшей жизни.

Да, она была еще хороша. Люди, знавшие коротко ее прошлое, говорили, что она стояла по происхождению выше своего мужа. Они уверяли, что она променяла богатый аристократический замок своего отца на трудовую жизнь с честным и добродушно веселым моряком и навлекла на себя негодование всего своего надменного семейства...»

Содержание

1	5
2	13
3	20
4	26
5	35
6	40
7	48
8	56
9	61
10	65
11	73
12	80
13	87
14	94
15	98
16	104
17	110
18	116
19	121
20	125
21	131
22	136
23	140

24	146
25	152
26	156
27	160
28	167
29	173
30	177
31	182
32	190
33	195
34	200
35	208
36	212
37	223
38	226
39	235
40	239
41	246
42	253
43	261
44	265
45	267
46	273
47	278
48	282
49	284

Мэри Брэддон

Кровавое наследство

1

В лесистой местности Гампшира, в доме, напоминающем своей архитектурой частью сельские домики, частью замки древних времен, жило семейство, могущее дать писателю олицетворение семейного счастья. Семейство это было немногочисленно, оно состояло из четырех лиц: капитана морской службы Гарлея Вестфорда, его жены, сына и дочери. И капитан, и его жена были еще, как говорится, в полном соку. Годы унесли цвет молодости Клары, но заменили его очарованием нравственного совершенства и следами безоблачно протекшей жизни.

Да, она была еще хороша. Люди, знавшие коротко ее прошлое, говорили, что она стояла по происхождению выше своего мужа. Они уверяли, что она променяла богатый аристократический замок своего отца на трудовую жизнь с честным и добродушно веселым моряком и навлекла на себя негодование всего своего надменного семейства.

Никто, однако, не имел верных сведений об этом браке, совершившемся вдали от родительского дома. Капитан и его жена хранили от всех тайну своего прошлого. Если же ми-

стрисс Вестфорд заводила по необходимости речь о своем замужестве, то речь эта доказывала только ее высокое мнение о достоинствах избранного ею мужа.

– Я знаю, – говорила она, – что у мужа моего нет именитых предков, но их заменяет длинный ряд честных и храбрых людей, и любой человек стал бы гордиться сердцем, которое бьется в груди моего мужа.

Но мы лучше всего предложим читателю войти в вестфордский сад, в день разлуки, предстоящей капитану с женой. Оба они прохаживаются по густой ореховой аллее. Теплый июньский день пропитан запахом цветов, темно-синее небо безоблачно, только трудолюбивое жужжание пчел и пение птиц нарушают тишину.

Однако, несмотря на роскошную прелесть утра, лицо Клары Вестфорд было грустно и бледно, и темная тень окружала ее голубые, прекрасные глаза. Бессонная ночь прошла вся в молитве к тому, кто охраняет всех путешествующих.

– О Гарлей! – говорила она. – Ты не представляешь, как тяжело у меня на душе! Мы уже много раз расставались с тобой, но еще ни разу не расставались так грустно!

Лицо ее красноречиво подтверждало истину ее слов, но в темно-серых глазах капитана не было слез, одна только дрожь его губ показывала глубину его переживаний в эту минуту.

Капитан Гарлей Вестфорд был храбр как лев во всех битвах, в которых он участвовал, но грусть его жены сокрушила

его душевную силу. Однако он превозмог эту слабость и сказал жене с притворной веселостью:

– Подобная грусть недостойна тебя как жены моряка. В нашей разлуке не должно быть горечи, тем более что это последняя разлука: после этой поездки в Китай, от которой я жду так много хорошего для благосостояния нашего и наших детей, я поселюсь на постоянное жительство в Вестфорде. Полно же, Клара, не плачь!

– Я уже не плачу, Гарлей, – ее голос выражал подавленную скорбь, – вспомни, что я всегда плакала при каждой нашей разлуке, но никогда во мне не было такого безотчетного ужаса, которого даже моя молитва не могла победить. Я чувствую, что в этом путешествии тебя ждет непредвиденная и страшная опасность. Сжался надо мной, Гарлей, не уезжай от нас!

Ее нежная рука судорожно сжимала руку мужа, словно удерживала его от предполагаемой поездки. Капитан Вестфорд грустно улыбнулся.

– Хотя твои предчувствия ни на чем не основаны, я бы, может быть, уступил твоей просьбе, если бы не дал слова отправиться в путь. Я должен сдержать это слово. До сих пор еще никто не мог упрекнуть Гарлея Вестфорда в том, что он не исполнил своего обещания! Корабль «Лили Кин» выходит завтра в море на рассвете, и я уеду на нем, если только буду жив.

Мистрисс Вестфорд знала, что всякие дальнейшие увеще-

вания будут напрасны; она также знала, что ее муж дорожил своим словом, как дорожил жизнью. Тяжелый и подавленный вздох был последним выражением ее тяжелых чувств.

– А теперь выслушай меня внимательно, дитя мое, – сказал Гарлей Вестфорд, – потому что я буду говорить о серьезных вещах.

Он взглянул на часы.

– Нам остается всего полчаса, Клара, до прихода дилижанса, который увезет меня в Винчестер. Слушай же меня, мое сердце: ты знаешь, что я помощью Божьей успел накопить небольшое состояние для тебя и детей. Я ношу на груди портфель, в котором 20000 фунтов в банковских билетах: это все, что я успел накопить в различных местах моего пребывания. Возвратясь из Китая, я постараюсь пустить эти деньги, вместе с теми, которые я надеюсь приобрести в этом путешествии, в самые выгодные и безопасные обороты. А пока я намерен отдать их под сохранение одному известному учредителю банка, за которого ручается мне доверие, которое имел к нему мой отец. Они пролежат у него до моего возвращения. Но, чтобы предохранить их от всяких случайностей, я перешлю тебе квитанцию банкира как на эту сумму, так и на получение от меня под сохранение законных актов на все мои владения. Завещание мое лежит у моего поверенного. Что бы ни случилось со мной, будущность твоя и детей вполне обеспечена.

– О Гарлей! – сказала Клара Вестфорд, – мне тяжело слы-

шать твои слова. Ты говоришь, как человек, который предвидит свою неизбежную гибель.

– Нет, я говорю, как рассудительный человек, хорошо понимающий все случайности жизни. Эти 20000 фунтов и эти 50 десятин земли, самой лучшей земли во всем Гампшире, обеспечивают с избытком и тебя, и детей. Теперь же половина времени, которое осталось мне до отъезда, уже прошла, а другая принадлежит моим детям.

Капитан вышел из тенистой аллеи и направился к площадке, покрытой зеленым дерном и освещенной лучами июньского солнца. На эту площадку выходили окошки небольшой гостиной, защищаемой от яркого света длинной верандой, наполовину закрытой цветами и зеленью. Вдоль этой веранды были развешаны клетки с любимыми птицами, а на белой, как снег, и мягкой подстилке лежала свернувшись маленькая собачка. Девушка лет шестнадцати оказалась в окошке и выпрыгнула из него с легкостью белки, как только капитан появился на площадке.

Никогда еще, может быть, солнце не освещало такого милостивого создання, каким была эта девушка в своем белом платье, со своей замечательной и ослепительной свежестью. Черты ее были нежны и правильны; ее лоб, нос и подбородок приводили на память чисто греческий тип. Глаза ее, с длинными темными ресницами, были, подобно глазам ее матери, большие темно-синие, живые и блестящие; волосы имели золотистый отлив. Эти длинные волосы, откинутае

с правильно очерченного лба, покрывали густыми локонами ее плечи. Такова была Виолетта Вестфорд.

– Милый папа! – воскликнула она, между тем как мистрисс Вестфорд опустилась в изнеможении на ближайшую скамейку, – мама жестокая женщина, она так надолго задержала тебя, а я считала минуты, которые остались до прихода кареты. Папа, ты дурно делаешь, что оставляешь нас! – ее блестящие глазки наполнились слезами. – Но Лионель хочет, – продолжала она, – оседлать Вариора и проводить тебя до Винчестера, а там побыть с тобой до отправления поезда. Я завидую ему: он будет с тобой еще полчаса.

– Послушай, моя милая, – сказал капитан, – если не ошибаюсь, то карета идет.

Из-за деревьев послышались звуки трубы кондуктора. В ту же минуту из ворот выехал Лионель верхом на коне, а карета остановилась у садовой решетки. Мистрисс Вестфорд поднялась с места, спокойная, без слез, только мертвенная бледность выдавала всю тяжесть этой минуты.

– Друг мой! – сказала она. – Я могу только молиться за твое благо. Но еще одно слово, Гарлей: ты говорил о каком-то банкире, которому хочешь поручить свои деньги. Скажи мне его имя – я имею большие основания, чем ты думаешь, спросить об этом.

– Банкирами моего отца были господа Гудвин и Сельби, а сейчас директор банка Руперт Гудвин. Прощай, мое сердце!

Кондуктор затрубил громче прежнего в ту минуту, когда Гарлей Вестфорд последний раз поцеловал жену. Горе, овладевшее его собственным сердцем при прощании, не позволило услышать восклицание ужаса, вырвавшееся у его жены при имени Руперта Гудвина. Когда стук колес уезжавшей кареты стих, Клара Вестфорд хотела дойти как-нибудь до дома, но силы ей изменили, и Виолетта нашла мать бледной и неподвижной. На крик девочки прибежали две горничные и с помощью Виолетты перенесли госпожу Вестфорд на диван в гостиную, защищенную от солнечных лучей плотными занавесками. Одна из прислужниц побежала за доктором, а Виолетта положила на бледный лоб матери мокрое полотенце. Когда Клара открыла глаза, в них был безотчетный ужас: «Руперт Гудвин, Руперт Гудвин! – воскликнула она с глубоким отчаянием. – О нет, не его, Гарлей, нет, нет, его не надобно!» Ее глаза снова закрылись и голова упала на подушку.

Явился доктор, но его старания не привели ни к каким результатам. Болезнь мистрисс Вестфорд брала свое начало в нравственных потрясениях, над которыми была бессильна рука врача. Один обморок сменялся другим. Виолетта и Лионель, возвратившийся к тому времени, перенесли госпожу Вестфорд в ее спальню и ухаживали за ней с беспредельной нежностью. Молодой человек устроил свой ночлег в соседней комнате и слышал чутким ухом самое легкое движение больной. Еще несколько дней тому назад веселый, вестфорд-

ский дом стал безмолвен и мрачен как могила. Врач предписал больной глубокий покой, и его приказания исполнялись буквально.

2

Почтовый поезд быстро летел от Винчестера к Лондону. Скоро и Лондон открылся глазам капитана – мрачно-угрюмый, но все-таки величественный. Но мысли капитана были далеко: они переходили от недавно оставленных им милых к опасностям, ожидавшим его в открытом море.

Давно уже фамилия Сельби служила только названием для банкирской конторы, но ею управлял в сущности один Руперт Гудвин. Ему в это время было лет сорок пять. Его лицо было замечательно выразительно и отличалось тем смуглым оттенком, который мы видим только на картинах итальянской живописи. Его мать была испанка и передала ему часть своей южной красоты. Он был высок ростом и широк в плечах. Его черные и блестящие глаза были ясны и пронизательны, как глаза сокола, но эти соколиные глаза опускались невольно под взглядом всякого честного человека.

Гудвин унаследовал от отца огромное имение, которое увеличил приданым, взятым за женой. Вообще ему везло, как немногим на свете.

Долгие годы имя Руперта Гудвина служило образцом безупречной честности, но с некоторого времени о нем распространились странные слухи: утверждали, что Руперт Гудвин увлекся большими спекуляциями и что эти спекуляции не увенчались успехом.

Кто не знает, как неблагоприятно влияют слухи подобного рода на кредит негоцианта? Хотя эти слухи ходили среди самых близких знакомых банкира – его неудачи еще не дошли до тех, кто вверил ему свои капиталы, вследствие чего требования уплаты еще не нарушали и без того затруднительного положения банкирского дома.

Банкир, весь бледный и с бьющимся сердцем, сидел в своем кабинете над счетными книгами, задумавшись над положением своих денежных дел. Он ожидал кризиса каждый день и каждый час и изыскивал средства предотвратить его.

Один только человек пользовался доверием Руперта Гудвина – его главный приказчик Яков Даниельсон. Со дня своего совершеннолетия Даниельсон поступил на службу к банкиру, и между ними мало-помалу установилась загадочная связь. Ее нельзя было назвать дружбой, потому что банкир был высокомерен и повелителен со своими подчиненными, но Яков Даниельсон знал все его тайны и обладал почти сверхъестественной способностью угадывать каждую невысказанную мысль Руперта Гудвина.

В то время, когда Руперт Гудвин раздумывал о тяжелом положении своих дел и ожидал близкой грозы, Гарлей Вестфорд спешил к нему, чтобы вверить плоды своих двадцатилетних трудов. Кабриолет, в котором ехал Вестфорд, остановился возле конторы банкира, где, по воле случая, был один Яков Даниельсон.

– Я желаю говорить с господином Гудвином, – сказал ка-

питан.

– Это невозможно, – отвечал холодно Яков, – господин Гудвин очень занят, но если вы хотите передать мне ваше дело, то я поспешу...

– Благодарю вас, но я не могу принять вашего предложения. Мое время рассчитано по минутам, и я надеюсь, в силу этого господин Гудвин не откажет мне в личном свидании. Когда человек является, подобно мне, вручить банкирской конторе все свое состояние, то он, очень естественно, желает передать его в руки самого директора банка.

Судорожная дрожь промелькнула на тонких губах Даниельсона. Плод экономии целой человеческой жизни! Вкладчик, вручающий весь свой капитал Руперту Гудвину в ту самую минуту, когда этот последний ждал только бесчисленного множества требований от опустевшей кассы! Яков устремил испытующий взгляд на честное лицо моряка, невольно подозревая во всем сказанном им какой-нибудь подлог.

– Я вижу, что вы спешите, – сказал он ему, – и прошу у вас только позволения узнать, какого рода делом занят банкир. Но не угодно ли вам вручить мне вашу карточку?

– Вы совершенно правы, – отвечал капитан. – Мой отец был участником в делах вашей конторы, и мое имя, вероятно, известно господину Гудвину!

Яков Даниельсон отнес эту карточку банкиру, не прочитав даже фамилии на ней.

– Какой-то безумец, – сказал он холодно, – желает вручить

вам значительный вклад – он вбил себе в голову передать его не иначе, как в ваши собственные руки. Я думаю, что вы не откажетесь принять его?

– Конечно, – отвечал надменно банкир. – И вы теперь же можете пригласить его ко мне.

Только когда Даниельсон вышел из комнаты, Гудвин посмотрел на лежащую перед ним карточку. «Гарлей Вестфорд, – прошептал он, – вверяет мне деньги, мне, своему смертельному врагу, и еще в такую минуту!..» Банкир смял карточку и старался превозмочь свое волнение. Лицо его приняло привычное холодное и спокойное выражение, и он встретил Вестфорда приветливой улыбкой.

Моряк очень спокойно вручил ему портфель.

– В этом портфеле, мистер Гудвин, плоды моих двадцатилетних трудов, а в этом запечатанном пакете – акты на мои земельные владения в Гампшире, где живут моя ясена и дети. С вашего обязательного согласия я вручаю вам под сохранение и этот пакет.

Гудвин в то же время пересчитал бумаги.

– Извините, – сказал капитан, – вы, вероятно, не откажетесь выдать мне расписку в получении денег?

– Принесите мне бланк, Даниельсон, – обратился банкир к приказчику.

Банкир выдал капитану квитанцию в получении и актов, и денег; засвидетельствовал ее своей подписью за скрепой Даниельсона, и Вестфорд положил ее в карман своего легко-

го верхнего платья.

Уже несколько дней как погрузка корабля была окончена и все готово к выходу в море.

Когда капитан Вестфорд подъехал к кораблю, на палубе прохаживался молодой человек с открытым и приятным лицом. Это был Жильбер Торплей, старший лейтенант на «Лили Кин», пользовавшийся самым искренним расположением Вестфорда. Он ездил вместе с капитаном в Вестфорд-хауз и во время трехдневного своего пребывания в этом маленьком раю влюбился без памяти в Виолетту Вестфорд. Очень понятно, что он затаил это чувство глубоко в душе: дочь капитана стояла, по его мнению, недостижимо высоко над ним.

Капитан дружески пожал ему руку.

– Я аккуратен, как видите, – сказал он. – На этот раз я расстаюсь с родиной без горечи, потому что мне удалось обеспечить будущность всего моего семейства: это утешительное сознание! Я вручил весь мой капитал банкирской конторе и увожу с собой квитанцию Руперта Гудвина.

При имени Гудвина ужас отразился на лице Жильбера.

– Руперт Гудвин! – воскликнул он. – Я, верно, не расслышал? Неужели вы вручили свои деньги банкирскому дому Гудвина и Сельби?

– А почему же нет? – спросил капитан.

– Потому что прошел слух, что он скоро будет стоять перед конкурсом.

Гарлей Вестфорд пошатнулся и, чтобы не упасть, оперся

о перила.

– Грабитель, мошенник! – воскликнул капитан. – Он знал, что эти деньги – все достояние моей жены и моих детей, и принял их от меня с улыбкой!

– Но вы еще не опоздали, – сказал Жильбер Торплей. – Банк закрывается в четыре часа, а теперь только три. Вы еще успеете истребовать обратно ваши деньги.

– Разумеется, – сказал Гарлей с глухим проклятием, – я потребую от него эти деньги и, в крайнем случае, вырву их вместе с его жизнью! Жена моя и дети не должны быть ограблены!

– Но вам же нельзя терять времени, капитан!

– Знаю-знаю, Жильбер, – он приложил руку ко лбу. – Эта новость поразила меня. Но, что бы ни случилось, «Лили Кин» должна на рассвете поднять паруса; если я успею вернуться к этому времени, тем лучше; если же нет, корабль все-таки должен выйти в море, а вы примите команду над ним.

– Я буду повиноваться вам, капитан, и просить Бога, чтобы он ускорил ваше возвращение.

– Все это, конечно, в Его святой воле, – отвечал Вестфорд. Он вручил молодому человеку некоторые нужные бумаги и, дав ему несколько кратких наставлений, пожал ему руку и спустился в лодку, чтобы отправиться на берег. Там он взял первый попавшийся кабриолет и приказал кучеру торопиться на Ломбард-стрит.

Банк закрылся в минуту приезда Гарлея Вестфорда, а ми-

стер Гудвин уже ехал в свой загородный дом – так сказали приказчики, заметив при этом, что на нынешний день все дела по банку окончены.

– Ну так я поеду в его загородный дом, – сказал капитан. – Где он находится?

– В Вильмингдонгалле по северной дороге, невдалеке от Гертфорда.

– А как туда добраться?

– Вы можете ехать по Гертфордской железной дороге, а потом взять карету до Вильмингдонгалля.

– Хорошо, – Вестфорд сел в кабриолет и приказал спешить на станцию северной дороги.

«Ни я, ни Руперт Гудвин не будем спокойны, пока эти деньги не вернутся к законным владельцам!» – воскликнул капитан и поднял руку, как будто призывал Небо в свидетели этой клятвы. Он не предвидел, каким ужасным образом будет исполнена эта самая клятва; он не знал, какие несчастья, какие преступления вызывает демон, который должен быть рабом человека и которого человек сделал своим повелителем, – демон, который называется золотом.

3

Вечером того же дня Руперт Гудвин сидел в великолепной столовой древнего и щеголеватого дома, известного под названием Вильмингдонгалль. Эта вилла была не новым строением, воздвигнутым богачом спекулянтom, а благородным остатком прошлого, одним из тех величественных зданий, окруженных вековыми деревьями, которые в настоящее время причисляются к редкостям. Этот четырехугольный замок мог свободно вместить в себя целый полк. Один из его четырех флигелей был давно необитаем, и отсыревшие обои висели клоками на его стенах. Немногие из прислуги банкира решились бы войти в эту часть замка из-за слуха, что здесь водятся привидения, но мистер Гудвин посещал его нередко, так как в погребах его хранились сокровища, которые вверялись его попечению. Немногие спускались в эти подвалы, но все говорили, что они тянулись на всем пространстве, занимаемом флигелем и даже отчасти самим домом. Уверяли еще, что в военное время эти подвалы служили темницами.

В окрестностях Вильмингдонгалля мистера Гудвина считали обладателем баснословных богатств. Роскошь и изящество окружали банкира со всех сторон, но, несмотря на все это, на прекрасном лице Руперта Гудвина выражалось чувство сильного неудовольствия.

Он был не один. За столом с ним сидел его главный приказчик Яков Даниельсон – отталкивающая личность. Обстоятельства вынудили Руперта Гудвина стоять с ним на дружеской ноге. Якову была известна тайна этих знаменательных двадцати тысяч, из-за которых проходили в уме Гудвина такие мрачные мысли. Эта сумма могла поддержать некоторое время его поколебавшийся кредит. Все затруднение состояло только в том, что останется делать, когда капитан, возвращаясь из Китая, потребует вернуть и деньги. Гудвин ненавидел непримиримой ненавистью Гарлея Вестфорда, хотя до этого не видал его ни разу в жизни. Эта ненависть зародилась в прошлых тайнах, в которых Клара Вестфорд играла важную роль.

При таком положении дел Гудвин твердо решил присвоить себе достояние капитана. Его ждало несомненное банкротство: в последнее время из-за безрассудных спекуляций он понес огромные потери. Он задумал оставить навсегда Европу, прихватив с собой вверенные ему двадцать тысяч.

В пору первой молодости Гудвин долго жил в Южной Америке, где до сих пор оставался родственник его матери, очень богатый и именитый купец. Гудвин был убежден, что это переселение избавит его от всяких преследований, и эти двадцать тысяч помогут ему составить состояние, равное тому, которое он терял в настоящее время.

«Юлия, – думал он, – поедет со мной, а Густав может остаться и в Англии и отыскать себе какое-нибудь дело. Между

нами не было никогда искренней привязанности, и мне надоело слышать его вечные порицания всем моим предприятиям».

– Да, Яков, – заговорил опять банкир, возвращаясь к прерванному разговору со своим приказчиком, – эти двадцать тысяч помогут нам отвести беду. Если первые требования будут исполнены без всяких отлагательств, мы возвратим себе доверие и покончим со всеми слухами.

– Это очень возможно, – отвечал приказчик, но так сухо и холодно, что оскорбил банкира. – Но что мы станем делать, когда капитан возвратится домой и потребует у нас свои деньги обратно?

– Наше положение может поправиться за это время, – возразил банкир.

– Может, конечно, но как мы приступим к этому исправлению?

– Но ведь некоторые из наших спекуляций должны же удасться, – заметил банкир, делая страшное усилие, чтобы выдержать пронизательный взгляд серых глаз Якова.

– Вы действительно так думаете, мистер Гудвин? – спросил приказчик, делая странное ударение на этих словах.

– Совершенно уверен. В этих деньгах открывается источник другого состояния.

Гудвин впал в глубокое раздумье, из которого его внезапно вернул голос, как-то странно прозвучавший в его ушах.

– Мистер Руперт Гудвин, – говорил этот голос, – я при-

шел к вам, чтобы получить обратно двадцать тысяч фунтов, которые имел честь вручить вам сегодня.

Раскаленное железо не могло бы произвести в сердце Гудвина того страшного ощущения, которое произвели эти простые слова. Они совершенно его уничтожили. Однако он скоро оправился настолько, чтобы отвечать с поддельной твердостью.

– Многоуважаемый капитан Вестфорд, меня испугало ваше неожиданное появление, несмотря на то, что я не страдаю слабостью нервов. Но мне часто твердили, что в моем замке водятся привидения, и вы в сумерках показались мне выходцем из другого мира. Прошу вас садиться и отведать этого бургундского, за доброкачественность которого я ручаюсь своим честным словом. Будьте так обязательны, Даниельсон, позвоните. Я тотчас прикажу подать сюда огня.

– Дорогой мой капитан, – сказал банкир по уходе Даниельсона, – объясните, чем я обязан удовольствием принять вас сегодня у себя? Вы хотите сделать какие-нибудь распоряжения? Или процент, который мы назначили вам, слишком мал?

– Мистер Гудвин, – отвечал капитан, – я человек прямой и не считаю нужным скрывать от вас причину моего возвращения: я просто хочу получить мои деньги.

– Вы боитесь доверить их мне? До вас, верно, дошли несправедливые слухи, распушенные в публике презренным интриганом?

– Дошедшие до меня слухи могут быть справедливы или ложны – желаю от души, чтобы эти слухи были обманчивы и даже сам готов признать их такими. Но дело идет о сумме, которой обеспечивается будущность дорогих мне существ. Я не смею навлечь на нее даже тени опасности.

– И вы ее получите, мой милый капитан, – отвечал банкир, – но так как таких денег у меня в кармане сейчас нет, вы должны поневоле прождать до утра.

Моряк изменился в лице.

– Я надеялся, – сказал он, – найти вас на Ломбард-стритс до закрытия банка. Я отдал приказание корабельному экипажу быть наготове к восходу солнца и, если я не вернусь к назначенному времени, корабль отправится в путь без меня.

Банкир хранил несколько минут глубокое молчание. Лампы еще не были поданы в комнату, и мрачная улыбка проскользнула по его лицу.

– Корабль отправится в путь без вас, – сказал он, – но лоцманы, без сомнения, ждут еще ваших приказаний?

– Нет, они не имеют никакой причины ждать их, – ответил капитан, – они получили нужные наставления, и, если я не возвращусь вовремя, старший лейтенант примет на себя мои обязанности и «Лили Кин» отправится в путь.

В это время внесли лампы.

– Любезный Даниельсон, – обратился банкир к своему старшему приказчику, – уже пробило девять часов, и если вы сейчас же не уйдете, то опоздаете на поезд, который в по-

ловине одиннадцатого отправляется из Гертфорда.

– Вы очень заботливы, мистер Гудвин, – ответил приказчик, смотря пристально в глаза банкиру, – мне в самом деле пора уходить.

– Я прикажу своему кучеру отвезти вас, – сказал банкир и, не дав Якову ответить, позвонил и отдал вошедшему лакею нужные приказания.

– Я хотел просить ответа насчет денег, мистер Гудвин, – забеспокоился Вестфорд. – Этот вопрос для меня весьма важен!

– Не угодно ли вам пройти в мой кабинет, я сию же минуту буду к вашим услугам, мистер Вестфорд, – отвечал банкир. – Теперь скорее в путь.

– Яков, или вы опоздаете на поезд, – с этими словами банкир почти вытолкнул приказчика за дверь.

Даниельсон сел в экипаж и помчался на станцию. Глубокий вздох вылетел из груди банкира.

4

– Любезный капитан! – сказал Гудвин, входя в свой кабинет. – Теперь объяснимся откровенно. Вы желаете получить ваши деньги сегодня же?

– Непременно, – отвечал капитан. – Требование мое вам покажется неприличным, потому что здесь не то место, где принимаются и выдаются деньги, но особенное обстоятельство, в котором я нахожусь, должно служить извинением.

– Я уже говорил вам, что не имею привычки носить с собой такую сумму и при обыкновенных обстоятельствах не был бы в состоянии возратить вам сегодня же 20 тысяч фунтов. Но вы сказали, что завтра на рассвете отправляется ваш корабль и что вы понесете большую потерю, если не сможете отправиться на нем?

– Да, значительную потерю, – отвечал капитан.

– Хорошо же. Несмотря на то, что ваше поведение для меня весьма обидно, я все-таки не прочь исполнить ваше желание. Случайно, и это вам может показаться странным, у меня, в этом доме, находится сумма, которая значительно превышает эти 20 тысяч фунтов, врученные мне вами.

– В самом деле?

– Да. Не правда ли, случай очень странный? – и банкир засмеялся. – Я имею удовольствие считать своим клиентом старую и оригинальную даму, капитал которой лежал еще

недавно в Обществе железных дорог. Несколько недель тому назад я получаю от нее письмо, в котором она меня убедительно просит, по случаю разных неосновательных слухов, взять эти деньги от Общества и сохранить их у себя до дальнейших ее распоряжений. Но интереснее всего то, что она меня просит сохранить их здесь, в моем загородном доме, потому что боится, как бы не украли, если они будут лежать в Ломбард-стрит. Слышали ли вы когда-нибудь о подобной странности? – и банкир снова засмеялся. – Если вам будет угодно, – продолжал он, – последовать за мной в другой флигель этого дома, в котором я сохраняю вверенные мне сокровища, я вам доставлю ваши 20 тысяч фунтов в банковских билетах.

– Вы меня крайне обяжете, – ответил капитан.

Гудвин отомкнул железный ящик и вынул из него огромную связку ключей, на каждом из которых была этикетка из пергамента. То были ключи от северного флигеля его дома.

В ту самую минуту, когда банкир со своим гостем намеревались оставить кабинет, дверь отворилась и молодая девушка лет девятнадцати, по черным как смоль волосам и прекрасному испанскому типу которой можно было немедленно узнать дочь Руперта Гудвина, вошла в кабинет. Рост молодой девушки был большой, осанка величественная, прекрасное лицо чрезвычайно выразительно. То была Юлия Гудвин; жена банкира уже давно умерла, оставив ему двух детей – сына

и дочь.

– Я тебя везде искала, папа! – сказала Юлия. – Где ты скрывался весь вечер?

Банкир с досадой взглянул на свою дочь:

– Сколько раз я должен повторять, Юлия, что это место для меня священо, и я не желаю, чтобы мне здесь мешали? Этот господин здесь по весьма важным делам, и потому я прошу тебя не обременять меня дольше своим присутствием.

– Хорошо, папа, – возразила Юлия с обидой. – Но так скучно сидеть целый вечер одной в этом старом доме и ожидать каждую минуту появления какого-нибудь привидения.

– Идемте, капитан Вестфорд, – сказал банкир, когда дочь ушла, – уже довольно поздно. Последний поезд отправляется из Гертфорда около полуночи. Можете ли вы дойти пешком до станции?

– Три раза, если только это необходимо, – ответил капитан.

– Так пойдемте же.

Руперт Гудвин взял лампу и ключа и направился к большой зале. Он повел капитана по длинным коридорам, украшенным богатыми обоями, драгоценными картинами и большими китайскими вазами, наполненными живыми цветами. Все в этой части дома дышало богатством и роскошью, и в открытые двери Вестфорд видел великолепные комнаты, в которых старинная резьба на стенах и на потолке

контрастировала с роскошным модным убранством.

Но в конце длинного коридора Гудвин отпер тяжелую дубовую дверь и ввел капитана в мрачную залу, воздух которой был пропитан пылью.

На одной стороне этой комнаты стояли железные сундуки; в середине паркетного пола находились письменный стол и несколько стульев. Высокое узкое окно, защищенное изнутри железной решеткой, было закрыто снаружи ставнями. В другом конце залы виднелась дверь, запертая плотными железными задвижками. Ничего не могло быть мрачнее этой комнаты, чуть освещенной лампой, которую Гудвин поставил на письменный стол.

– Здесь я храню сокровища, врученные мне на продолжительное время, – сказал банкир, между тем как Вестфорд осматривался в этом мрачном пространстве. – В этих железных сундуках лежат деньги и важные бумаги, а это дверь в кладовую, где я сберегаю серебро. – Он отпер большой сундук и вынул из него маленький железный ящичек. – Здесь лежат деньги г-жи Вентворте, у которой я теперь хочу взять 20 тысяч фунтов, чтобы возвратить вам ваши деньги. – С этими словами он поставил ящичек на письменный стол, и пока капитан рассматривал его внимательно, он вернулся к большому сундуку. Капитан не видел, как банкир вынул из него какой-то блестящий предмет и сунул в карман. – Вам бы следовало также осмотреть мою кладовую, – заметил банкир. – Я не думаю, чтобы вы в моем присутствии

боялись привидений?

– Ни в вашем и ни в чьем. Моряк не должен бояться. Можно верить в появление сверхъестественных существ, не боясь их.

Банкир отпер тяжелую дверь, и капитан увидел лестницу, уходящую вниз.

– Возьмите лампу и взгляните туда.

Гарлей подошел к дверям и задумчиво посмотрел в темную бездну.

– Страшное место! – воскликнул он. – Там чернее, нежели в трюме африканского корабля, наполненного рабами!

Едва успел он выговорить эти слова, как банкир вонзил нож по самую рукоять в спину капитана. Вестфорд вскрикнул, пошатнулся и ударился головой о лестницу. Раздался звон разбитого стекла – это лампа выскользнула из рук капитана и глухой звук от падения тела достиг слуха банкира из подземелья. Затем наступила мертвая тишина.

«Не думаю, чтобы он завтра явился в Ломбард-стрит за деньгами», – проговорил банкир, закрывая дверь на ключ. По длинному и узкому коридору он прошел к обитаемой части дома и свободно вздохнул, когда вступил в коридор, Сложенный коврами, и стал замыкать дверь. В это время из одной из смежных комнат вышла Юлия.

– Где же твой приятель, папа? – Спросила она с удивлением.

– Уехал в Лондон.

Но каким образом? Я видела, как вы оба вошли в северный флигель и с тех пор сидела смиреншенько в моем будуаре, дверь которого оставила открытой, чтобы слышать ваши шаги. Я уверена, что он не проходил по коридору!

– Как ты любопытна, – сказал банкир с замешательством. – Я выпустил этого господина из северного флигеля, потому что он захотел пройти парком, чтобы ближайшей дорогой дойти до станции.

– Это другое дело! Но что же тебе заставило идти в этот страшный флигель?

– Дела, дитя мое. У меня там лежат важные бумаги. Но довольно, я не люблю подобных расспросов.

Молодая девушка посмотрела на отца с удивлением и беспокойством.

– Папа! – воскликнула она. – Ты бледен как смерть. Посмотри! – Она указала на грудь отца.

– Что с тобой, дитя мое?

– Кровь, папа, кровь на твоем белье!

Банкир увидел на своей всегда безукоризненно белой рубашке несколько пятен крови.

– Как ты глупа, Юлия, – сказал он, – чего тут пугаться? У меня с некоторого времени болела голова, и когда я несколько минут рылся нагнувшись в бумагах, пошла из носу кровь – вот и все. Доброй ночи, дитя мое!

Он поцеловал ее в лоб, и от прикосновения его ледяных губ ее обдало холодом.

«Что случилось сегодня с отцом? – подумала она, возвратившись в свою прелестно убранную комнату. – Не имел ли он каких-нибудь неприятностей в городе?»

Между тем банкир отправился в столовую, где Гарлей Вестфорд так неожиданно помешал его мечтам. Лампы еще горели на столе и при свете огня шлифованные бутылки блестяли, как рубины. Но комната не была пуста. За столом с газетой в руках сидел человек, которого Руперт Гудвин желал бы встретить менее всего в эту минуту. Это был Яков Даниельсон. После замечания своей дочери банкир застегнул сюртук и прикрыл кровавые пятна, но, несмотря на это, он не мог справиться со своим испугом при виде приказчика.

– Вы здесь, Даниельсон? – воскликнул он. – Я думал, что вы уже подъезжаете к Лондону?

– Нет, я опоздал на поезд и вынужден был возвратиться просить вашего гостеприимства. Надеюсь, вы не найдете меня навязчивым?

– Нисколько, – ответил Гудвин, опускаясь в изнеможении в кресло, – будьте так добры, позвоните лакею. Принеси мне рому, – сказал он ему и, налив себе полстакана, Гудвин залпом выпил его. – Так вы опоздали на поезд? – спросил банкир своего приказчика.

– Да, я уже отпустил вашего кучера, когда заметил, что поезд ушел, и был вынужден возвратиться пешком. Но где же ваш гость, капитан Вестфорд?

– Уже с полчаса как на обратном пути.

– Так вам удалось успокоить его?

– Совершенно. Он оставил деньги у меня до своего возвращения из Китая, но я должен был назначить ему большой процент.

– Весьма естественно, – сказал приказчик, потирая подбородок и очень внимательно наблюдая за своим начальником, который уже в третий раз наливал себе ром. – Капитан пешком отправился на станцию, вы ему, вероятно, указали ближайшую дорогу, парком?

– Да, – рассеянно ответил банкир.

– Странно, – сказал приказчик, – я бы должен был его встретить: ведь я возвращался тем же путем.

– Очень может быть, что он сбился с дороги – моряки вообще неловки на суше.

– К тому же он оставил здесь свое верхнее платье, – сказал Даниельсон, указывая на пальто, лежавшее на ближайшем стуле.

– Это чрезвычайная рассеянность с его стороны, – преспокойно ответил банкир. – Однако меня одолевает сон. Спокойной ночи, Даниельсон. Слуга проводит вас в вашу комнату.

Гудвин направился в свой кабинет. Он тяжело упал в кресло и закрыл лицо руками.

«Страшно! – воскликнул он. – И люди уверяют, что мщение сладко! Долгие годы я жаждал этого мщения и теперь наконец отомщен: Клара Понсонби не увидит больше моего

соперника!»

Банкир вынул из нагрудного кармана своего сюртука длинный испанский нож, который был в крови – от острого кончика до самой рукояти.

«Его кровь, – шептал он, – кровь человека, которого я ненавидел уже двадцать лет и увидел сегодня впервые».

Банкир подошел к шкафу, отпер потаенный ящик и положил в него нож. «Никто не знает тайну этого ящика, и вряд ли попадется кому на глаза этот нож, поразивший Гарлея Вестфорда. Но умер ли он? Да, да, он умер, и 20 тысяч фунтов теперь принадлежат мне». Вдруг он остановился в испуге. «Квитанция, – воскликнул он, – черт возьми, где квитанция на эти 20 тысяч фунтов? Если она попала в чужие руки?!» Но после минутного размышления, он прибавил: «Нет, нет, это невозможно. Она была с ним – и теперь останется с ним навеки». В ту же минуту он вспомнил и о верхнем платье, которое Гарлей Вестфорд оставил у него в столовой. «Если случайно квитанция в одном из карманов этого платья?» – подумал он. Взяв тотчас свечу, он спустился в столовую. Она была пуста, лампы погашены, но пальто капитана лежало на том же месте. Гудвин обшарил все карманы, но нигде ничего не было.

5

Мистрисс Вестфорд выздоравливала чрезвычайно медленно. Виолетта Вестфорд все прекрасные летние дни терпеливо просидела у постели своей больной матери. Несколько раз в чудесные июньские вечера Лионель настаивал на том, чтобы она вышла подышать свежим воздухом, обещая заменить ее у постели больной.

– Ты напрасно все со мной споришь, – говорил он, – если ты после длинного дня, проведенного у постели больной, не хочешь прогуляться вечером, то ты непременно захвораешь сама, и у нас вместо одной больной будут две.

Если бы молодой человек был наблюдателен, он непременно заметил бы яркий румянец, покрывавший каждый раз щеки девушки, когда речь заходила о вечерних прогулках.

Несколько минут спустя она оставила дом, направилась по зеленой площадке в густую аллею, вышла из сада через маленькие ворота, ведущие прямо в лес.

Лицо ее было бледно, несмотря на яркий румянец, покрывавший его еще несколько минут тому назад. По узкой тропинке среди высоких старых деревьев она вышла на широкую поляну, окруженную со всех сторон величественными соснами.

Место это было восхитительно. На этой поляне перед расставленным мольбертом сидел молодой человек и смотрел

на тропинку. Наружность его показывала в нем с первого же взгляда вполне светского человека. Как только белое платье Виолетты мелькнуло среди зелени, он встал и пошел к ней навстречу.

– Как долго я ждал тебя, – сказал он ей, – и как тяжело было мне это ожидание!

– Я не могла прийти раньше, Рафаэль, – отвечала молодая девушка, – и почти упрекаю себя в том, что теперь пришла. О, если бы только моя мать могла скорее выздороветь, и я представила бы тебя ей! Ты не знаешь ее и потому думаешь совершенно несправедливо, что твоя бедность вызовет с ее стороны сопротивление. Она знает, что я не способна искать в супружестве только денежные выгоды.

Молодой человек вздохнул и отвечал немного помедля:

– Твоя мама, может быть, действительно благородная женщина, но не все такие: некоторые любят только золото и готовы принести ему в жертву даже счастье своих детей. Ты не знаешь света, как я его знаю, иначе ты бы не уверяла, что бедность не станет препятствием к нашему браку.

– Но ни отец, ни мама не поклоняются золотому тельцу. Отец мой – лучший из людей, и мне стоит только сказать ему о моей любви к тебе, чтобы получить его согласие на эту любовь.

– Дорогая моя Виолетта! – воскликнул молодой человек.

– Да разве моя мама не пришла в восторг от тебя, когда мы встретились с тобой в Винчестере?

Только она тогда воображала тебя богатым человеком, а не бедным живописцем. В осанке твоей так много величия, как будто у тебя по крайней мере 10 тысяч фунтов годового дохода.

Лицо молодого человека стало грустным.

– Будь у меня только 500 фунтов дохода, – возразил он, – я бы явился к отцу твоему до его отъезда и попросил бы у него твоей руки, но я беден и, что всего хуже, завишу от человека, которого не уважаю.

Виолетта взглянула на него с удивлением и маленькой досадой.

– Но так будет не всегда, Рафаэль. Ты станешь известным художником, и тебя будет уважать свет.

Печальное лицо молодого человека прояснилось.

– Милая моя мечтательница, – сказал он, – я не ищу величия и славы, а только пытаюсь приобрести себе имя, при помощи которого я бы достиг самостоятельности. Я работаю только для достижения этой цели, и ты можешь сознаться, что меня нельзя упрекнуть в недостатке стремления достигнуть ее.

– Я знаю это, – отвечала она, – и только боюсь, что твое здоровье не выдержит этих усилий.

– Твои опасения совершенно напрасны. Но взгляни на мою работу!

Он подвел Виолетту к своей картине, и хотя она не имела познаний в живописи, поняла, что эта картина обнаружива-

ла большого художника. Полотно изображало только лесную поляну, на которой они находились теперь, и зеркальную поверхность воды, в которой отражалось заходящее солнце. Но душа поэта, видимо, водила рукой художника и придала поразительную прелесть картине. «Ты будешь великим художником, я это чувствую», – девушка устремила на него свои большие голубые глаза.

Через недолгое время Виолетта заспешила к больной матери. Он проводил ее и решился проститься с ней у садовых ворот. Чисто было это молодое и искреннее чувство, но Виолетта чувствовала что-то тяжелое на совести в ту минуту, когда вошла в комнату и заняла место у постели больной.

История любви Виолетты и молодого художника была очень проста. Они встретились на балу в Винчестере. Мистер Станмор произвел с первого же раза самое благоприятное впечатление на мать и дочь. После Лионель и сестра его столкнулись с ним случайно в этом самом лесу. Он не стал скрывать от них, что он художник по призванию и по ремеслу и поселился в лесу ради возможности ближе изучить природу. Они видели его несколько раз сидящим под навесом походной палатки и рисующим старые обнаженные дубы. Мало-помалу молодые люди сблизились с Рафаэлем Станмором. Лионель в особенности был от него в восторге, но он должен был уехать на лето в университет, и Виолетта совершала уже одна свои привычные лесные прогулки. Остальное расскажет в коротких словах. Они увидели и полюбили

друг друга. Виолетта Вестфорд готова была, невзирая на бедность Рафаэля Станмора, выйти за него замуж. Но молодого человека удерживала мысль о тяжести этой бедности для Виолетты.

6

Клара Вестфорд медленно поправлялась. На ее бледных щеках заиграл слабый румянец, а в глазах появились проблески сознания. Первый вопрос ее был о муже и о том, нет ли писем от него. Ответ был отрицательный. От капитана не было получено ни строчки. Это молчание не беспокоило ни Лионеля, ни Виолетту. Они просто думали, что ему не представилось случая переслать письмо. Но сердце Клары не разделяло спокойствия детей. Муж обещал ей при прощании переслать немедленно квитанцию на капитал, который намеревался вручить банкиру. Вопрос о деньгах стоял для нее на втором плане: но она поняла, как серьезно смотрел на это дело муж, и его молчание удивляло ее не без причины. Ее тревога была так сильна, что она не могла скрыть ее, и дети, заметив это, старались успокоить ее.

– Если бы была действительно какая-нибудь причина к беспокойству, – говорил ей Лионель, – я не был бы так весел, каким ты меня видишь. Ты, вероятно, забыла пословицу, что у дурных вестей есть крылья? Если бы с отцом нашим случилось что-нибудь неприятное до выхода «Лили Кин» в море, то Жильбер Торплей не замедлил бы уведомить нас. Ты знаешь, как он предан отцу и всем нам, – сказал молодой человек, выразительно посмотрев на Виолетту, которая, краснея, отвернулась к окну.

Лето прошло для обоих любящих безмятежно и счастливо. Приближалась осень: дни становились короче, и маленькое семейство уже проводило вечера в ярко освещенном салоне. Ни писем от Гарлея Вестфорда, ни известий о счастливом плавании «Лили Кин» не было. У мистрисс Вестфорд и ее детей было много друзей и знакомых по соседству, но все знали, что Клара в отсутствии мужа избегает общества.

Как-то раз Клара Вестфорд отправила своих детей в Винчестер за покупками – она любила видеть их занятыми и веселыми. Она сидела в салоне, большие окна которого выходили на веранду. День был теплый и приятный, чистый вечерний воздух и ароматы цветов проникали в открытое окно. Возле Клары стоял маленький столик с книгами, но ни одна из них не была открыта. Она не могла читать, мысли ее унеслись далеко, они плыли по широкому морю за «Лили Кин». Никогда еще, даже в молодости, Клара Вестфорд не была так хороша, как в эту минуту. Шум поднявшейся портьеры заставил ее поднять голову, и в комнату вошел человек, при виде которого невольный крик ужаса вырвался из ее груди. Вошедший был не кто иной, как Руперт Гудвин, банкир с Ломбард-стрит.

– Вы здесь! – воскликнула она. – Вы здесь?!

– Да, это я, Клара Вестфорд, – сказал он совершенно спокойно. – Ровно через двадцать лет я вижу ту женщину, которой суждено было иметь такое губительное влияние на всю

мою жизнь!

– О Боже! – содрогнулась Клара. – Думала ли я, что после двадцати лет счастья услышу опять этот голос?

– Да, Клара, в продолжении двадцати лет между нами было перемирие; теперь же опять начинается война, и кончится только тогда, когда я одержу победу!

Жена капитана закрыла лицо руками.

– Вы все еще прекрасны, Клара, но не так горды, как прежде, – сказал банкир. – Жена капитана уже не высокомерная дочь баронета.

– Вы ошибаетесь! – она устремила глаза на Гудвина. – Я горда теперь более чем когда-либо, потому что теперь я должна защитить честь мужа моего, как свою собственную!

– Хорошо сказано, Клара! Я вижу, вы все еще та же гордая королева, но тем более славы принесет мне победа, которая непременно будет за мной!

– Чего вы хотите здесь? Как нашли вы это скромное убежище?

– С помощью вашего мужа. Вы сейчас узнаете это подробнее!

– С помощью моего мужа?! Не может быть, чтобы он был у вас!

– Да, я его видел!

– Теперь вспоминаю, – сказала мистрисс Вестфорд. – Он хотел вручить вам значительную сумму на сохранение?

– Вы ошибаетесь, Клара, – ответил банкир, – ваш муж

не вручал мне никаких денег. Он отыскал меня, чтобы взять у меня денег на оплату загрузки его корабля и оставил мне в залог законные акты на владение этим имением.

– Он у вас занял деньги? – удивилась Клара. – Он говорил мне, что намерен вручить вам 20 тысяч фунтов.

– Он говорил вам неправду; он потерял все свое состояние во внешних спекуляциях, и только с помощью занятых у меня денег ему было возможно отправиться в путь для новых предприятий. Но я требую, Клара, чтобы вы мне верили на слово: у меня есть бумаги за подписью вашего мужа, которые я не замедлю представить вам.

– О Боже! – воскликнула несчастная женщина, – Гарлей ваш должник? Должник последнего человека, к которому он должен был обратиться!

– И в самом деле, – ответил банкир, – это довольно странно, не правда ли, Клара, даже очень странно?

Устремив неподвижные глаза на банкира, Клара думала молча о последних минутах, пробытых с мужем и вспоминала каждое его слово. Возможно ли, чтобы он обманул ее насчет настоящего положения своих дел?

– Покажите мне подпись Гарлея Вестфорда, – сказала она, – иначе я вам не верю!

– Ни к чему торопиться узнавать неизбежное, – возразил банкир, – а вспомним лучше прошлое. Теперь, когда после двадцатилетнего перемирия, снова начинается сражение – и на этот раз сражение не на жизнь, а на смерть!

– О нет, нет! – воскликнула жена капитана умоляюще. – Оставьте прошлое!

– Я хочу только показать вам, как хороша моя память, и потому позвольте мне рассказать вам всю историю нашего знакомства.

Ответа не было. Мистрисс Вестфорд опять отвернулась от Гудвина и закрыла лицо руками, как будто не желая ничего более ни слышать, ни видеть. Но банкир начал говорить:

– Двадцать лет прошло с той осени, которую я провели в приморском городке, славившемся своими целительными водами. Все, что было нарядного, знатного и принадлежащего к аристократии, назначало там свидание во время сезона. Среди этих людей высшего происхождения я, однако, не был незаметным человеком – слава богатства отца моего сопровождала меня. Я тогда закончил свое образование в столичных городах и мог назваться в полном смысле этого слова светским человеком. Много красивых женщин посетили тогда этот приморский городок, но прекраснее всех была дочь сэра Джона Понсонби, богатого баронета из Йоркшира. В театре, на балу ли, на прогулке, в библиотеке ли везде встречал я ее в обществе старика-отца. Я влюбился в нее безумной, дикой страстью и решил жениться на ней.

Клара Вестфорд посмотрела на банкира с презрительной улыбкой.

– О! Я понимаю смысл этой улыбки, Клара, – сказал Гудвин, – я требовал невозможного, не правда ли, когда решил-

ся назвать эту девушку моей? Но вспомните, что эта девушка сама подала к этому повод: она своими ласковыми и нежными улыбками довела меня до этого решения. Ее окружала толпа поклонников, но меня она предпочитала им всем: в разговоре со мной она находила более удовольствия, чем с кем-либо другим.

– Это была просто слабая девушка, – сказала Клара, – но она не имела никаких дурных намерений!

– Она не имела дурных намерений, – повторил банкир, – но она испытывала меня. И когда я пришел к ней в надежде найти сочувствие, она холодно посмотрела на меня и отвечала, что она уже обещалась другому. – Банкир замолчал, но минуту спустя продолжил дрожащим от волнения голосом: – Я был не таков, Клара Вестфорд, чтобы спокойно выслушать подобный ответ. Я не принадлежу к тем слабым созданиям, которые могут прощать и забывать. Я тогда оставил Клару Понсонби и поклялся себе отомстить за унижение; я клялся, что Клара Понсонби рано или поздно будет моей. На следующее утро я увиделся с ней и познакомил ее с моей клятвой. Но она происходила от гордых предков и ответила мне с привычной надменностью. Шесть месяцев продолжалось сражение – шесть месяцев мы молча вели войну. Везде, где показывалась Клара Понсонби, видели и меня в ее обществе: я преследовал ее всюду. Отец ее любил меня и доверял мне, она не могла исключить меня из его общества, не рассказав ему о любви к человеку, который по своему по-

ложению в свете стоял гораздо ниже ее и которому отец ее отказал бы наотрез в ее руке. Клара молчала и, как бы ни было ей неприятно мое общество, была вынуждена сносить его. В театре я стоял за ее креслом, на прогулке я верхом сопровождал ее карету. У меня было много друзей, которые всячески старались услужить мне. Простая шутка с моей стороны, легкое пожатие плечами – и репутация Клары Понсонби была запятнана еще до окончания сезона. Подозрительные слухи дошли и до ее отца, и слабый старик, поверив им, выгнал ее из дому, запретив являться на глаза. Тогда я думал восторжествовать, – продолжал Руперт Гудвин, – опозоренной, изгнанной, какой она была тогда, я надеялся ее увидеть в прекрасном жилище, которое я ей приготовил. Страстные письма мои говорили, что я готов принять ее с открытыми объятиями. Агенты мои наблюдали за ней, когда она оставила дом своего отца, но я ошибся – она направилась не в мой дом. Она поехала в Саутгемптон, откуда вскоре отправилась на Мальту, и месяц спустя я уже прочел в газетах объявление о ее бракосочетании с Гарлеем Вестфордом, капитаном торгового корабля «Приключение». На Мальте она соединилась с человеком, которому давно дала слово. Она теперь была далеко от своего общества, и скандальные слухи, изгнавшие ее из родительского дома, до нее больше не доходили. Этим кончилось первое действие. Три месяца тому назад началось второе – появление Гарлея Вестфорда, вашего мужа, по милости которого вы меня обидели, в моей конторе на Лом-

бард-стритс.

Клара Вестфорд внезапно поднялась и сделала гордый жест.

– Оставьте этот дом, – сказала она банкиру, указывая на дверь, – ваше присутствие в нем неуместно! Двадцать лет назад, когда вы мне навязывали ваше общество, мы были в доме моего отца, где я не имела власти выгнать вас. Но этот дом принадлежит мне, и я приказываю вам сию же минуту оставить его и не переступать более его порога!

– Это жестокие слова, Клара, тем не менее я не могу не повиноваться им. Я уйду, но только ненадолго. Настанет день, когда я буду иметь большее право войти сюда. Но прежде чем я оставлю вас, позвольте обратить ваше внимание на один абзац этой газеты, который может иметь для вас некоторый интерес. – Гудвин подал мистрисс Вестфорд газету, в которой было обозначено одно место: «Председатели Ллойда начинают беспокоиться об участии корабля „Лили Кин“, который 27 июня этого года отправился в Китай и о котором до сих пор нет нигде никаких известий».

Пронзительный крик вырвался из груди Клары Вестфорд, и она без чувств упала на пол.

– Не прав ли я, Клара, – банкир со злобной улыбкой взглянул на ее бездыханное тело, – не прав ли я, сказав, что началось второе действие драмы?

Гудвин нагнулся к несчастной Кларе и положил руку ей на грудь. «Совершенно без памяти, – сказал он про себя, – сердце бьется, но чрезвычайно тихо. Случая более благоприятного быть не может, сам дьявол помогает мне». Банкир тихо прошелся по комнате. Возле камина стоял письменный стол, а перед ним кресло. Стол был замкнут, но ключ находился в замке. «Это, должно быть, его рабочий стол, – предположил банкир, – и я, вероятно, найду здесь то, что мне нужно».

Он еще раз взглянул на бесчувственную Клару, потом осторожно поднял крышку стола. Глазам его предстал ряд ящичков, наполненных разными пакетами, перевязанными одни красной, другие синей ленточкой. На одном из пакетов было написано: «От мужа моего». «Теперь посмотрим, как человек этот подписывает свое имя, – проговорил он. – Может быть, он подписывает только одни начальные буквы, а мне необходимо, чтобы было выписано все имя». Он вынул одно письмо из пакета и развернул его. Письмо было длинное и подписано полным именем капитана Гарлея Вестфорда. «И здесь сам дьявол мне помогает», – подумал Гудвин. Он положил это письмо в карман, а пакет возвратил в ящик и, бросив взгляд на Клару, поспешно вышел из комнаты. В передней он сильно дернул за звонок, на который

прибежала девушка.

– Я старинный знакомый вашей госпожи, – сказал он ей. – К несчастью, привез дурные вести. Мистрисс Вестфорд сделалось дурно, она лежит без памяти, поспешите к ней, да кстати, скажите как зовут вашего доктора и где он живет, я пришлю его.

Девушка сказала ему адрес врача и, поблагодарив его за попечение, отправилась к госпоже своей. А банкир оставил несчастный дом, спокойствие которого он нарушил столь преступным образом, и, зайдя сперва к доктору, которого послал в виллу, он поспешил к гостинице, где ожидал его экипаж, и направился в Винчестер, откуда приехал утром. По дороге он повстречал маленький шарабан, которым правила молодая девушка. Рядом с ней сидел молодой человек. Молодая девушка была Виолетта Вестфорд. Банкир вздрогнул, как при появлении какого-нибудь привидения.

«Это, должно быть, ее дочь, – подумал он, глядя вслед экипажу. – Она напоминает мне Клару Понсонби, когда я впервые увидел ее».

Занятый такими мыслями, Гудвин приехал в Винчестер, в одну из лучших гостиниц этого древнего города. Он нашел своего приказчика в номере, заранее приготовленном к его приезду. Яков Даниельсон сидел в глубоком раздумье, облокотясь на стол, перед ним стоял нетронутый графин с ромом. Когда вошел в комнату банкир, он медленно повернулся и посмотрел на него как человек, не верящий тому, что

видит.

– Что с вами, Яков? – удивился Гудвин. – Вы выглядите человеком, который едва оправился от сильного испуга.

– Я действительно сильно испугался, – мрачно отвечал он, – я встретил на улице привидение.

– Привидение?

– Да, привидение, тень моей прошедшей юности, живое изображение женщины, единственной, которую я любил!

Приказчик схватил дрожащей рукой бутылку и до краев наполнил стакан.

– Но в вине, – простонал он, – единственное успокоение от подобных волнений.

Банкиру еще не доводилось видеть своего приказчика в подобном состоянии.

– Вы в самом деле изумляете меня, Яков, – сказал он ему, – я даже не подозревал в вас существования сердца.

– У меня его и нет, – ответил он, – было когда-то, но разбилось. Это старая история. Теперь, господин Гудвин, я несколько оправился от своего испуга. Вы платите мне жалованье не за мечты, а за труд, и я готов трудиться. Вы звали меня в Винчестер не для вашего или моего удовольствия, так скажите, в чем дело?

– Еще не время отвечать на ваш вопрос, Яков: мы сперва пообедаем – мне хочется есть – а потом поговорим о делах. Вечер довольно холодный, прикажите истопить камин.

Когда это приказание было выполнено, банкир и приказ-

чик принялись за обед.

«Странно, – рассуждал сам с собою Гудвин, смотря на неприятное лицо своего собеседника, – этот человек говорит о призраке своей минувшей любви, но ведь и я тоже видел призрак моего прошлого: эта голубоглазая девушка с золотистыми локонами – живое изображение Клары Понсонби в минуту моей первой встречи с ней, когда ее лицо так сильно врезалось в мою память».

Присутствие слуг вынуждало обоих собеседников говорить о самых незначительных вещах. Банкир усиленно старался напоить своего приказчика, хотя сам был воздержаннее обыкновенного. Но когда скатерть была снята со стола, в серебряных подсвечниках зажжены свечи, Гудвин и Даниельсон придвинули свои кресла к камину.

– А теперь за дела! – воскликнул последний.

Банкир медлил с ответом. Задача была действительно нелегкая – ему предстояло сделать Даниельсона соучастником своего преступления. Однако надо было начинать.

– Даниельсон, – сказал банкир, – вы помните капитана Гарлея Вестфорда, который приезжал в Вильмингдонгалль, чтобы взять от меня обратно свои деньги?

– О да, я помню его, и весьма хорошо!

– Должен сказать вам, что этого несчастного, к сожалению, уже нет на свете.

– В самом деле?

Даниельсон пристально взглянул на банкира.

– Да. «Лили Кин» погибла со всем экипажем.

– Но почему вы знаете, что Гарлей Вестфорд находился на этом корабле?

– Потому что корабль принадлежал ему, и он мне объявил о своем намерении отправиться на нем. Зачем ему было изменять его?

– Я с вами согласен, – отвечал приказчик, – но на свете случаются странные вещи. Неожиданный случай мог легко воспрепятствовать его отъезду.

– О нет! – воскликнул Гудвин. – Это невозможно. Уверю вас, что Гарлей и весь груз корабля покоятся теперь на дне морском.

– В таком случае, наследники его не замедлят явиться и потребовать от вас его 20 тысяч фунтов.

– Ну и пусть являются, но с верными доказательствами, что они были приняты мной, а если таких нет...

– А квитанцию, которую вы выдали капитану?

– Она тоже на дне океана.

– Но если он передал ее кому-нибудь до своего отъезда?

– Это трудно предположить. Я уверен, что она погибла вместе с ним.

– В таком случае, на свете останется только одно лицо, знающее о получении вами этих 20 тысяч фунтов, то есть вы сами.

– Могу ли я довериться вам?

– Вы делали это до этой поры.

– О да, и в весьма знаменательных случаях; но настоящий случай важнее их всех. Готовы ли вы продать ваше молчание за тысячу фунтов?

– Очень готов, – отвечал Даниельсон.

– Но имейте в виду, что я нуждаюсь не в одном только молчании, но и в ваших услугах.

– Можете смело рассчитывать на то и на другое.

– Хорошо, – сказал банкир, – итак, слушайте. Вручая мне свое денежное состояние, Вестфорд отдал мне и акты на свою земельную собственность. Я хочу во чтобы то ни стало завладеть этой собственностью.

– На каком основании?

– На основании им же самим подписанного акта, которым он обязуется отдать ее в мое владение в случае неуплаты им в шестимесячный срок взятых у меня в долг денег.

– О, конечно!

– Но в этом акте вы должны непременно подписаться свидетелем.

– Но я никогда еще не был свидетелем в деле подобного рода.

– Ваша память изменяет вам нынче вечером, мой милый Даниельсон, но она станет свежее, когда я дам вам пятьдесят фунтов задатку.

Банкир сказал эти слова с мрачной улыбкой, которую хорошо понял его приказчик.

– Дайте сто вместо пятидесяти, – сказал он, – и тогда уви-

дите, что память моя станет еще свежее.

– Пусть будет по-вашему, – сказал банкир, – но, в таком случае, я попрошу у вашей памяти припомнить какого-нибудь приятеля, то есть писца, который придал бы этому акту законную форму и сумел бы подписать его почерком другого лица.

– Дайте мне немного подумать, – сказал Даниельсон.

И он действительно погрузился в раздумье.

– Да, – сказал он наконец, – я знаю такого человека.

– И он может сейчас же обделать это дело?

– Да, но он запросит денег.

– И ему будет щедро заплачено, – отвечал банкир.

– Где же вы возьмете подпись, которую он должен подделывать?

Гудвин вытащил из кармана украденное письмо Гарлея Вестфорда и передал его приказчику.

– Вы теперь знаете, что нужно вам сделать?

На том и закончился их разговор.

Мозг приказчика казался так свободен, как будто он пил не вино, а чистую воду – он продолжал сидеть, смотря то на огонь, то на задумчивое лицо банкира, и пил стакан за стаканом.

«Да это просто железный человек, – думал банкир. – Могу ли я быть спокоен, зная, что моя тайна в его руках? Спокойствие, спокойствие... Да знал ли я спокойствие с той самой минуты...» Конец этой фразы затерялся в тяжелом, по-

давленном вздохе.

8

Велика была скорбь, которая ожидала Лионеля и Виолетту по возвращении из приятной поездки. С легким сердцем и беззаботностью молодости отправились они в это утро, и мир казался им так прекрасен, что мысль о существовании продолжительного горя никак не могла прийти на ум. Теперь же их постиг первый удар, который разбил прекрасные мечты и подал им горькую чашу, которую они должны испить до дна.

Виолетта застала мать опять в постели, которую она так недавно оставила. Врач тщетно употреблял все возможные средства. Больная находилась в совершенно неподвижном состоянии, ее глаза мертво и без всякого выражения смотрели в пространство. Ни один вздох не облегчал ее мучений, она страдала молча, и сердце ее окаменело.

Доктор, который знал Лионеля и Виолетту с детства, ожидал их в передней, чтобы переговорить с ними. Он сидел за столом с газетой в руках.

– Мама наверное получила дурные известия! – воскликнула Виолетта в слезах. – Другой причины быть не может, это не обыкновенная болезнь! Будьте милосердны, мистер Сандерсон, скажите нам правду, как бы ни была она жестока.

– Скажите нам все! – воскликнул Лионель. – Не питайте нас обманчивыми надеждами!

Доктор передал газету молодому человеку.

– Прочтите, – сказал он, указывая на то место, которое относилось к «Лили Кин», – и дай Бог, чтобы это были только слухи.

Лионель прочел это место три раза, и холодная дрожь пробежала по его телу. В это время он почувствовал прикосновение дрожащей руки к его плечу и, обернувшись, увидел бледное лицо сестры, которая неподвижно смотрела на зловещую бумагу.

– О нет, нет! – закричала она. – Он не погиб! Не правда ли, доктор, отец наш не погиб?

Будем надеяться, что это так, – возразил доктор. – Эти деловые люди всегда готовы распространять разные безосновательные слухи. Может быть, все еще исправится.

– Нет! – порывисто воскликнул Лионель. – У меня нет больше доверия! Внутренний голос говорит мне, что отец погиб. Могу ли я забыть болезнь моей бедной матери? Она случилась от ужасного предчувствия, что эта поездка будет гибельна для отца. Она двадцать лет замужем за моряком, но у нее никогда не было подобных предчувствий. Непростительно глупо с моей стороны, что я смеялся над боязнью моей матери, теперь я понимаю, что она была основательна. Корабль отца разбился, и он погиб со всем экипажем!

Виолетта отчаянно вскрикнула и упала без чувств на руки брата.

– Вы убьете вашу сестру подобными речами, – строго ска-

зал доктор.

Лионель отнес сестру в ее комнату, и в следующую ночь доктору пришлось лечить двух больных.

Дни и недели, последовавшие за посещением Руперта Гудвина, прошли весьма печально. Клара Вестфорд и ее дочь долго были не в состоянии оставить постели. Все мучительное время Лионель вел себя как примерный сын и брат.

Каждую ночь, когда нанятые сиделки и домашняя прислуга, искренне привязанные к своей госпоже и ее дочери, были принуждены вследствие утомления оставить какую-нибудь из больных, Лионель занимал их место. Казалось, что этот молодой человек, всегда беспечный до постигшего его несчастья, был внезапно наделен какой-то сверхъестественной силой. Но он не только ухаживал за больными, он постоянно ездил в Лондон и посещал все места, где мог хоть что-нибудь узнать об участи отца и его корабля.

Но нерадостное известие наградило его старания, и до выздоровления его матери он узнал свое несчастье. На утесистом берегу нашли обломки разбитого корабля, который носил имя «Лили Кин». С растерзанным сердцем Лионель возвратился в Вестфорд-хауз. Теперь ему не нужно было более оставлять больных, чтобы разузнавать что-нибудь – он уже все знал.

Наконец настал день, когда Клара Вестфорд была в состоянии оставить постель, чтобы посидеть в салоне. Хотя окна и были наглухо затворены, комната все-таки не была ли-

шена комфорта. В камине горел умеренный огонь, и перед ним сидела в мягких креслах, обложенная кругом подушками, выздоравливающая Клара Вестфорд. Дверь отворилась, и Лионель внес на руках свою сестру. Хотя болезнь Виолетты не была так трудна и так продолжительна, как болезнь ее матери, тем не менее она была еще очень слаба и походила в своем белом платье на привидение. Она уже не была более тем молодым сияющим существом, которое обворожило молодого художника на балу в Винчестере.

– Виолетта! – воскликнула мать. – Разве и ты была больна?

– Да, мама.

– Но мне ничего об этом не говорили, – сказала она с упреком.

– К чему же было осложнять твою болезнь подобной вестью? – возразил Лионель. – За Виолеттой хорошо ухаживали.

– О да, очень хорошо! – девушка благодарно посмотрела на брата.

– Бедная моя Виолетта, – проговорила мистрисс Вестфорд, положив исхудалые свои пальцы на маленькую ручку дочери, – как рано жизнь твоя осложнилась. Я двадцать лет была счастливой, но для тебя буря жизни поднялась слишком рано. Бедные мои дети!

Лионель каждую минуту ожидал тягостного вопроса об отце и только удивлялся, что мать так долго о нем не спрашивала. Но несчастная женщина предчувствовала причи-

ну его молчания и потому заключила, что всякая надежда для нее потеряна. Наблюдая за сыном, она заметила следы глубокой печали на его лице. Она поняла, что овдовела.

После описываемой нами сцены в гостиной Вестфорд-хауза, в маленьком семействе, по-видимому, снова воцарились мир и спокойствие.

Портрет Гарлея Вестфорда, висевший в спальне жены его, был обтянут черным флером. Виолетта, в своем траурном платье, казалась бледной и больной. Волосы ее сохранили прежнюю свою прелесть, но ее глаза подернулись печалью.

Среди друзей семейства Вестфорд был адвокат по имени Мальдон, человек очень умный и пользовавшийся большой славой в окрестности. Он приехал навестить осиротевших и с большим участием расспрашивал мистрисс Вестфорд о денежном состоянии ее покойного мужа. Клара откровенно рассказала ему о требованиях Руперта Гудвина насчет их земельного владения.

– Странно, – заметил мистер Мальдон, – я всегда был того мнения, что ваш покойный муж накопил изрядную сумму.

– Я тоже так думала, – согласилась Клара. – И продолжаю так думать, потому что в день отъезда муж сказал мне, что намеревается отдать на сохранение Руперту Гудвину 20 тысяч фунтов стерлингов.

– И мистер Гудвин не признает получения этих денег?

– Да, он не признает его и даже настаивает на том, что мой муж ему задолжал. Но я этому не поверю до письменного

доказательства.

– Милая мистрисс Вестфорд, – возразил адвокат, – это довольно непонятно. Сомневаться в словах Руперта Гудвина почти немислимо, он принадлежит к первым купцам Лондона, и трудно поверить, чтобы он заявил необоснованные требования к вашему мужу.

– Этого я не знаю, но я весьма низкого мнения об этом Руперте Гудвине, – холодно отвечала мистрисс Вестфорд.

– Вы знаете его?

– Я знала его в прежние годы и всегда считала его злым и низким человеком.

– Это жестокие слова, мистрисс Вестфорд, – адвокат с удивлением посмотрел на Клару.

– Они произошли от того расположения, которое я чувствую к этому человеку. Я вполне уверена, что муж мой вручил ему 20 тысяч фунтов, и нисколько не сомневаюсь в том, что он может ограбить меня и детей моих.

– Боюсь, мистрисс Вестфорд, что вы действуете под влиянием предубеждения, но я немедленно отправлюсь в Лондон для объяснения с Рупертом Гудвином. Если вас действительно хотят притеснить, то вам будет оказана деятельная защита. Я любил и уважал вашего мужа и отношусь с этими же чувствами ко всему вашему семейству; я не позволю вас ограбить и обмануть этому банкиру, как он ни хитер и ни умен.

Мы не последуем за адвокатом ни в Лондон, ни на сви-

дание его с банкиром; достаточно сказать, что этот последний предъявил ему акт за подписью двух свидетелей, в силу которого Вестфорд уполномочил его вступить в марте того же года во владение его вестфордским поместьем в случае неуплаты взятых им у банкира в долг шести тысяч фунтов стерлингов. Январь был уже на исходе, и семейству Вестфордов оставалось не более двух месяцев владеть местом, где прошло так много счастливых дней. Мальдон был хорошим адвокатом, но предъявленный акт не допускал возможности спорить с банкиром: оставалось или отдать поместье, или выплатить деньги. Адвокат перерыл все бумаги Вестфорда, не найдя в них никаких пояснений относительно этой сделки. Адвокат знал по опыту, как часто мужа обманывают жен относительно своих денежных дел, и Гарлей Вестфорд поступил, вероятно, по их примеру.

Роковой срок меж тем быстро приближался, и мистрисс Вестфорд ожидала его с высочайшей твердостью: она понимала, что ей нечего ждать пощады от банкира.

У мистрисс Вестфорд не было собственных денег – побег из родительского дома лишил ее участия в наследстве отца. Муж ее никогда не слыхал о тех клеветнических слухов, которые распространили в обществе о поведении Клары, не слыхал ее имени рядом с именем Руперта Гудвина. Ее замужество вытеснило ее из блестящей среды и ввело в дом мужа без всяких денежных средств. Рассматривая теперь серьезно свое положение, она убедилась в его полной

безвыходности. Торговцы, поставившие съестные припасы для ее семейства, и даже прислуга требовали платы, а маленькая сумма, оставленная ей мужем, была уже истрачена. Он обещал выслать ей денег, но море поглотило и его, и все, что при нем. Мистрисс Вестфорд оставались только ее бриллианты как единственное средство удовлетворить своих должников. Вещи эти были ей дороги по воспоминаниям, связанным с ними, но ее честь взяла верх над сожалением, и вещи были вручены для продажи мистеру Мальдону. После уплаты долгов у нее оставалось не более тридцати фунтов. С этой маленькой суммой ей предстояло начать суровую борьбу с мрачным будущим.

Настал канун 25 марта, и хотя о банкире не было вести, Клара была готова беспрекословно выйти из своего поместья и твердо решила не унижаться ни малейшей просьбой об отсрочке. Но это решение встретило сильный протест у Виолетты.

– К чему так спешить, – говорила она, он, вероятно, даст тебе время поправить здоровье.

– Нет, Виолетта, – сказала мистрисс Вестфорд, – я не останусь и часа под кровом Гудвина.

– Ты говоришь, мама, как будто знаешь этого человека.

– Знаю, конечно, – отвечала она, – и с самой дурной стороны, а потому решение мое не изменится, и ты должна немедленно написать Лионелю, чтобы он выехал в час прямо на станцию, где он и встретит нас.

Уже несколько недель Лионель жил в Лондоне в поисках какого-нибудь дела, но, несмотря на его основательное образование и на скромные требования, ничего пока не получалось. Лондон изобилует дельными, образованными молодыми людьми, которые непосильным трудом зарабатывали только на хлеб насущный. Мужество покидало Лионеля вследствие многих неудачных попыток, ибо на каждое вакантное место являлась целая сотня желающих, из которых, естественно, девяносто девять отходили, не дождавшись ре-

зультатов.

Лионель снимал в квартале Суррей небольшую квартир-ку, в которую готовился принять мать и сестру. Много горь-ких сравнений и воспоминаний о прежней обстановке вызы-вала в нем эта квартира, но никто не слышал от него ни слова жалобы, и все его мысли были направлены на сестру и мать, на возможность отвлечь от них тяжелую бедность.

В полдень 24 марта погода была мрачна и холодна, ветер шумел в старых деревьях вестфордского сада, но, несмотря на это, Виолетта открыла калитку в лес. Со дня своей болез-ни она не виделась с Рафаэлем Станмором и ничего не слы-шала о нем. Она ждала, что он придет проведать, ее и даже решила спросить Лионеля, не слышал ли он чего-нибудь о нем. Ответ был отрицательный. Станмор не захотел узнать даже причины ее продолжительного отсутствия, и это равно-душие лежало страшной тяжестью на ее душе; ее самолюбие тоже страдало и внушило ей мысль не искать свиданий с че-ловеком, на любовь которого она уже не полагалась. Однако в минуту расставания с Вестфорд-хаузом она не могла про-тивиться желанию узнать о причинах молчания Станмора. Он мог заболеть. Любовь пересилила самолюбие и заставила ее отправиться на место, с которым было связано так много светлых воспоминаний.

Мрачен казался в это утро лес, но еще мрачнее было прежде цветущее личико молодой девушки. Глаза ее впали, прежний румянец сменился бледностью. Медленно и с силь-

но бьющимся сердцем подходила она к скромному домику, в котором жил художник. Путь был не ближний, и день клонился к вечеру. Яркий огонь в камине освещал окна домика, и сердце Виолетты болезненно сжалось. «Если бы у моей матери оставался теперь хотя бы такой домик, – подумала она, – то мы были бы счастливы, мы, которым владельцы этого так часто завидовали».

Не успела Виолетта подойти к дверям, как ей навстречу вышла женщина.

– Мисс Виолетта, боже мой! – воскликнула она. – Вы меня напугали, я чуть не приняла вас за привидение! Но на дворе так холодно, войдите и погрейтесь у моего огня; я рада вам от чистого сердца, и во время вашей болезни я часто приходила в Вестфорд-хауз осведомляться о вашем здоровье.

Сердце Виолетты сильно забилося, она относилась к этому участию к влиянию Станмора.

– Благодарю вас от всей души, – сказала Виолетта.

– За что благодарить? Это очень естественно: я знаю вас с детства, и ваша матушка была всегда так добра ко мне.

Надежда, оживившая сердце молодой девушки, снова исчезла: она сама не знала, как выспросить то, что ей хотелось так сильно узнать, но хозяйка не заметила волнения на лице Виолетты.

– Как все у вас здесь покойно и мило! – проговорила наконец молодая девушка.

– Вы очень добры, – отвечала хозяйка, – но домик наш

кажется мне пуст, с тех пор как мы лишились нашего жильца.

– То есть мистера Станмора? – заволновалась Виолетта.

– Да, мистера Станмора. Он съехал от нас совершенно неожиданно и, можно сказать, даже против желания.

– Как так – против желания? – спросила Виолетта.

– А вот как было дело: я сидела у окна, когда к калитке неожиданно подошел высокий господин мрачной наружности и холодно спросил меня, здесь ли его сын.

– Ваш сын? – сказала я. – Я не знаю его.

– О нет, вы его знаете: вот он писал картину, которая лежит у вас на столе.

– Мистер Станмор? – сказала я.

– Называйте его каким угодно именем, – возразил он, – оно не мешает ему быть моим сыном.

В эту минуту мистер Станмор возвращался из леса и вошел прямо в комнату.

– Я здесь, отец, – сказал он очень гордо, – и готов оправдываться, если вы этого желаете.

Тогда оба они ушли в комнату мистера Станмора, и, так как стены здесь тонкие, то я слышала, что они громко спорили. Через некоторое время отец вышел из дома в сильном волнении, не сказав ни слова. Через час вышел и мистер Станмор и попросил моего мужа перевезти его вещи на станцию Винчестер. Он сказал, что с первым поездом отправляется в путь. Меня опечалил его отъезд – действительно, трудно найти жильца лучше его. Он и сам казался очень

расстроен. Кстати, я вспомнила одно обстоятельство, которое, по-видимому, касается вас, – сказала хозяйка, взглянув на Виолетту.

Яркий румянец покрыл лицо девушки.

– Мистер Станмор говорил обо мне? – спросила она.

– В ту самую минуту, как он намеревался оставить наш дом, он поспешно обернулся ко мне и сказал: «Если увидите мисс Вестфорд, то скажите ей, что я нарисовал тот старый дуб, который ей так нравился, и что мне было бы очень приятно, если бы она сходила к нему, чтобы живее его вспомнить, когда увидит мою картину». Не странно ли было такое поручение?

– Да, – ответила Виолетта, по-видимому, очень равнодушно, – должно быть, мистер Станмор говорил о том старом дубе на берегу озера, которым мы с братом часто любовались; но, к сожалению, у меня нет времени, чтобы взглянуть на него, потому что мы завтра уезжаем отсюда.

Добрая женщина выразила крайнее сожаление об отъезде семейства – она уже несколько дней назад слышала о том, что Вестфорд-хауз переходит к другому владельцу.

С тяжелым сердцем вышла Виолетта из этого домика. Рафаэль Станмор исчез без всякого следа, не оставя ей, которой клялся в вечной любви, даже письма. Она никак не могла объяснить себе этого.

Между тем луна осветила открытые места леса. Виолетта осматривала тихую местность с болью в сердце. «Может

быть, я вижу в последний раз эту страну, в которой была так счастлива», – она вспомнила слова Рафаэля, сказанные в отношении дуба. – «Можно было бы подумать, что он издевался над моим горем, – продолжала она, – а между тем он сам был грустен – так по крайней мере говорила его хозяйка. Почему желал он, чтобы я еще раз сходила к тому дубу, под ветвями которого мы с ним так часто отдыхали? Но, как бы то ни было, – она глубоко вздохнула, – это его желание я исполню. Моя мать слишком занята сегодня, чтобы заметить мое отсутствие, и я сейчас же пойду к озеру».

При свете луны она безбоязненно шла по лесным тропинкам. В этот тихий вечер вид воды был как-то особенно хорош. Под густыми ветвями старого дуба, бросившими далекую тень на траву, стояла скамья. Виолетта села на нее и предалась глубокому раздумью о потерянном счастье, которое так живо напоминала ей эта местность. Она прислонила голову к жесткой коре дерева, и в первый раз за все это горестное время горячие слезы потекли по ее щекам.

В эту минуту она заметила углубление в дереве, куда, как она вспомнила, Рафаэль имел обыкновение ставить свой ящичек с красками. Не вложил ли он теперь письма для нее и не дал ли это странное поручение своей хозяйке, чтобы обратить ее внимание на это дерево? Виолетта нагнулась и поспешно начала рыться в углублении, которое было почти заполнено мхом и старыми листьями и; устранив все это, она заметила что-то белое и с жадностью схватила его. Да, это было

письмо! Она напрягла зрение, но не могла ничего разобрать, кроме слова «Виолетте», написанного на запечатанном конверте. Она положила его в карман и побежала к дому.

Никогда еще, даже в счастливые дни свои она не летела с подобной быстротой по узким тропинкам. Запыхавшись и очень утомившись она достигла Вестфорд-хауза и, взяв в передней свечу, поспешила в свою комнату. Здесь она села к письменному столу и разломилла печать конверта. Письмо было короткое и писалось, по-видимому с большой поспешностью:

«Милая моя Виолетта!

Обстоятельства, которых я не могу тебе объяснить в это письмо, неожиданно заставляют меня оставить Англию. Не знаю, когда буду в состоянии возвратиться, но как только это случится, я буду просить твоей руки. До тех пор прошу тебя адресовать твои письма на почту в Брюгге, до востребования. Скажи мне, что ты также будешь непоколебима в верности ко мне, как будет тебе непоколебимо верен твой Рафаэль».

Нельзя выразить словами того утешения, которое принесло это письмо Виолетте. Женщина большого света не придавала бы много значения уверениям Рафаэля, но доверчивому сердцу Виолетты они служили священной клятвой.

«Он меня любит, он мне верен! воскликнула она. – И когда он возвратится, я буду его женой!

Но что он будет делать, когда найдет наш дом пустым? Ах, он сумеет везде меня отыскать!»

Воспитанная в деревне, молодая девушка забыла, что Лондон походит на обширное море и что люди исчезают в нем, как капли воды в океане.

Рано утром Виолетта и ее мать оставили Вестфорд-хауз и отправились в наемной карете в Винчестер. Кроме своих платьев, белья и двух портретов Гарлея Вестфорда, они ничего больше не взяли, потому что акт Руперта Гудвина, который и сам мистер Мальдон признал действительным, распространялся как на мебель, так и на серебро, находившееся в доме.

Ровно в час того же дня они прибыли на вокзал Ватерлоо в Лондоне, где ожидал их Лионель, мрачный и бледный, являвший теперь резкую противоположность с тем беззаботным студентом, веселость которого распространялась на всех окружающих его. После обычных приветствий все трое сели опять в наемную карету и, быстро проехав несколько переулков, остановились перед маленьким чистеньким домиком.

Лионель грустно взглянул на мать и подумал о горьком впечатлении, которое должны были произвести на нее эта мрачная улица и этот невзрачный домик в сравнении с прекрасным домом в их бывшем поместье.

– Здесь очень бедно, милая мама, – сказал он, с чувством пожимая руку матери, – но я не смог найти ничего лучшего сообразно нашим средствам. Надо будет потерпеть, пока не поправятся наши обстоятельства.

– Душа моя, – ответила мать, с благодарностью посмотрев на сына, – грешно жаловаться, когда судьба сохранила мне вас.

Лионель употребил все старания, чтобы придать комнате несколько более веселый вид. В камине горел яркий огонь, а на столе стояла ваза с первыми цветами весны.

Искренняя привязанность друг к другу была единственной опорой в первые дни бедности этих жертв банкира. Испытание было тяжелое.

Каждое утро после скудного завтрака Лионель отправлялся – без средств и без друзей – отыскивать себе занятие в Лондоне; каждое утро Виолетта делала то же самое, чтобы добыть хлеб насущный, которого они уже скоро должны были лишиться. Но она была не счастливее брата, хотя многое знала. Но Лондон изобилует образованными молодыми девушками, которые часто напрасно старались получить хотя бы скудное место. Равно и мистрисс Вестфорд старалась приносить пользу своим талантом, но также долго тщетно искала себе занятие. Наконец, когда уже мать и дочь почти потеряли надежду на работу, светлый солнечный луч проник в их жизнь и, казалось, пообещал им лучшие дни.

Одна знатная дама дала объявление в газетах, что ищет гувернантку своим двум дочерям. Виолетта прочла публикацию и немедленно отправилась по адресу.

Мистрисс Монтес Тревор была женщиной, которая думала об удовольствиях и нарядах. Она когда-то была чрезвы-

чайно красива и воображала, что в сорок лет все еще сохранила всю прелесть своего девятнадцатилетнего возраста. Она была вдовой, и мысль о вторичном браке постоянно занимала ее, но она домогалась богатого мужа, так как привыкла к роскошной жизни.

Публикацию этой-то мистрисс Тревор Виолетта и прочла в газетах, и на следующий день она сидела в числе еще нескольких кандидатов в приемной этой дамы и с сильно бьющимся сердцем ожидала минуты, когда ее пригласят в кабинет и решат ее участь. Она знала, что для их семейства наступала самая горькая нищета, и мысленно молилась об успехе этого дела.

Наконец Виолетту ввели в кабинет мистрисс Тревор, которая неглиже, с веером в руках возлежала на изящной кушетке. Подле нее на маленьком столике стояли флакон с духами и чашка шоколада. Обе ее дочери стояли у окна и рассеянно смотрели в окно.

Как только Виолетта вошла, дрожа от волнения, мистрисс Тревор не могла удержаться от удивления.

– Какое прекрасное лицо! – воскликнула она. – Милая Теодорина, милая Анастасия, – обратилась она к дочерям, – видели ли вы что-нибудь прелестнее этого?

Виолетта и не подозревала даже, что это восклицание относилось к ней; она подошла к даме и сказала ей робко:

– Мистрисс были столь добры, что позвали меня к себе?

– Да, моя милая, я звала вас и очарована вами. Я люблю,

чтобы все окружающее меня было прекрасно – мои комнаты, цветы, моя фаянсовая посуда. И вы прекрасны. Красота сделалась для меня так же необходима, как воздух, которым я дышу. Я уверена, что мы сойдемся с вами. Милая Анастасия, не находишь ли ты, что есть сходство между мисс... мисс...

– Вестфорд, – пролепетала Виолетта.

– Мисс Вестфорд и мною? В форме носов, например. Форма носа мисс Вестфорд та самая, которую покойный отец ваш называл чисто греческим типом. Я наперед уверена, моя милая, что вы мне понравитесь. Вы ведь играете на фортепиано, а также можете петь?

– О да, мистрисс!

Мистрисс Тревор указала рукой, на которой блестели драгоценные камни, на открытый инструмент.

– Доставьте нам удовольствие послушать вас! – сказала она.

Виолетта села за фортепиано и после коротких прелюдий, которые вполне доказывали, насколько развита в ее тоненьких пальчиках техника, спела итальянскую арию, в которой очень выгодно выказался ее голос.

– Отлично! – воскликнула мистрисс Тревор. – Вы ведь также умеете рисовать?

Виолетта открыла свой портфель и вынула из него несколько рисунков.

– Прекрасно, – сказала мистрисс Тревор, бросив на них небрежный взгляд, – и вы, конечно, говорите по-француз-

ски, немецки и итальянски, ибо я в своей публикации требовала этих познаний?

Виолетта ответила, что в совершенстве владеет этими тремя языками.

– И рекомендация о вас, надеюсь, хороша?

– Вы можете узнать обо мне у мистера Мортон, священника того округа, в котором я жила при жизни моего отца.

– Очень хорошо! – сказала пышная вдова, пока Виолетта передавала ей адрес своего духовника в Гампшире. – Я сегодня же напишу ему и нисколько не сомневаюсь, что ответ будет удовлетворительный. Итак, мы можем сейчас же со всем покончить. Сегодня среда, ответ мистера Мортон я могу получить в пятницу, а в понедельник вы уже можете начать занятия с моими дочерьми. До свидания! Позвони, Анастасия!

Виолетта подошла было к дверям, но нерешительно остановилась.

– Остается еще один вопрос, мистрисс, – робко сказала она. – Какая плата?

– Да, да! – воскликнула мистрисс Тревор. – В самом деле, я и забыла! Вы хотите условиться насчет платы? Совершенно верно. Плату, мисс Вестфорд, я назначаю по десять шиллингов в неделю.

– И сколько уроков? – спросила Виолетта.

– Начиная каждый день с девяти часов утра до двух пополудни, чтобы дать вам время спокойно обедать с своим се-

мейством, – сказала мистрисс Тревор, снисходительно улыбаясь.

От девяти часов утра до двух пополудни, за десять шиллингов пенса в неделю! Виолетта вздохнула, вспомнив цену, которую платили ее учителям, и время, и труд, потраченные на ее образование.

– Может быть, вам мои условия не нравятся? – спросила кроткая мистрисс Тревор резко.

– О нет, мистрисс, я вполне довольна.

– И вы принимаете их?

– Да, мистрисс.

– В таком случае, я полагаюсь на вас, и вы можете начать уже с понедельника, конечно, с тем условием, что ответ мистера Мортонна будет удовлетворительный.

– Я не боюсь противного, мистрисс, прощайте.

Почти счастливая вышла Виолетта из кабинета знатной дамы – десять шиллингов спасали их семейство от голодной смерти. Десять шиллингов в неделю предложила образованной учительнице госпожа Тревор, которая платила, не колеблясь, пять фунтов стерлингов за фаянсовую чашку! Торжествуя, она обратилась к своей старшей дочери и сказала:

– Я полагаю, что это дело было хорошо обделано! Десять шиллингов в неделю! Эта молодая особа, милая Анастасия, стоит по крайней мере сто гиней в год!

Младшая дочь, которая не походила на мать ни наружностью, ни характером, посмотрела на нее с упреком.

– Не жестоко ли это и даже несправедливо – предложить ей такую безделицу, когда она так много стоит? – сказала она.

– Жестоко, несправедливо? – повторила мистрис Тревор. – Ты ничего не понимаешь, дитя мое, и в жизни не сумеешь заключить выгодных сделок.

В понедельник по утрам, Виолетта позвонила у одного из домов, находящихся в Регент-Парке. Служанка провела ее в маленькую комнатку, мрачную и холодную, меблированную скудно и совершенно отличную от блестящего будуара мистрисс Тревор. Виолетта приступила к выполнению своих обязанностей, но скоро убедилась в сомнительности их успеха. Анастасия Тревор, несмотря на хорошие способности, была ленива, а Теодорина, при совершенном отсутствии способностей, старалась извлекать всевозможную пользу из уроков наставницы.

– Вы найдете меня весьма малосведущей, мисс Вестфорд, – сказала она, – но не сомневайтесь в моем искреннем желании трудиться.

– Я и не сомневаюсь в нем, – кротко отвечала Виолетта.

Она занималась каждый день преподаванием различных предметов своим ученицам и не роптала на тяжесть своей жизни. Ее мирили с ней возможность относить в последний день недели десять шиллингов в квартиру своей матери. Обстоятельства Лионеля приняли тоже лучший оборот с получением места переписчика в конторе адвоката – хотя вознаграждение было самое скудное, он был ему рад. Мистрисс Вестфорд работала в свою очередь, и все они были почти счастливы возможностью трудиться один для другого.

Но и это грустное счастье продолжалось недолго. Недель через шесть после вступления Виолетты в дом мистрисс Тревор, последняя предложила ей участвовать в вечере, назначенном на той же неделе, и хотя это участие не радовало Виолетту, она не могла от него отказаться из опасения обидеть мистрисс Тревор.

Вечер этот настал. Виолетта пришла в траурном платье, резко контрастирующем с яркой белизной ее прекрасных плеч, Теодорина была одета просто, в беленьком платье, но Анастасия явилась в самом блистательном наряде и была действительно поразительно хороша.

Собралось уже много гостей, когда Виолетта со своими воспитанницами вошла в зал. В числе этих гостей было несколько так называемых выгодных партий: одной из них был банкир Руперт Гудвин, которого мистрисс Тревор ловила для себя, другой – сэр Гарольд Ивра, которого она прочила в женихи Анастасии. Сэр Гарольд был молод и очень богат, а Анастасия – светская красивая девушка. Мистрисс Тревор была заранее уверена в успехе. Но каково же было ее разочарование, когда сэр Гарольд, почти не обращая внимания на ее дочь, увлекся, по-видимому, прекрасной наружностью ее наставницы. Мистрисс Тревор закусилась себе губы до крови.

Виолетта не замечала выразительных взглядов молодого баронета, и ее кроткие и робкие ответы скоро прекратили разговор, который начал с ней сэр Гарольд.

Наступила наконец и минута, ожидаемая так нетерпеливо мистрисс Тревор и Анастасией: Виолетта села за инструмент, чтобы аккомпанировать пению Анастасии. Последняя окинула торжествующим взглядом общество, гордая сознанием своей красоты. Сэр Гарольд в раздумье смотрел на нее. Одобрительный шепот пронесся в собрании, когда Виолетта сыграла прелюдию. У Анастасии было отличное сопрано, но отсутствие выражения портило впечатление от ее прекрасного голоса. Мистрисс Тревор, говорившая в другой комнате с Рупертом Гудвином, пригласила его пойти послушать пение, и оба стали в дверях, так что и фортепиано, и лица пианистки и певицы были им хорошо видны. При взгляде на прекрасное и задумчивое лицо Виолетты Гудвин побледнел.

– Кто эта молодая дама в трауре? – спросил он мистрисс Тревор, которая не заметила волнения на лице банкира. Но сам вопрос оскорбил ее невниманием гостя к ее собственным дочерям.

– Молодая особа, так сильно интересующая вас, – отвечала она не без колкости, – наставница моих детей – мисс Виолетта Вестфорд. Она сильно горюет о недавней потере своего отца, погибшего во время морского путешествия.

Легкая дрожь пробежала по лицу банкира, но он пересилил себя; что-то сатанинское заблестало в его глазах.

– Так наставница ваших детей – дочь капитана Вестфорда? – сказал он мистрисс Тревор. – Жаль, очень жаль!

– Почему? – удивилась мистрисс Треворс удивлением.

– А потому, – ответил он, – что я принимаю в ваших делах живое участие и имею свои причины жалеть о том, что наставление этих милых девушек поручены особе такого пошиба, как дочь капитана Вестфорда.

– Вы пугаете меня! – воскликнула мистрисс Тревор. – Мне рекомендовали мисс Вестфорд с отличной стороны. Умоляю вас, расскажите мне все, что знаете о ней.

– Но только не теперь, – отвечал банкир. – Завтра, если хотите, или даже нынче, если только представится удобный случай.

Анастасия между тем кончила арию, и гости, выразив ей свое восхищение, обратились к Теодорине с просьбой спеть, в свою очередь. Молодая девушка хотела отказаться, но просьба Виолетты заставила ее исполнить желание гостей, как ни трудна казалась ей эта задача.

– Как! – воскликнула мистрисс Тревор. – Могу ли я верить своим глазам? Теодорина хочет петь? У бедной девушки хотя и сносный голос, но она вовсе не владеет им.

Эти слова были сказаны матерью самым презрительным тоном, потому что ей было невыносимо, если Теодорина обращала на себя малейшее внимание в ущерб Анастасии.

Первые звуки прекрасного контральто были слабы и нерешительны, но мало-помалу оно выказалось в полной своей силе и гибкости. Она пела простую народную песню «Старый Роберт Грей», но еще до окончания ее все слушатели были

глубоко тронуты. Короткое торжество Анастасии совершенно затмилось – она и ее мать с трудом скрывали свою досаду.

– Мне было бы приятнее, если бы вы спросили моего позволения, прежде чем заставили петь Теодорину, мисс Вестфорд, – сказала мистрисс Тревор. – Она еще слишком молода, чтобы петь при таком большом обществе, и к тому же эта баллада скорее подходит к детской, нежели к гостиней.

– Прошу вас, не говорите этого, мистрисс Тревор, – перебил сэр Гарольд Иври. – Пение младшей вашей дочери вызвало у нас слезы. – Он с восторгом посмотрел на Теодорину, но в ту же минуту глаза его с еще большим восторгом обратились к Виолетте.

– Я уверен, – сказал он ей, – что мисс Теодорина многим обязана своей наставнице. Не споете ли и вы нам чего-нибудь? – И он обратился к мистрисс Тревор: – Будьте так добры, присоедините вашу просьбу к моей, не то мы лишимся удовольствия услышать пение мисс Вестфорд.

Мистрисс Тревор нахмурилась, но не могла не исполнить желания такого почетного гостя, каким был молодой баронет, и потому весьма ласково попросила Виолетту уступить его просьбе. Та, не знакомая с притворством, без всяких отговорок села за инструмент, чтобы исполнить желание баронета. Она пела простую песнь, но с таким глубоким чувством, что почти все слушатели были тронуты. Она сама с трудом удерживала выступающие слезы, ибо вспомнила, как часто пела эту песню своему отцу в счастливом

Вестфорд-хаузе. Когда она кончила, сэр Гарольд наклонился к ней и поблагодарил за пение.

– Но я боюсь, что эта песня возбудила в вас горькие воспоминания, – сказал он ей.

– Да, я вспомнила о любимом отце, которого лишилась, и о счастливых родных местах, которые мы принуждены были оставить.

– Так вы в трауре по отцу? О, извините, если мои вопросы нескромны, но я принимаю глубокое участие во всем, что вас касается!

Виолетта с удивлением посмотрела на молодого баронета, она никак не могла объяснить себе, по какой причине он ею так интересуется.

– Да, – сказала она, – я в трауре по отцу, лучшему отцу, который имел в виду только счастье своих детей.

Тут разговор их прекратился, так как Анастасия готовилась петь, а Виолетта должна была ей аккомпанировать. Полчаса спустя гости начали расходиться, и Виолетте позволили возвратиться домой. Когда она подошла проститься с мистрисс Тревор, она заметила обидное невнимание к себе, но она была слишком утомлена, чтобы долго размышлять о причине подобного поведения, и потому незаметно вышла из зала и отправилась в переднюю, чтобы отыскать свою накидку. Едва она успела накинуть ее, как услышала легкие шаги и, обернувшись, увидела сэр Гарольда Иври.

– Надеюсь, – почтительно сказал он, – вы позволите мне

убедиться в том, что вы благополучно достигнете дома; вы – одна, и я считал бы счастьем быть вашим провожатым.

Виолетта покраснела. В счастливые дни свои она привыкла, чтобы ее провожали до кареты, когда она возвращалась с бала; теперь же она едва могла скрыть чувство стыда, может быть, и ложного. Но она тотчас оправилась и отвечала:

– Вы очень добры, сир Гарольд, но я иду пешком и к тому же, вероятно, меня ожидает мой брат вблизи этого дома.

– Ваш брат? – воскликнул баронет с неудовольствием. – Ему, конечно, я должен уступить, но вы, по крайней мере позвольте мне проводить вас до него?

Он подал ей руку, и она, убедившись в неловкости отказать ему, приняла предложение. Но недалеко пришлось им идти вместе: в конце террасы дома стоял Лионель, под защиту которого сэр Гарольд вынужден был отдать Виолетту. Но он не оставил их; он дошел с ними до моста Ватерлоо, где наконец решился проститься, боясь поставить их в затруднительное положение, если пойдет далее и узнает, в какой грязной части Лондона они живут. Он достаточно видел и слышал, чтобы знать, что Виолетта и брат ее жили в горькой бедности, и вполне сознавал щекотливость их положения, но он неохотно оставлял их.

– Я никогда не забуду вашего пения, – сказал он, прощаясь с Виолеттой, – и надеюсь, что еще не раз услышу его. – С этими словами он почтительно откланялся ей.

Несмотря на позднюю пору, в которую Виолетта вышла из дома мистрисс Тревор, она на следующее утро должна была явиться в обычное время для занятий. Ровно в девять часов она была уже в доме мистрисс Тревор и хотела отправиться прямо в учебную комнату, как была остановлена лакеем.

– Мистрисс Тревор желает поговорить с вами в своем будуаре, – сказал он ей с той наглостью, с которой вообще встречает получающий хорошую плату лакей дешево доставшуюся учительницу. – Дело важное, и потому поспешите к ней.

Виолетта удивилась. Мистрисс Тревор имела обыкновение вставать очень поздно. Что побудило ее встать так рано, и какое могло быть между ними важное дело? Виолетта поспешила в будуар знатной дамы, которая никогда не была так свежа и так хороша, как в эту минуту. При первом взгляде на мистрисс Тревор, сидевшую за роскошным завтраком, и на старшую ее дочь Анастасию Виолетта почувствовала, что случилось что-то недоброе, но, не сознавая за собой никакой вины, она спокойно перенесла презрительные взгляды обеих дам.

– Мисс Вестфорд, – сказала мистрисс Тревор со свойственной ей важностью, – когда вы в первый раз посетили

мой дом, я приняла вас почти с детским доверием. Вы мне понравились. Вы хороши собой, и так как я такое существо, на которое все прекрасное имеет большое влияние, то мне необходимо, чтобы все окружающее меня было прекрасно. Вы у меня искали занятий, и я с доверчивостью приняла вас в свое семейство и поручила вам воспитание моих детей. Теперь же, когда я воображала, что могу быть спокойной, доверяясь вашей честности, должна сознаться в том, что жестоко ошиблась.

Мертвая бледность покрыла лицо Виолетты; она в первый раз в жизни испытывала всю горечь оскорбления.

– Чем же я обманула ваше доверие ко мне? – спросила она гордо и спокойно.

– Ах, мисс Вестфорд, – возразила вдова, поднеся платок к своим глазам, – это чрезвычайно печальная история. Против вас самой я по-настоящему ничего не имею, кроме только того, что вы скрыли от меня всю правду.

– Я скрыла от вас правду, мистрисс? – воскликнула Виолетта. – Какую правду?

– Вы обманным путем вступили в мой дом. Вы скрыли от меня все прошлое вашей несчастной матери.

– Прошлое моей матери? Что же могла сказать про нее иное, как то, что она лучшая и нежнейшая мать, которую я люблю больше жизни?

– Несчастливая дочь, разве вы не знаете поведения вашей матери до ее вступления в брак с вашим отцом?

– Мистрисс, что могу я знать о матери своей? И кто осмелился бросить хотя бы тень подозрения на нее?

– Человек, который, к несчастью, слишком хорошо ее знает, – ответила мистрисс Тревор. – Бедное дитя, я почти начинаю верить вам, что вы не знаете истины; но имя вашей матери должно бы быть вам известно?

Яркий румянец покрыл лицо Виолетты, и какое-то чувство испуга овладело ею. Она не знала прежнего имени матери, никогда не говорившей о своем прошлом. Таинственная завеса лежала, казалось, на этом периоде ее жизни; но детская привязанность рассеивала всякие подозрения.

– С этой минуты я отказываюсь от всех занятий в вашем доме, мистрисс Тревор, – сказала молодая девушка с негодованием. – Кто бы ни был тот человек, который осмелился оклеветать мою мать, я объявляю его самым фальшивым и низким существом.

– Особа, которая рассказала мне печальную историю вашей матери, занимает слишком высокое положение в обществе, чтобы снизойти до клеветы. Она рассказала мне факты, которые, я надеялась, вы будете в состоянии оправдать – но вы этого не можете. Вы даже не можете назвать имени вашей матери. Но я его знаю, мисс Вестфорд! Ваша мать – урожденная Понсонби, и отец ее, сэр Джон Понсонби, сердце которого не перенесло позора дочери, выгнал ее из дому.

– В чем же состоял этот позор, мистрисс Тревор? – спросила Виолетта. – Я имею право узнать всю историю вымыш-

ленных низостей, которую мог рассказать вам какой-то жалкий клеветник про чистейшую из всех женщин.

– Нет, дитя мое! – возразила мистрисс Тревор с мнимым участием. – Я и так уже сказала более чем достаточно. Я жалею о вашем несчастье, ибо нет больше несчастья, чем быть дочерью падшей женщины. Но я сама мать и должна заботиться о своих дочерях и потому не могу допустить, чтобы вы продолжали посещать мой дом.

– Вы не можете допустить этого! – воскликнула Виолетта, в высшей степени оскорбленная. – Неужели вы думаете я переступлю порог дома, где так гнусно оклеветали мою мать? Нет, мистрисс. Я прощаюсь с вами и никогда не желаю встретиться с особой, которая могла причинить мне такую страшную боль.

С этими словами Виолетта вышла, как казалось, спокойная, но природа взяла свое, и горькие слезы потекли по щекам несчастной девушки: то были слезы стыда. Накрыв лицо вуалью, она медленно шла, чтобы отдалить тяжелую минуту ответа на вопросы брата и матери. Но избежать этой минуты не было возможности – она дошла до дома. Мистрисс Вестфорд сидела у окна, занятая рукоделием, а Лионель писал. При появлении Виолетты оба посмотрели на нее с радостным удивлением.

– Как это случилось, дитя мое, – воскликнула мистрисс Вестфорд, – что мистрисс Тревор так рано отпустила тебя сегодня?

Едва произнесла она эти слова, как уже заметила, что с дочерью случилась какая-то неприятность. Глаза, наполненные слезами, и страшная бледность лица Виолетты все ей сказали.

– Что случилось? – тревожно спросила она.

При этих словах Виолетта не могла более удержаться и разрыдалась.

– Милая маменька, – произнесла она, – особенного ничего не случилось. Мы только к несчастью так бедны, а найти себе место в Лондоне так трудно. Мне отказали – вот и все.

– Все! – Клара Вестфорд хорошо знала, что для бедности страшна потеря даже самого незначительного заработка, но она скрыла горечь новой неудачи и, прижав к груди свою дочь, улыбаясь, сказала ей: – Хорошо, дитя мое, мы будем подыскивать тебе другое место, ведь это – не единственное в Лондоне. Но скажи, Виолетта, отчего ты оставила занятия у мистрисс Тревор?

– Она отказала мне, мама, – рыдала Виолетта.

– По какой причине?

– Да, по какой причине? – спросил брат, оставивший свои письменные дела и подошедший к сестре.

– Особенной причины не было. Мистрисс Тревор не имеет никакой причины быть мной недовольной.

– И все-таки она отказала тебе?

– Да.

– В таком случае, она тебя обидела! – воскликнул вспыль-

чивый молодой человек. – Она обидела тебя, и я сию же минуту отправлюсь к ней и потребую от нее объяснений.

Он схватил шляпу и направился к двери.

– Нет, нет, нет! – воскликнула Виолетта. – Не ходи к ней! Не спрашивай ее!

Бедная девушка страшилась последствий, которые должна была произвести такая клевета на мать.

– Пусти меня, Виолетта! – сказал Лионель, освобождаясь из рук сестры. – Я должен и хочу говорить с этой женщиной, я хочу и должен узнать, почему она тебя обидела.

– Нет, Лионель, я не пущу тебя к ней.

Лионель строго и пытливо посмотрел на бледное лицо сестры.

– Виолетта, – сказал он, – за всем этим скрывается что-то, чего я не могу понять и страшусь угадывать. Почему не хочешь ты, чтобы я повидался с мистрисс Тревор, если ты не оставила дом ее по обстоятельствам, которые вредят твоей честности?

– Думай обо мне что хочешь, – ответила Виолетта, – но если ты меня хоть немного любишь, то не переступишь через порог дома мистрисс Тревор.

– Как хочешь, – холодно ответил Лионель, – ты о чем-то умалчиваешь, и я вовсе не желаю более допытываться.

– Да, именно, я умалчиваю о чем-то, – сказала Виолетта, – но я утверждаю, что мы – жертвы чьей-то скрытой мести.

– Можешь ли ты сомневаться в своей сестре?! – восклик-

нула мать, обнимая свою неутешную дочь. – Успокойся, дитя мое, мы обе имеем полное доверие друг к другу, не правда ли?

– Да, мама, мы будем до смерти верить друг в друга, – сказала Виолетта.

Клара Вестфорд и не знала глубокого смысла этих слов, как не знала тяжелого испытания, которое перенесла ее дочь в этот день. Лионель подошел к сестре и протянул ей руку, которую та с жаром схватила.

– Прости меня, Виолетта, – сказал он. – Я не прав, что мог в тебе сомневаться.

И опять любовь и спокойствие воцарились в бедном жилище – та любовь, которая облегчает все заботы бедности, то спокойствие, которое дороже блеска и богатства.

В то время как Виолетта сидела вместе с матерью и братом в бедном жилище, изящный кабриолет остановился у дома мистрисс Тревор и сэр Гарольд Иври вышел из него. Было время визитов. Мистрисс Тревор и ее старшая дочь уже сидели, роскошно одетые, в приемной. Анастасия сидела у окна, по-видимому, занятая вышиванием, но, в сущности, наблюдавшая за проходящими и проезжавшими на улице. Она тотчас заметила приближавшийся экипаж сэра Гарольда.

– Сэр Гарольд едет сюда, – сказала она матери.

– В самом деле? – спросила мистрисс Тревор с торжествующим видом. – Сознаешь ли теперь, что вчера ты не напрасно была одета с таким вкусом? Баронет, должно быть, в восторге от тебя со вчерашнего дня, иначе к чему бы ему так торопиться с визитом? Я еще увижу тебя леди Иври, моя милая.

– Ты всегда так рассуждаешь, – с нетерпением возразила Анастасия. – Ты воображаешь, что все должно сбыться, как ты этого желаешь. Я уверена в том, что сэр Гарольд не обратил на меня вчера внимания и что он приехал сегодня только в надежде увидеть здесь мисс Вестфорд.

– Как?! – воскликнула мать вне себя от гнева. – Неужели ты думаешь, что сэр Гарольд осмелился посещать мой дом только для того, чтобы ухаживать за твоей учительницей?

Полно, душа моя.

Лакей доложил о сэре Иври, и обе дамы приподнялись, чтобы принять его с очаровательнейшей улыбкой.

– Любезный сэр Гарольд! – воскликнула вдова. – Это очень мило с вашей стороны.

– Ваш вчерашний вечер был так хорош, мистрисс Тревор, что я не хотел дальше откладывать удовольствие высказать вам свою признательность за приятные минуты, которые провел у вас. Как мисс Анастасия хорошо поет! И мисс Теодорина также, а мисс Вестфорд! Какое у нее отличное сопроно!

Анастасия покраснела от досады, что баронет не мог даже скрыть своего восхищения от Виолетты; и мистрисс Тревор это взбесило, но она пересилила себя и чрезвычайно приветливо отвечала баронету.

Некоторое время сир Гарольд говорил об обыкновенных предметах: об опере, выставке картин и разных удовольствиях сезона, но мистрисс Тревор хорошо поняла, что он думает совершенно о другом. Вдруг он сам круто повернул разговор восклицанием:

– Какая прекрасная молодая девушка эта мисс Вестфорд! Никогда я еще не видал подобной скромности при такой красивой наружности! Она совершенно обворожила меня! Будьте так добры, мистрисс Тревор, представьте меня ее родителям, вы меня этим очень обяжете; я бы чрезвычайно желал познакомиться с ее семейством и увидеть ее.

– Сир Гарольд, вы требуете от меня невозможного...

– О, прошу вас, мистрисс Тревор! – перебил ее молодой баронет, – не перетолкуйте в дурную сторону мои намерения. Я знаю, что бывают люди, которые не уважают красоту при бедности, но я не из их числа; я не аристократ, фамилия наша приобрела свое звание трудом и прилежанием; я богат, независим и потому могу жениться на каждой женщине, которую полюблю и сумею расположить к себе. Вы можете быть уверены, что намерения мои в отношении мисс Вестфорд совершенно благородные, и потому прошу вас более не противиться моему желанию быть представленным этому семейству.

Бешенство мистрисс Тревор достигло высшей степени. Разве она не поняла, что молодой баронет, которого она прочла в мужья своей старшей дочери Анастасии, был совершенно равнодушен к красоте последней и был готов жениться на бедной сироте, которую видел только один раз. Но прекрасная вдова, хорошо знакомая с притворством большого света, подавила свои горькие ощущения.

– Любезный сир Гарольд, – сказала она с глубоким вздохом, – мне жаль вас, что вы расточаете столь благородные чувства существу, недостойному вас.

– Что вы хотите этим сказать? – воскликнул молодой баронет.

– Что я не далее как сегодня утром отказала мисс Вестфорд, потому что подобное существо не может быть настав-

ницей моих дочерей.

– Вы ей отказали? – спросил Гарольд, бледнея. – По какой причине?

– Этого я вам не могу сказать, – объявила мистрисс Тревор с достоинством. – Бывают тайны, которые изобличать не приходится честной женщине. Для вас достаточно знать, что я отказала ей не без важной причины, и я надеюсь, что вы не будете в том сомневаться.

– Не могу сомневаться в ваших словах, мистрисс Тревор. Что побудило вас коснуться репутации бедной девушки? Но все же мне тяжелы эти слова о ней. Еще несколько дней тому назад я не верил в возможность влюбиться с первого раза, но, даю вам честное слово, что вчерашнее свидание с мисс Вестфорд так сильно привязало меня к ней, как будто я был знаком с ней всю свою жизнь. Я, быть может, кажусь вам смешным; прошу извинить меня, если надоел вам. До свидания! – Сэр Гарольд поспешно встал.

– Надеюсь, сир Гарольд, что вы доставите нам удовольствие отобедать завтра у нас, а потом вечером сопроводить нас в оперу. Анастасия, зная, что вы большой знаток музыки, желала бы услышать ваше суждение насчет этой оперы.

Молодой человек не мог отказаться.

Все усилия Виолетты отыскать себе место были напрасны. Везде, куда бы она не приходила наниматься, от нее требовали фамилию того семейства, в котором она занималась в последнее время, чтобы навести о ней справки; если она не хотела, чтобы обращались за справками к мистрисс Тревор, люди сомнительно покачивали головой и отказывали ей.

В первый раз она потеряла мужество. Она всего лишилась: любимого отца и человека, на верность которого так полагалась. Правда, у нее еще оставались мать и Лионель, но они не могли заменить эти потери.

Она писала к Рафаэлю Станмору о смерти отца и печальных переменах в их жизни, но ответа не было. Виолетта не знала, чему приписать это молчание: отсутствию ли Рафаэля в Брюгге или тому, что он изменил ей.

В этот раз Виолетта опять напрасно прошла полгорода: знатная дама, которой она представилась по публикации, отказала ей из-за ее молодости и красоты.

– Я желаю иметь для моих детей наставницу пожилую и солидную, – сказала она.

– Но в газете не был обозначен возраст, – скромно отвечала Виолетта, – а что я имею все познания, требуемые в них, доказывает уже то, что я решилась представиться.

– Нисколько не сомневаюсь в ваших познаниях, моя ми-

лая, – возразила дама, – но не могу доверить детей моих почти такому же ребенку, как и они сами.

Виолетта медленно побрела домой. Путь был не близкий. Ей пришлось идти через Лонгакр в Бов-стритс, где все театральные агенты имеют свои конторы. Странная мысль промелькнула в ее голове. Она знала, что актрисы зарабатывали порядочные деньги – почему бы и ей не сделаться актрисой? Не раздумывая, она подошла к подъезду одной из таких театральных контор и позвонила у дверей. Ей отворили и она вошла в контору, где увидела человека лет тридцати пяти, сидящего за письменным столом перед грудой писем и афишек; у окна стоял спиной ко входу очень прилично одетый господин.

Театральный агент поднял голову и поклонился ей, указав на кресла вблизи стола, но не проронил ни слова. Он, очевидно, ждал, чтобы она сказала ему о цели своего прихода. Но бедная Виолетта, утомленная до изнеможения, опустилась в кресло и при виде сурового лица агента потеряла всю свою минутную храбрость.

К счастью, агент, заметив ее замешательство, первый обратился к ней с вопросом:

– Вы, должно быть, желаете поступить на сцену?

– Да, – дрожащим голосом ответила Виолетта.

– Очень хорошо. Вы, вероятно, принесли с собой несколько афишек, так прошу вас показать мне их.

– Афишек?

– Да, чтобы я мог видеть, где вы играли в последнее время и какие исполняли роли.

Виолетта печально покачала головой.

– Я еще нигде не играла, разве только в семейном кругу, – возразила она.

Агент посмотрел на нее с удивлением.

– Так вы неопытная дилетантка, любезная мисс, – сказал он ей, – и вряд ли вас примет в Англии какой-либо директор, если вы не согласитесь вперед бесплатно играть на пробу в течение двух или трех месяцев.

Играть бесплатно в течение двух или трех месяцев! Виолетта остолбенела. Ведь она не искала ни славы, ни почестей, она хотела только заработать денег, как можно больше денег.

– Предложение это, кажется, не нравится вам? – сказал агент. – Многие молодые особы были бы счастливы, если бы только имели случай поступить на сцену, и готовы за деньги купить его.

– Очень может быть, – печально возразила Виолетта, – но я бедна и ищу только возможности заработать деньги, вот почему хотела поступить на сцену.

– И вы заработаете их, дитя мое, когда практически изучите драматическое искусство. Если вы захотите поступить в провинции в какой-либо театр и играть несколько времени бесплатно, то я с удовольствием постараюсь впоследствии предоставить вам что-нибудь порядочное.

– Мне – ехать в провинцию и без платы? Это невозможно,

я должна остаться здесь, рядом со своей матерью, и зарабатывать деньги.

– В таком случае, я ничем не могу вам помочь, – сухо сказал агент, пожимая плечами и нетерпеливо повернувшись на стуле; он обмакнул перо в чернильницу и снова принялся писать.

Виолетта встала и хотела уйти, когда господин, стоявший у окна и не сводивший с нее глаз во время всего ее разговора с агентом, неожиданно обратился к ней.

– Прошу вас присесть и подождать еще немного. – Гиппинс, – обратился он к агенту, – не слепы ли вы?

Последний с удивлением посмотрел на говорившего.

– Разве вы не видите, что эта молодая особа как нельзя более в состоянии исполнить роль королевы красоты в новом комическом балете, который должен идти на этой неделе у меня в Друрилейнском театре? Не искал ли я во всем Лондоне красивой молодой девушки, и не присылали ли вы ко мне целую коллекцию уродов для этой роли? И разве эта мисс не олицетворенная королева красоты? Милостивая государыня, – обратился он к Виолетте, краснеющей от его похвал, – что вы скажете на то, если я предложу вам восемнадцать шиллингов в неделю за то, чтобы вы каждый вечер сидели бы минут с десять в золотом храме, в прекраснейшем костюме, который когда-либо видели на сцене?

– С большим удовольствием! – воскликнула Виолетта, обрадованная случаю заработать почти вдвое больше, чем по-

лучала у мистрисс Тревор. Но вдруг она побледнела: «Что скажет мать? Что скажет гордый Лионель? Позволят ли они, чтобы я показывалась на сцене публике, которая купила себе право восхищаться мной или позорить меня? Но ведь мы так бедны, что не должны упускать удобного случая честным образом зарабатывать хлеб», – подумала она. – Если бы вы позволили мне сперва посоветоваться с матерью, – сказала она директору, – я быстрее смогу принять ваше предложение.

– В таком случае, вы посоветуйтесь с нею и завтра утром в одиннадцать часов придете ко мне в театр с ответом. Но будьте аккуратны: кандидаток много, и если вы завтра не явитесь, я буду вынужден выбрать другую. Вот вам моя карточка, вы явитесь к служебному подъезду, назначенному для актеров, и покажете ее швейцару – он вас тотчас пропустит.

Виолетта обещала явиться к тому времени и почти побегала домой, обрадованная, что нашла случай помочь своим. Она рассказала матери и Лионелю обо всем случившемся и убеждала их теперь, когда горькая крайность поселилась в их доме, оставить все прежние предубеждения.

Сначала мать и Лионель решительно отказались принять это предложение, но мало-помалу Виолетте удалось уговорить их. Мысль, что сестра его станет зарабатывать деньги посредством своего хорошенького личика, возмущала Лионеля, но взглянув на бледное и худое лицо матери, он сказал

со слезами на глазах:

– Делай что хочешь, Виолетта! Мы не можем отказаться от твоей помощи. Я получил лучшее образование и все-таки не в состоянии защитить нашу бедную мать от лишений.

На следующее утро в назначенное время Виолетта стояла у подъезда Друрилейнского театра.

Швейцар Друрилейнского театра принял карточку и после нескольких замечаний, более или менее дерзких, позвал мальчика и велел ему провести девушку на сцену, где находился директор. Мальчик повел ее по многим темным и сырым коридорам. Наконец они вышли на светлую площадку, где рядом с нагроможденными декорациями стояли несколько мужчин и женщин в бедной одежде. Они принадлежали к низшему классу актеров. Между женщинами, которые отдельными группами прохаживались взад и вперед, Виолетта заметила таких, одежда которых подходила более к одежде высшего класса. Некоторые из них были хороши собой и с презрением смотрели на скромное траурное платье новопривывшей. Между этими разными группами Виолетте пришлось дожидаться, пока директор подойдет к ней. Он был очень занят, бегал от одного конца обширной сцены к другому, отдавал приказания, хвалил и ругал, смотря по обстоятельствам, отвечал на вопросы, осматривал декорации и, казалось, делал десять дел сразу – так быстро он переходил от одного предмета к другому.

Мало-помалу глаза Виолетты привыкли к полумраку сцены, освещенной только одним рядом тускло горевших ламп. Когда она уже могла различить окружающие ее предметы, то заметила свое странное положение. Женщины в нарядной

одежде постоянно презрительно посматривали на нее, и одна из них наконец заговорила с ней. Она была очень хороша, имела еврейский тип лица, черные глаза и была одета наряднее всех. Ее черное шелковое платье, украшенное широкими кружевами, длинным шлейфом волочилось по грязному полу сцены. На плечах ее был накинут кружевной платок, и маленькая шляпка оригинально украшала ее хорошенькую головку.

– Вы ангажированы? – спросила она Виолетту. – Иначе вы не можете здесь оставаться, чужим не позволено входить на сцену.

– Мне назначили прийти сюда, – холодно и спокойно ответила Виолетта.

– Кто?

– Мистер Мальтраверс.

– В самом деле! – воскликнула женщина. – Так вы, должно быть, ангажированы?

– Я так полагаю.

– К чему?

– Чтобы участвовать в новом балете.

Женщина покраснела и злобно посмотрела на Виолетту.

– Как? – воскликнула она. – Неужели вы должны представить королеву красоты в главной картине?

– Так говорил мне мистер Мальтраверс.

Женщина громко захохотала. Олицетворять все прекрасное и быть в золотом храме главным предметом, на который

должны обратиться все взоры публики – вот цель, которую хотела достигнуть самолюбивая Эстер Вобер. Она, без сомнения, была по наружности лучшая из всех актрис театра и потому твердо рассчитывала на то, что эту роль предложат ей. Когда же она узнала, что роль передали другой, тотчас побежала к директору и начала жаловаться на нанесенную ей обиду.

Мистер Мальтраверс был вполне светский человек и умел обращаться с подвластной ему труппой. Он пожал плечами, сказал Эстер Вобер несколько лестных фраз и заверил, что она нужна ему для другой роли, а роль королевы красоты он должен был передать еще кому-то. По мнению мистера Мальтраверса, зрители уже пригляделись к красоте мисс Эстер – необходимо новое лицо, привлекающее внимание публики молодостью и невинностью. Вот почему он избрал Виолетту, соединяющую в себе оба эти качества. И он направился к Виолетте.

– Очень рад, что вижу вас, милое дитя, – сказал он ей, кланяясь. – Так вы решились принять мое предложение?

– Да, мистер.

– Хорошо. Отправляйтесь немедленно в гардеробную и скажите мистрисс Клеменс, чтобы она сняла с вас мерку. Она знает, что нужно для этого костюма. Поспешите к ней, она добрая женщина.

Он передал Виолетте карточку, написав на обороте несколько слов. Приветливая и очень скромно одетая де-

вушка вызвалась проводить Виолетту в гардеробную. Пройдя по нескончаемым лестницам, они наконец достигли большой комнаты, наполненной разными платьями, материями, лентами и кружевами. Около двадцати женщин находилось в ней за работой; к одной из них подвели Виолетту: то была мистрисс Клеменс. Прочитав поданную ей карточку мистера Мальтраверса, она оставила свою работу и сняла с Виолетты мерку на костюм, постоянно громко восхищаясь то ее стройной талией, то необыкновенной белизной ее тела, то ее прекрасными волосами. Для Виолетты похвалы этой доброй женщины казались очень странными. Она с ужасом подумала о своем дебюте, но ради бедной своей матери и брата она готова была подвергнуться еще большим испытаниям.

На сцене Виолетта снова встретила директора, который объявил ей, что она должна явиться завтра в десять утра на репетицию.

– Кстати, какое имя поставить на афишке? – спросил он. – Вы мне еще не сказали вашего имени.

– Мое имя Вест...

Виолетта хотела назвать свое имя, но вдруг осеклась, подумав, что низкое положение, которое она вынуждена занять, могло набросить тень на безукоризненное имя отца. Директор, казалось, угадал ее мысли.

– Вам не надобно говорить мне настоящего вашего имени, – ласково сказал он, – вы можете назваться каким вам угодно. Может быть, у вас есть знакомые или родные, от ко-

торых вы желали бы скрыть ваше вступление на сцену.

– Вы очень добры, – сказала Виолетта. – Хотя я и уважаю драматическое искусство и артистов, но положение мое на этом поприще такое незначашее, что мне действительно было бы приятнее, если бы мое имя не сделалось известным. И, если вам все равно, то прошу вас называть меня Ватсон.

– Прекрасно, милое дитя, здесь вы будете называться Ватсон.

Виолетта поблагодарила директора за ласковое обращение с ней и с облегченным сердцем отправилась домой. Она нашла свою мать за обычной работой, стоящей столько труда и приносящей так мало существенной пользы, а брата, с отчаянием в лице, сидящего за столом, подперев голову рукой.

– Поговори ты с братом, Виолетта, – сказала мать, – может, ты сможешь утешить его, меня он не хочет слушать.

Молодой человек поднял голову.

– Мама, – возразил он, – прошу тебя не говорить этого. Разве я когда-нибудь не слушал твоих увещаний? Но я не могу больше переносить это бездействие. С тех пор как у меня не стало этой писарской работы, мне кажется, что я сойду с ума. Мне невыносимо видеть тебя за этой трудной работой и знать, что Виолетта должна показывать за деньги свое хорошенькое личико глупой толпе, тогда как я, здоровый и образованный мужчина, должен сидеть сложа руки и есть хлеб, который слабые женщины таким образом зара-

ботали.

– Лионель, и ты можешь мучить нас подобными словами? – упрекнула его Виолетта.

– Я не вынесу больше этого! – воскликнул молодой человек и быстро вскочил со своего места. – Еще одну попытку я сделаю, как не сомневаюсь в ее удаче. Помнишь, мама, когда я еще был джентльменом, все восхищались моими рисунками и говорили, что я мог бы стать хорошим художником? Теперь я хочу испытать, могу ли я в бедности, когда никто уже не льстит мне, заработать себе этим на хлеб?

Он отчаянно засмеялся, как человек, узнавший вполне пустоту мнимой дружбы и ложь в похвалах лести.

Лионель положил на стол свой портфель с рисунками и начал перебирать их.

– Что ты затеваешь, Лионель? – спросила его мать.

– Я уже сказал тебе, мама, что хочу испытать свой талант художника. Друзья отца осыпали меня похвалами, когда приходили к нам обедать и пили его вино. Теперь услышу, что скажут купцы, которые платят деньги только за действительно хорошие произведения. – Он завернул несколько рисунков, поцеловал мать и сестру. – Пожелайте мне удачи, – сказал он и торопливо вышел.

Никогда еще улицы Лондона не казались Лионелю такими скучными и мрачными. Мелкий дождь проникал до костей. То был один из таких дней, в которые только бедные и деловые люди решаются выходить на улицу.

Лионель дошел до Риджент-стрит и медленно побрел по этой широкой улице. Какое-то горькое чувство овладело им при виде всех богатств, выставленных в окнах магазинов, и прекрасных экипажей, гордо кативших по обеим сторонам ее.

Он вошел в магазин эстампов, где почти не было покупателей, и обратился к торговцу, приводящему в порядок картины, разложенные на прилавке.

Лионель предложил ему свои рисунки. Тот со вниманием начал их рассматривать.

– Эти работы доказывают много таланта и старания, – сказал он, – но, к сожалению, я не могу принять их, так как подобных эскизов, писанных известными художниками, у меня более чем достаточно.

Лионель побледнел – последняя его надежда рушилась.

– Не можете ли вы предложить мне какую-нибудь работу? – боязливо спросил он. – Я не потребую большой платы, дайте мне только возможность трудиться.

– Решительно невозможно, – отвечал торговец, отрица-

тельно покачав головой. – У меня больше запасных рисунков, чем я могу продать за целый год, альбомы же вышли из моды.

– Может быть, я мог бы написать вам что-нибудь познавательнее?

– Я не мог бы продать этого, молодой человек, – возразил торговец. – Сперва нужно приобрести известность, чтобы я мог продавать ваши произведения.

Лионель закрыл свой портфель. Смертная бледность покрывала его лицо, губы были судорожно стиснуты и таинственный огонь светился в его глазах. Он повернулся спиной к прилавку и очутился против молодой дамы, красота которой невольно поразила его. То не была красота английского типа. Большие и черные глаза, густые волосы того же цвета и нежная оливковая кожа лица указывали на испанское происхождение. Одежда ее как нельзя более гармонировала с ее красотой. Зеленое бархатное платье туго прилегало к изящным формам талии и рук, а дорогая кашемировая шаль, небрежно накинутая на плечи, открывала прекрасную шею.

Такова была девушка, против которой стоял Лионель, когда он с горьким отчаянием в сердце отвернулся от продавца. С минуту он посмотрел на нее и прошел мимо, чтобы оставить лавку и избавиться от ее влияния. Какое дело бедняку до этого существа, без сомнения принадлежащего к высшему классу общества и воспитанного в роскоши?

Он подошел к двери и почувствовал легкое прикосновение руки к его плечу и, обернувшись, увидел ту же даму.

– Погодите немного, – ласково сказала она, – я хотела бы поговорить с вами.

– Я к вашим услугам, – он остановился у дверей, ожидая, что она скажет.

Сострадание побудило эту молодую особу заговорить с Лионелем. Она слышала его разговор с продавцом и по его манерам тотчас заметила, что он образованный человек и не привык еще бороться с нуждой. Она увидела глубокое отчаяние на его лице и решила помочь ему.

– Вы ищете работу? – робко спросила она.

– Да, я в ней даже нуждаюсь.

– И какого рода бы она ни была, вам все равно?

– Решительно! – воскликнул Лионель. – Я в состоянии исполнить самую трудную обязанность, все сделать, что только может сделать честный человек, чтобы добыть кусок хлеба для тех, кого я так люблю.

– Для тех, кого любите? – повторила молодая дама. – Вы, может быть, имеете молодую жену и детей, нуждающихся в помощи?

– О нет! У меня нет ни жены, которая тяготилась бы моей бедностью, ни детей, которые, плача, просили бы у меня хлеба; те, о ком я говорю, – мать и сестра моя, которые с радостью кормили бы меня своими трудами, если бы я хотел воспользоваться ими, но это для меня слишком тяжело.

– Я могла бы найти вам работу. У меня есть брат, который также имеет большое дарование к живописи. Сейчас он путешествует. Он оставил мне несколько из своих произведений, которые для него ничего не значили, но они мне дороги как воспоминания. Мне хотелось бы, чтобы кто-нибудь привел в порядок эти картины. Не примите ли вы на себя этот труд? Наш загородный дом велик, и я не сомневаюсь, что отец мой согласится поместить вас у себя на все время этой работы. Если вы принимаете мое предложение, то я попрошу его написать к вам, а пока – вот моя карточка.

Она подала Лионелю карточку: «Мисс Гудвин, Вильмингдонгалль, Гертшир».

«Мисс Гудвин из Вильмингдонгалля!» – со страхом подумал Лионель, отступив от своей прекрасной спутницы.

– Вы, вероятно, знаете моего отца, – сказала она, – ведь весь свет знает банкира Руперта Гудвина.

Лионель хотел ответить, но не мог ничего произнести. Эта девушка, очаровавшая его своей красотой и готовая стать его благодетельницей, была дочерью Руперта Гудвина, жестокого врага его матери. Мог ли он принять благодеяния от семейства этого человека? Но как было ему отказаться от помощи, так благородно предложенной ему и принятой им с живой благодарностью? Не зная, на что решиться, он стоял перед молодой девушкой.

– Могу ли я просить моего отца написать вам насчет условий, и согласны ли вы принять мое предложение? – кратко

спросила она.

– Да, я к вашим услугам; я все сделаю, что вы желаете, – очнувшись, ответил Лионель, вспомнив свою бедность.

– По какому адресу прислать письмо?

После некоторого колебания он назвал почтовую контору, находившуюся вблизи его жилища.

– А ваше имя?

– Левис Вильтон, – ответил Лионель.

Только под чужим именем мог он вступить в дом Руперта Гудвина, и это отравляло все удовольствие, которое он сперва ощущал при мысли о том, что будет иметь случай часто видеть Юлию Гудвин, это прекрасное создание. Он проводил девушку до ее богатой кареты и, когда она, сев в нее, в знак прощания кивнула ему, она показалась еще прекраснее. Лионель и не подозревал, что украденные у его отца деньги спасли прекрасный экипаж от ожесточенных кредиторов, он не знал, что его собственные страдания были следствием преступления Руперта Гудвина. Да, эти 20 тысяч фунтов спасли Руперта Гудвина от банкротства и помогли ему затеять новые спекуляции. Ад иногда помогает детям своим; деньги Гарлея Вестфорда спасли от позора банкира. Но бывали минуты, когда банкир отдал бы все свое состояние, чтобы возратить день, когда он в первый раз встретился с капитаном «Лили Кин».

Лионель стоял неподвижно, пока не скрылся экипаж, потом медленно пошел домой, не замечая проливного до-

жда, занятый только прекрасным созданием, голос которого до сих пор звучал в нем. «Но я низко поступаю, – думал молодой человек. – Я обманываю Руперта Гудвина, вступая в дом его под ложным именем, и я обманываю свою мать, не уважая ее чувства справедливого гнева, начиная отношения с ее врагом. Везде обман. Должен же я буду довести себя до того, чтобы презирать самого себя? Нет, я не хочу поступить так низко, я ни за что не пойду в дом Руперта Гудвина».

Но судьбой было уготовано, чтобы Лионель Вестфорд вступил в дом Руперта Гудвина под ложным именем, и слабый человек принужден был повиноваться ей; она порешила, чтобы сын Гарлея Вестфорда явился мстителем за своего отца.

Спустя два дня после встречи с Юлией Гудвин Лионель отправился в почтовую контору и получил письмо от банкира. Оно было недлинное:

«Милостивый государь!

Вследствие просьбы и рекомендации моей дочери мне было бы очень приятно занять вас в продолжении нескольких недель приведением в порядок рисунков моего отсутствующего сына. Предлагаю вам пять гиней в неделю и квартиру у меня в доме.

Ваш покорный слуга Руперт Гудвин.

Вильмингдонгалль, Гертшир»

Лионель Вестфорд поддался искушению, против которого столько боролся, и написал Руперту Гудвину, что принимает его предложение.

Три дня спустя Лионель выехал из Лондона. В первый раз в жизни он солгал своей матери, сказав, что ему предложили место художника в городе Гертфорт.

Клару Вестфорд опечалила разлука с сыном, но она видела его отчаяние и утешалась только мыслью, что занятия и маленькое путешествие рассеют его мрачные думы.

Руперт Гудвин только по просьбе дочери согласился предоставить работу бедному молодому художнику; сам он был чрезвычайно равнодушен к нужде ближнего, но для дочери все делал охотно. Сына же своего он ненавидел, потому что знал, что тот проник в тайну его сердца и потерял к нему всякое уважение.

В прекрасный день августа Лионель прибыл в Вильмингдонгалль. В воздухе было так тихо, что ни один лист не шевелился в густой зелени парка. Поверхность озера, окруженного высокими деревьями, была гладка, как зеркало, и отражала ярко-синее небо.

Несколько месяцев Лионель был невольником в пустыне Лондона, несколько месяцев он ходил только по мрачным улицам этого города, в который не проникали лучи солнца

и свежий воздух. Когда он вступил во владения банкира, то вздохнул свободнее, грудь его расправилась и поступь стала тверже и смелее. «Это чистый рай! – воскликнул он. – А она – царица его! О, как бьется мое сердце при приближении той минуты, когда я опять увижу ее блестящие глаза и услышу ее нежный голос!»

От ворот парка до дому было порядочное расстояние. Лионель оставил свой дорожный мешок у швейцара, а сам пошел по указанной ему аллее, ведущей среди густых кустов мимо грота и конюшен к замку. В этой тенистой аллее, несмотря на ясный день, царил какой-то таинственный мрак, и чем далее Лионель шел, тем более действовали на него этот мрак и тишина. Восхищение, еще недавно ощущаемое им, уступило место внезапной печали. Таинственная тяжесть сдавила его грудь. Он ускорил шаги и с лихорадочным волнением заспешил к дому, чтобы увидеть какое-нибудь живое существо и услышать человеческий голос.

После довольно продолжительной ходьбы он достиг грота и конюшен. Здесь было еще темнее. Среди груды камней возвышались развалины старинного храма; между камнями, обросшими мхом, бежала вода и спадала в пруд, ровная поверхность которого покрывала, казалось, неизмеримую глубину. «Это безлюдное место как будто скрывает преступление», – подумал Лионель и остановился на несколько минут, чтобы рассмотреть его.

Вдруг он услышал глубокий стон и невольно вздрогнул,

но он был храбр и тотчас же оправился от испуга. «Это стонет, без сомнения, человек; кажется, стон послышался из-за груды камней». Он обошел грот и увидел на другой стороне старика в крестьянской одежде. Он сидел на камне, обросшем мхом, закрыв лицо руками. Он казался очень старым. Его длинные, жидкие седые волосы падали на худые плечи. По-видимому, это был садовник, так как грабли и лопата лежали рядом на траве.

Пока Лионель рассматривал старика, тот снова застонал, но на этот раз сопровождая свой стон словами: «О Боже, Боже! – восклицал он. – Это ужасно! Смогу ли я далее переносить это?»

Лионель почувствовал сострадание, он подошел к старику и положил руку на его плечо. Старец обернулся и быстро вскочил на ноги – лицо его было бледно от страха, и он дрожал всем телом.

– Кто вы? – спросил он тихо. – Кто вы и зачем явились сюда?

– Я чужой, – ответил Лионель. – Я услышал ваши стоны и поспешил помочь вам.

– Чужой? – тихо повторил старец, отирая холодный пот со лба. – Чужой? Правда ли это?

Внимательно, почти жадно он рассматривал открытое лицо Лионеля, как будто хотел прочитать на нем его мысли.

– Да, да, – пробормотал он, – я вижу, вы меня не обманываете: вы чужой в этой ужасной местности. Но я сейчас

что-то говорил? Я часто говорю, и сам не знаю, что говорю. Я стар, и в голове моей все помрачилось. Я много говорил? Сказал я что-нибудь, отчего застыла бы кровь в ваших жилах и встали бы дыбом волосы на вашей голове?

Лионель с состраданием посмотрел на старика. Очевидно, он был сумасшедший, терзаемый каким-то ужасным бредом.

– Добрый человек, – кротко сказал он, – вы напрасно так мучаетесь. Успокойтесь, вы ничего не говорили особенного.

– Так я ничего не сказал? Случается, что я говорю странные слова, имеющие не более смысла, чем карканье вороны в полночь. Я очень стар и служу Гудвинам уже семьдесят лет. Руперта Гудвина я носил на руках и отца его знал еще мальчиком, добрым, веселым мальчиком, не таким мрачным, как нынешний наш владелец. Я им долго верно служил, и они были для меня хорошими господами. Не могу же я теперь на старости лет обратиться против них и предать их? Не правда ли?

– Конечно, не можете, – кивнул Лионель.

– Нет, нет, это невозможно. Семьдесят лет они меня кормили, и я не изменю им, хотя мне теперь часто кажется, что я должен подавиться их куском хлеба. Но ведь я не смею более говорить с вами, не то у меня с языка опять сорвутся странные слова; но они ничего не значат, молодой человек, заметьте раз навсегда, что они ничего не значат.

Старый садовник взял грабли и лопату и поспешно удалился, оставив Лионеля недоумевать насчет его поведения.

«Он без ума, бедный старец, – подумал Лионель. – Удивляюсь только, что банкир не откажет такому старику и не выдаст ему пожизненной пенсии!»

Лионель вышел из таинственной аллеи на открытую площадку и увидел господский дом, в котором в прежние времена живало столько благородных владельцев. Он забыл старого умалишенного садовника и думал только о Юлии Гудвин, прекрасные черные глаза которой очаровали его семь дней назад.

Дворецкий немедленно провел его в приготовленные ему комнаты и почтительно спросил, не прикажет ли он чего. На ответ Лионеля, что ему ничего не нужно, дворецкий низко поклонился и вышел. Молодой человек осмотрелся в своем новом жилище, так разительно отличавшемся от скромной квартиры, где он оставил свою мать и сестру, и снова ему стало не по себе от той лжи, которую он допустил в отношении Руперта Гудвина и в отношении матери, а прекрасный образ Юлии Гудвин вытеснялся образом старого безумного садовника, пугающего его своими неподвижными глазами.

Виолетта аккуратно приходила на репетиции в Друри-лейнский театр. Директор хвалил ее не только за точность, но и за скромное поведение, исполненное благородства и так резко отличающееся от шумной болтовни и необузданного смеха многих других актрис театра.

Но Эстер Вобер и ее приятельницы очень дурно обращались с ней. Может быть, они были бы ласковее, если бы Виолетта была простая, ничем не отличающаяся молодая девушка; но поразительная красота ее возбуждала горькую зависть, и они всевозможными средствами старались сделать ее пребывание в театре невыносимым. Но это им не удавалось: Виолетта стояла гораздо выше их и не обращала внимания на их насмешки. Ее поддерживала мысль, что она зарабатывает деньги, которыми может спасти мать от нищеты. Настал вечер представления нового балета. Виолетта совершенно освоилась со своей ролью; костюм был приготовлен — было предпринято все, чтобы сделать его вполне великолепным. Она едва узнала себя в зеркале, когда закончила туалет и надела на золотистые длинные локоны блестящую серебряную диадему. На сцене ее встретил одобрительными словами мистер Мальтраверс, усадил ее в золотой волшебный храм, окруженный искусственным огненным дождем и назначенный служить лучшей декорацией последнего акта ба-

лета, и, любуясь ею, удалился. Через несколько минут должны были поднять занавес.

Сердце бедной девушки сильно билось. Хотя ей нечего было больше делать, как неподвижно сидеть в своем храме, она все-таки не могла избавиться от страха при мысли о том, что столько любопытных взоров обратятся на нее.

Подле храма, среди группы молодых девушек, окружающих пьедестал, стояла Эстер и громко разговаривала.

– Очень мило! – воскликнула она презрительно. – Хорош же вкус у мистера Мальтраверса, если он находит красивой эту незначительную особу. Она такая же королева красоты, как и наша старая колдунья, выметающая сцену.

Виолетта невольно повернулась в ту сторону, откуда слышала столь лестное для нее замечание, и увидела Эстер. Она была очень хороша в своем блестящем костюме, но лихорадочный блеск глаз и впалые щеки были заметны, несмотря на румяна и разные искусства дамского туалета. Виолетта рассматривала несколько секунд ее черные глаза, и ей показалось, что она где-то видела похожие. Но где и когда, она не могла припомнить. Подняли занавес, и взору Виолетты представилось бесчисленное множество голов, ярко освещенных лампами. Она увидела прекрасных дам и мужчин аристократического вида и множество лорнетов, направленных на нее. Так как сцена эта была довольно продолжительная, Виолетта имела достаточно времени осмотреть публику. Вдруг она побледнела.

В углу оркестра она увидела человека. Он сидел, скрестив руки на груди и неподвижно глядя вперед, в глубоком раздумье. То был Рафаэль Станмор. Но, вспомнив, что столько взоров обращено на нее, она пересилила свое волнение и стала смотреть на то лицо, черты которого так часто выказывали ей любовь. Она пристально смотрела в глаза Рафаэля Станмора, и ее поразило их сходство с глазами Эстер Вобер – то сходство, которое только что так удивило ее.

«Он, без сомнения, тотчас узнает меня», – подумала она, забывая, что Рафаэль не переменял обычного костюма, а она совершенно преображена. Но вот он очнулся и посмотрел на сцену. Она заметила, как при виде ее на его лице появилось удивление. «Да, он узнал меня, – подумала она, – я знала, что он узнает меня!» Она ожидала, что он подойдет к сцене и будет поджидать ее, но он оставался на своем месте до окончания спектакля.

Виолетта подумала опять, что, может быть, он до окончания сцены не хотел беспокоить своего соседа. Она поспешила в гардеробную и с лихорадочной торопливостью начала переодеваться. Щеки ее горели и руки дрожали от радостного волнения. Она ожидала, что вот-вот назовут ее имя или принесут ей записку. Но прошло более получаса – и ни того, ни другого не было. Опечаленная Виолетта вышла в вестибюль к своей матери, каждый раз встречавшей ее. Только вера в любовь Рафаэля Станмора поддерживала ее до сих пор, но теперь она видела, что и эта надежда руши-

лась. После долгой разлуки он увидел и узнал ее, и ничего не сделал, чтобы встретиться с ней. «Он презирает меня в несчастье, – с горечью подумала она. – Он предлагал руку только дочери богатого капитана, но бедной Виолетты, принужденной зарабатывать себе кусок хлеба на сцене, он и знать не хочет!»

Такие мысли занимали несчастную Виолетту на обратном пути. Мать ее, хотя и заметила необыкновенную бледность дочери, но приписала ее утомлению после первого выхода на сцену.

– Ты устала, Виолетта? – заботливо спросила она, когда они вошли в комнату и Виолетта в изнеможении упала на стул. – Иди, дитя мое, я приготовила тебе немного печенья с вином, иди, подкрепись.

– Я не могу есть, – отвечала Виолетта, – я так устала, что лучше всего будет, если я сразу лягу в постель.

Мать заботливо уложила дочь, которая вскоре притворилась крепко спящей, хотя голова ее горела и грудь давило отчаяние.

Со дня первого представления в Друрилейнском театре жизнь Виолетты была непрерывной борьбой. Следуя внушениям своего благородного сердца, она решилась не показывать своего горя матери. Когда любовь ее была еще счастлива, она не открыла матери тайны своего сердца, тем более не могла она сделать этого теперь, когда страдала от измены возлюбленного. Однако эта измена существовала только в ее воображении. Она узнала Рафаэля Станмора и, заметив его удивление и пристальный взгляд, вообразила, что и он узнал ее. Но было иначе. Художник был поражен удивительным сходством молодой актрисы с дочерью капитана Вестфорда, но никак не думал, что это одна и та же девушка. Почти невольно взглянул он на афишу, но нашел только, что королева красоты носит фамилию Ватсон. Но если бы он даже и прочитал имя Виолетты, то не поверил бы, что молодая актриса была именно той девушкой, которую он так любил.

Однажды вечером в одной ложе первого яруса появились три господина. Один из них был человек средних лет, черты лица которого имели испанский тип; другой – непривлекательная личность с круглым надутым лицом и рыжими волосами; третий – красивый молодой человек, одетый с большим вкусом и изысканностью.

Первый из упомянутых был банкир Руперт Гудвин, вто-

рой – мистер Семпрониус Сикемор, известный ветреник, искавший только общества богатых и легкомысленных молодых людей, а третий – маркиз Рокслейдадь, который хотя и принадлежал к семейству древнего рода и имел 60 тысяч фунтов годового дохода, но не был одарен от природы ни светлым умом, ни благородным сердцем. С некоторого времени Гудвин почти всюду появлялся с легкомысленным маркизом. Он, конечно, делал это не без цели – он прочил маркиза в мужа своей дочери Юлии и с этим намерением привозил его с собой в Вильмингдонгалль, когда тот жертвовал своими удовольствиями в Лондоне. Хотя маркиз Рокслейдадь и восторгался красотой Юлии, но не желал связывать себя брачными узами и находил Вильмингдонгалль скучным в сравнении с теми увеселительными местами, которые посещал в Лондоне. Гудвин заметил это и решил повременить с осуществлением своего плана, не упуская из вида маркиза, за которым следил, как кошка за мышью.

В этот вечер он угостил маркиза Рокслейдаля и достойного спутника его, мистера Сикемора, великолепным обедом, по окончании которого, выпив порядочное количество вина, все трое отправились в Друрилейнский театр. Гудвин пил мало, отговариваясь головной болью, но хитрый Сикемор заподозрил банкира и стал наблюдать за ним.

Было уже десять часов, когда эти трое появились в ложе, а на сцене подняли занавес к последней картине, в которой королева красоты предстала глазам публики в золотом

храме. Маркиз взял бинокль и направил его на сцену. Тотчас ему бросилось в глаза прекрасное лицо Виолетты, единственно незнакомое ему среди всех актрис этого театра.

– Клянусь честью! – воскликнул он. – Это чистый ангел!

– Кто ангел, любезный маркиз? – спросил, смеясь банкир.

– Молодая девушка в храме! Она новенькая, я еще не видел этого лица. Где этот проказник Мальтраверс нашел ее? Взгляните, Гудвин, – молодой человек передал банкиру бинокль.

Гудвин слегка пожал плечами и, в угождение маркизу, взглянул на сцену. Вдруг он побледнел и выронил бинокль. Все еще это видение? Все еще этот призрак прошлого, – лицо, которое напоминало ему Клару Понсон-би во всем блеске ее молодости и красоты. Брови его сдвинулись. Он повторил мысленно клятву уничтожить женщину, которая не захотела сделаться его женой. Он не мог найти лучшего средства, как воспользоваться искушениями и опасностями, которые грозили ее дочери на сцене, и решил сделать орудием к исполнению своего дьявольского плана молодого и бесхарактерного маркиза. «Завтра же навещу Клару Вестфорд, – подумал он, поднося бинокль к глазам. – При последнем нашем свидании она с гордостью отвергла меня, но она тогда еще владела роскошным домом и воображала себя защищенной от испытаний бедности и унижения. Теперь же она испытала всю горечь жизни и, без сомнения, не отвергнет меня во второй раз; во всяком случае, в руках

моих на этот раз есть средство повергнуть ее к моим ногам». Он отвернулся от Виолетты и стал рассматривать милостивых девушек, расставленных в разных группах. И опять рука его дрогнула.

– Кто эта красивая брюнетка? – воскликнул он, взволнованным голосом.

– Это мисс Вобер, – спокойно ответил Семпрониус Сикемор, – известная своей красотой и чертовским характером. Говорят, что в ней течет кровь испанских евреев. Она горда, как Люцифер, и переменчива, как ветер. Ходят слухи, что герцог Гарлингфорд ухаживает за ней и давно бы сделал ее герцогиней, если бы союзу этому не мешали ее вспыльчивость и страсть ссориться. Иная женщина была бы умнее и избегала бы ссоры с герцогом и миллионером, но гордость мисс Вобер необузданна. Впрочем, она обитает в великолепном доме в Май Фер, ездит на паре отличных рысаков, стоящих по крайней мере 50 гиней, одевается, как королева, и воображает себя царицей всего мира.

«Странно, – пробормотал банкир. – В ее жилах течет кровь испанских евреев, и это сходство с...» Слова эти были произнесены так тихо, что не достигли слуха маркиза и его спутника, к тому же первый был совершенно погружен в созерцание Виолетты, пока не опустился занавес. Тогда он прислонился к спинке кресла и глубоко вздохнул.

– Я пропал, Семпер, – сказал он (он называл так Семпрониуса Сикемора), – это прекрасное существо совершен-

но очаровало меня. Я сегодня же хочу говорить с ней. Мистер Мальтраверс представит меня ей и...

– Стойте, Рокслейдаль! – воскликнул банкир, схватив молодого человека за руку, когда тот хотел встать. – Не сейчас! Я знаю молодую девушку и ее обстоятельства; завтра вечером я сам представлю вас ей.

– Вы, Гудвин?

– Да, я. Если вас представит мистер Мальтраверс, она прикинется застенчивой и откажет вам. Но я имею таинственную власть, которую вы никогда не угадаете, и потому поверьте мне – обождите до завтра, это недолго.

Маркиз вздохнул.

– Для вас это недолго, – возразил он, – но мне это покажется целым веком. Я готов положить к ногам ее мою корону и сделать маркизой Рокслейдаль.

– Ба! – с пренебрежением сказал банкир. – Таковую корону только безумец повергает к стопам девушки, принадлежащей к кордебалету. Я считал вас светским человеком, любезный Рокслейдаль.

Да, он был таким с детства. Его окружали льстецы, которые воображали себя светскими людьми и подавляли каждое благородное чувство в сердце молодого человека, развивая в нем все дурные наклонности, так как только из них могли извлекать пользу.

У маркиза была мать, которая его нежно любила и которую он любил, но его друзья успели ограничить ее влияние

на него. С тех пор вдова жила в одном из их замков в Йоркшире, и хотя часто писала сыну, но письма ее всегда казались ему исполненными упреков, и друзья старались подтверждать это мнение.

День, последовавший за посещением маркизом Роклей-далем и его приятелями Друрилейнского театра, был субботний, и Виолетта должна была утром явиться в театр, чтобы получить условленную плату за неделю. Клара Вестфорд была дома одна и беспрепятственно могла предаться своим горестным думам. Она сидела за маленьким столиком, занятая своей ежедневной работой, как вдруг на лестнице послышались мужские шаги и дверь в ее комнату отворилась. Клара Вестфорд быстро повернулась, и можно представить ее удивление, когда она увидела человека, которого больше всех боялась и ненавидела. Но дочь Джона Понсонби была слишком горда, чтобы потерять мужество перед своим врагом – она с достоинством встала и подошла к своему преследователю.

– Вы здесь, мистер Гудвин? – сказала она. – Я была того мнения, что теперь по крайней мере избавилась от удовольствия видеть вас.

– Любовь, Клара, устраняет все препятствия, чтобы только найти случай сблизиться с любимым предметом.

Мистрисс Вестфорд пожала плечами и с презрением отвернулась от него.

– Любовь! – возразила она. – Не оскверняйте этого святого чувства. Кто позволил вам вторгнуться в это скромное жилище? Эта комната моя, и я приказываю вам сию же ми-

нуту оставить ее. Вы изгнали нас из того счастливого дома в Гампшире, и мы были вынуждены искать здесь убежища; но здесь бедность наша дает нам право не терпеть более вашего присутствия.

– Отлично сказано, Клара! – насмешливо заметил банкир. – Вы хотите удалить меня, пришедшего к вам в качестве друга.

– Друга? – переспросила она с горькой улыбкой.

– Да, друга, и к тому же любящего друга. Несмотря на долгую разлуку, несмотря на вашу явную ненависть ко мне и на все обиды, нанесенные мне вами, я вас все еще люблю. Да, Клара, даже в бедности, когда гордость ваша уничтожилась, я вас люблю!

– Гордость моя не уничтожилась! – возразила Клара. – Это теперь гордость женщины, которой память любимого мужа после его смерти так же свята, как и честь его при жизни.

– Клара! – страстно воскликнул Руперт Гудвин. – Будьте милосердны! Вспомните, как я вас любил! При взгляде на ваше лицо во мне пробуждается все прошлое – я забываю все, забываю, что вы предпочли мне другого, и думаю только о моей любви к вам. Мне невыносимо видеть вас в этой бедности. Возвратитесь в Вестфорд-хауз, примите этот дом опять как вашу собственность и будьте в нем повелительницей над моим сердцем и всем моим имуществом.

– Чтобы я возвратилась в дом, который мне свят по вос-

поминаниям о моем муже и его любви, для того, чтобы быть вашей рабой или любовницей?! – воскликнула Клара. – Мало же вы меня знаете, Руперт Гудвин, когда осмеливаетесь предлагать мне подобное. Я скорее босиком пойду по улицам Лондона просить милостыню, чем соглашусь быть хозяйкой замка, в который вы беспрепятственно можете входить.

Лицо банкира приняло мрачное и грозное выражение.

– Стойте, Клара! – воскликнул он. – Было безрассудно с моей стороны открыть вам слабость моего сердца. Я пришел к вам как друг, но вы отвергаете меня. Хорошо же. Я опять буду вашим врагом, но теперь уже непримиримым. Ваша гордость предпочитает борьбу со мной? Тогда это будет борьба не на жизнь, а на смерть.

После нескольких минут молчания Клара опять села за свою работу.

– Я должна напомнить вам, мистер Гудвин, – сказала она спокойно, – что эта комната принадлежит мне и что мне неприятно ваше присутствие в ней. Будьте так добры и удалитесь.

– Позвольте, мистрисс Вестфорд, меня привело к вам еще одно обстоятельство. Вы отвергли дружбу мою, но, может быть не откажетесь принять совет. Наблюдайте за вашей дочерью. Она еще очень молода и неопытна, и хотя так недавно в Лондоне, но с ней уже успели случиться странные вещи. Она оставила свое первое место по весьма подозрительным обстоятельствам, а теперь возвращается в сфере, в которой та-

кому молодому и прекрасному существу постоянно грозят опасности. Следите за ней. Если же все-таки с ней что-нибудь случится, то вспомните, что я предупреждал вас; может быть, тогда вы снизойдете до того, что примите мою дружбу.

– Боже милосердный! – воскликнула несчастная мать. – Это испытание слишком жестоко. Вы знаете, что моей дочери грозит опасность, и можете спасти ее? Скажите, какое вы требуете вознаграждение, чтобы спасти несчастное дитя?

– Ваше согласие принять мою любовь. Да, Клара, за это вознаграждение я согласен творить чудеса! Позвольте же наложить печать примирения на эти губы, которые так долго бранили меня, позвольте...

С протянутыми руками, как будто желая обнять несчастную женщину, банкир подошел к Кларе Вестфорд, но она с ужасом отскочила в сторону.

– Нет! – закричала она. – Даже если бы я могла спасти этим дочь от гибели, я бы не осквернила своих губ прикосновением к вашим.

Она стояла у камина, над которым висел портрет ее мужа, затянутый черным флером. Быстро отдернула она эту пелену, и образ спокойно улыбающегося Гарлея Вестфорда предстал глазам банкира. Впечатление, произведенное этим образом, было ужасно. Дрожа всем телом, банкир отступил на несколько шагов, пристально вперив взор в свою жертву. Потом закрыл лицо руками и, шатаясь, направился к двери.

– Закройте это лицо! – простонал он. – Я не в состоянии

перенести этой спокойной улыбки.

– Вы, кто насмехается над живыми, дрожите перед тенью умершего? Как сильно вы должны быть виновны перед моим мужем, если портрет его так пугает вас? Но теперь сию же минуту уйдите отсюда. Все, что вы говорили насчет моей дочери, только вымысел. Непорочность Виолетты защитит ее от всех преследований. Нет, Руперт Гудвин, как бы ни была страшна ваша ненависть, я не боюсь ее!

Банкир, пристыженный и уничтоженный, вышел из комнаты. Клара почти без чувств упала на стул и зарыдала.

Лионель вел в Вильмингдонгалле новую и приятную жизнь. Он зарабатывал в неделю такую сумму, которая намного облегчала бедственное положение матери и сестры. Он жил в доме, наполненном драгоценными произведениями искусства и окруженном живописными видами, на которых отдыхали его глаза, утомленные созерцанием почерневших от дыма улиц и труб Лондона. Работа его была нетрудная – так, по крайней мере, она казалась ему после переписки, которой он прежде занимался по целым дням. Он мог всегда располагать собой и мог, когда ему захочется, прогуляться или прокатиться верхом по окрестностям, так как верховые лошади банкира во всякое время были к его услугам. К тому же он всегда был вблизи Юлии. Он слышал ее пленительный голос, когда она пела под аккомпанемент фортепиано или гитары, виделся с ней каждый день по нескольку раз, встречал ее в саду и часто проводил с ней в беседах по нескольку часов. Лионель был бы вполне счастлив, если бы совесть его не упрекала. Как он ни старался оправдать свой поступок, он все-таки чувствовал, что был не прав, вступив в сношения с Рупертом Гудвином, на которого мать его смотрела как на врага. Уже целую неделю Лионель жил в Вильмингдонгалле, но не встречал больше старого безумного садовника. Однажды он вышел в сад по-

дышать свежим воздухом; идя по густой лавровой аллее, он вдруг увидел стены северного флигеля Вильмингдонгалля. Это древнее строение, казалось, набрасывало мрачную тень на сад. Лионель хотел было уйти с этого места, как услышал слабый стонущий голос. «Сквозь эту щель в ставнях, – говорил этот голос, – я видел, да, сквозь эту самую щель».

Лионель обратился в ту сторону, откуда послышались эти слова, и увидел старого садовника, который стоял у одного из окон нижнего этажа и смотрел в щель крепкого дубового ставня. Это действие было так странно, что возбудило бы любопытство в каждом. Лионель стал ждать, не скажет ли старик еще чего-нибудь. Он стоял, облокотясь на подоконник и крепко прижав лицо к ставне, и, казалось, следил за ужасной сценой.

«Не делайте этого, барин! – воскликнул он подавленным голосом и задрожал всем телом. – Ради Бога, не делайте этого! О, этот ужасный нож! Это страшное кровавое убийство! Не троньте его, барин, нет, нет, не троньте его!»

Утомленный своим внутренним волнением, он отвернулся от окна и увидел Лионеля, который стоял перед ним, бледный и встревоженный. С яростью бросился к нему старый садовник.

– Это вы! – воскликнул он. – Вы опять подслушали меня? Я вас знаю! Вы подслушиваете, вы хотите открыть страшную тайну! Но вы ничего не узнаете! Нет, говорю вам, – вы ничего не узнаете! Мне уже недолго остается жить, и я сохраню

эту страшную тайну до своего смертного часа! Говорите, молодой человек, много я сказал? Говорите, или я задушу вас!

Слабые руки старика судорожно схватились за галстук Лионеля, но молодой человек тихо освободился от них.

– Что я говорил? – повторил садовник. – В бедной моей голове иной раз все мешается, и я тогда воображаю, что вижу страшные вещи: ножи, кинжалы, убийство, – ужасное убийство, – вижу человека, стоящего над темной лестницей, а за ним другого, вонзающего ему в спину нож и сталкивающего его вниз, в погреб! Но все это лишь сон! Мучительный сон! Но он так часто возвращается! Так часто!

Невыразимый ужас овладел стариком при этих словах, он судорожно схватился за руку молодого человека, устремил глаза на то окно, в щель которого он сейчас смотрел. Дрожь пробежала по телу Лионеля. В словах садовника было что-то, что говорило ему, что это не только безумный бред старца, но что тут скрывается страшная тайна, относящаяся к Руперту Гудвину. Лионель решил открыть ее, как бы ни были страшны ее последствия. Но для этого нужны осторожность и лицемерие; необходимо успокоить старика и постараться приобрести его доверие.

– Пойдемте, мой друг, – сказал он, бережно взяв под руку садовника, – успокойтесь. Вы стары, и такие мысли утомляют вас. Оставим это мрачное место и поговорим о других вещах.

– Да, да, оставим его! Мне здесь нечего делать, вовсе нече-

го делать, а все-таки какой-то демон постоянно тянет меня сюда! Я его не вижу, но чувствую его прикосновения, – он берет меня, и я против воли следую за ним и смотрю в щель этого окна и опять все вижу! Все также, как видел в тот вечер, когда случилось это ужасное убийство!

Он показал пальцем на седьмое окно флигеля. Лионель заметил это и тихо увлек за собой старика.

– Вы старый служитель дома? – спросил Лионель.

– Да, очень старый и верный служитель. Я семьдесят лет служу здесь. Нынешний хозяин мрачен, холоден, горд, и взгляд его внушает мне невольный ужас. Но кровь Гудвинов течет в его жилах, и старый Калед Вильдред никогда не будет свидетелем против него.

Лионель долго разговаривал с садовником, но так ничего и не выведал, кроме того, что существовала какая-то тайна, которую старик унесет с собой в могилу.

В сильном волнении Лионель лег в постель в тот вечер. Всю ночь он ворочался с боку на бок, а когда ему случилось забыться, то страшные сны тревожили его. Он видел Юлию, бледную, с растрепанными волосами, лежащую у ног его и умоляющую пощадить отца ее и не открывать его преступления.

Злость и жажда мести наполняли сердце Гудвина, когда он оставил Клару Вестфорд. Если бы Клара поддалась искушению принять его богатство, он защитил бы Виолетту от преследований маркиза. Но она отвергла его, и он твердо решил погубить девушку. С этим намерением он отправился в клуб, где его ожидал маркиз. Он нашел Рокслейдаля в комнате для курящих.

– Ну, Гудвин, – воскликнул он, с живостью встречая банкира, – видели ли вы девушку и приготовили ли все как следует, чтобы представить меня?

– К несчастью, нет, любезный друг, но как светский человек, я могу вам дать совет. Вы знаете эту хорошенькую девушку, которая так походит на еврейку, – мисс Вобер, если не ошибаюсь?

– Да, как же!

– Вот она нам может быть полезной. Что вы скажете, если я предложу вам поехать к ней?

– Хотя все это и отдаляет мою встречу с мисс Ватсон, – ответил маркиз, – но если вы находите необходимым этот визит, так поедemте тотчас же. Кабриолет мой ждет внизу.

Оба немедленно отправились к мисс Вобер на квартиру. К счастью, они застали ее у себя. Доложив об их приезде, лакей возвратился провести их к ней. Герцогу Гарлингфор-

ду стоило много денег исполнение всех прихотей прекрасной дамы. Комнаты ее были убраны роскошнейшим образом, и сама она в великолепнейшем костюме лежала на шелковом диване.

При появлении гостей она лениво приподнялась.

– Прошу вас не беспокоиться, мисс Вобер, – сказал маркиз. – Я только пришел побеседовать с вами несколько минут и привез с собой своего друга, мистера Гудвина, о котором вы, без сомнения, не раз слышали. Вы, должно быть, устали после продолжительных репетиций? Театральная жизнь, верно, очень утомительна?

– Да, крайне, – она презрительно пожала плечами, – в особенности когда справедливые требования не исполняются. Участвовать в балете вовсе не было моим намерением, но ведь мистер Мальтраверс никогда не выслушает меня, хотя взял с улицы совершенно обыкновенную девушку и поместил ее в главной сцене нового балета.

– Вы говорите о мисс Ватсон? – воскликнул маркиз. – Это действительно восхитительнейшее существо, какое я когда-либо встречал, и нисколько не удивлюсь, что мистер Мальтраверс очарован ею.

Эстер Вобер бросила на него взгляд, огонь которого придал ее лицу почти сатанинское выражение.

– Если вы находите красивой эту безжизненную куклу со светлыми волосами, – сказала она, – то, конечно, можете похвалиться большим вкусом.

Мистер Гудвин воспользовался этим случаем, чтобы вмешаться в разговор.

– Что касается до меня, – сказал он, – то я согласен с мнением мисс Вобер: такая красота не в моем вкусе. Я предпочитаю выразительную брюнетку, напоминающую Восток. Но все это не помешало одному из наших друзей, мистеру Семпрониусу Сикемору, – сказать правду, человеку весьма обыкновенному, – влюбиться без памяти в эту молодую особу. Он желает познакомиться с ней и даже хочет жениться на ней, если она только согласится.

– Он, вероятно, богат? – спросила Эстер.

– О, нет, кроме тех денег, которые он берет в долг у своих друзей, у него нет ни одного пенни!

– В таком случае он молод и хорош собой?

– Ни то, ни другое. Ему сорок пять лет, и голова его украшена отвратительнейшим париком.

– И этот человек хочет жениться на мисс Ватсон, любимице директора, «королеве красоты»?

– Да.

– Но если она не согласится?

– Этого-то мы и опасаемся, мисс Вобер, – сказал банкир, – и поэтому мы с маркизом придумали маленький план, который доставит нам некоторое удовольствие, а нашему другу Семпрониусу молодую, смазливенькую жену. К несчастью, Сикемор так дурен собой, так глуп и толст, что молодая девушка тотчас откажет, если ее спросят, и потому

нужно выдумать маленькую хитрость, например похищение. Под каким-нибудь предлогом надо заманить ее в карету, которая привезет ее вместе с Семпрониусом в уединенный замок графства Эссекс, принадлежащий маркизу Рокслейда-лю. Там «королева красоты», увидев, что репутация ее потеряна, не замедлит согласиться скрепить эти узы браком, по случаю которого мисс Ватсон оставит сцену, уступив свое место особе, более способной восхищать публику.

Маркиз с удивлением слушал весь этот разговор. Он не понимал цели банкира, но вверился его хитрости и изобретательности.

Для Эстер предложение банкира было большим искушением. Она ненавидела Виолетту Вестфорд за ее красоту, за ласковое с ней обращение директора, за то, что публика восхищалась ею, и за ее скромное поведение. Эстер было трудно противостоять искушению участвовать в заговоре, посредством которого она могла избавиться от своей ненавистной соперницы, и к тому же видеть ее, соединенную с человеком, недостойным ее.

– Что же я могу сделать, чтобы привести ваш план в исполнение? – спросила она после некоторого колебания.

– Мы вас только просим представить нас мисс Ватсон таким образом, чтобы она ни в чем не заподозрила нас.

– Мисс Ватсон – необразованная особа, – с неудовольствием сказала Эстер, – и к тому же я с ней в таких отношениях, что сразу не могу заговорить с ней. Но если вы подо-

ждете до следующего понедельника, то за это время я постараюсь сблизиться с ней.

– Без сомнения, – ответил банкир, – мы подождем до понедельника.

Маркизу этот долгий срок вовсе не понравился.

– Но если можно устроить это дело раньше, мне было бы очень приятно, – сказал он.

– Нет никакой возможности, – возразила Эстер, – и даже до понедельника оно мне будет стоить много труда.

– Если только может, удовлетворить вас лучший бриллиантовый браслет, какой только можно найти у золотых дел мастера, любезная мисс Вобер, – с живостью сказал маркиз, – то труд ваш будет вознагражден.

Эстер улыбнулась. Месть прельщала ее, но и бриллианты имели большую цену в ее глазах. Руперт Гудвин наблюдал за ней, и какая-то меланхолическая тень показалась на его лице. «Кто она и откуда? – думал он. – Откуда это поразительное сходство между ней и той, умершей? И слухи, будто бы она из рода испанских евреев. Странно».

Уговорившись встретиться в понедельник вечером за кулисами Друрилейнского театра, приятели оставили богатую квартиру мисс Вобер и отправились в клуб обедать.

– С какой стати вы вмешали Семпрониуса в это дело? – воскликнул маркиз, когда они сидели друг против друга за накрытым столом в клубе.

– Чтобы он служил нам полезным орудием, – ответил бан-

кир. – Мисс Вобер завидует той молодой девушке и ее превосходству над ней, и если бы она знала, что вы, любезный маркиз, обожатель мисс Ватсон, то из опасения сделать, может быть, соперницу свою маркизой, всеми силами старалась бы навредить нам, а теперь она ревностно будет нам содействовать, так как воображает, что поможет соединить ненавистную ей девушку с бедным и недостойным человеком.

– А, понимаю! Вы чертовски умны, Гудвин! Но каким образом привести в исполнение наш план?

– Очень просто. У вас в Эссексе есть владение с древним замком, называющееся Ла-Фосс?

– Да.

– Какого рода это строение?

– В целом свете не найдете жилища более уединенного и мрачного.

– Много у вас там людей?

– Только двое – старый кучер и жена его, оба почти глухие и слепые.

– Превосходно! Недостает только, чтобы они были и немые, – сказал Гудвин. – Теперь план мой совершенно готов, и в понедельник до полуночи мисс Виолетта Ватсон будет на пути в Ла-Фосс.

– С Семпрониусом?

– Нет, с вами, любезный Рокслейдаль!

Вечер, следующий за посещением нашими друзьями мисс Вобер, был для Виолетты особенно счастлив. Мистер Мальтраверс, довольный ее представлениями и скромным поведением на сцене, поручил ей более значительную роль и повысил ее еженедельную плату на полгинеи.

Эстер Вобер стояла за кулисами и слышала разговор директора с Виолеттой и, если она до сих пор колебалась становиться союзницей низкого заговора Руперта Гудвина против незащитной девушки, то теперь, когда слышала, как директор хвалил Виолетту, твердо решила погубить ее. Несколько минут спустя она подошла к молодой девушке и положила свою маленькую руку, усеянную драгоценными кольцами, на ее плечо.

– Мисс Ватсон, – ласково сказала она, – будемте друзьями! Я откровенно признаюсь, что было непростительно глупо с моей стороны завидовать вам. Я так хотела получить роль в новом балете, которую мистер Мальтраверс передал вам, что рассердилась на него и на вас. Но теперь я сознаю несправедливость и стыжусь ее. Можете ли вы простить меня? Я уверена, что вы не мстительная особа, мисс Ватсон, – улыбнулась она, – и потому скажите, что меня прощаете!

– Охотно, – Виолетта кротко посмотрела своими голубы-

ми глазами на лицемерную Эстер. – К тому же, мне кажется, нечего прощать, ибо хотя вы и нехорошо относились ко мне, но ведь мы не были знакомы друг с другом, и я не имела никаких прав на вашу дружбу.

– Но с этих пор она принадлежит вам, – сказала Эстер, – и те, кто знает меня, также знают, чем Эстер Вобер может быть, когда она расположена к кому-нибудь. Но нам пора одеваться?

Обе молодые особы, дружно взявшись под руки, пошли в гардеробную.

Театральная жизнь Виолетты, казалось, шла очень хорошо. Не было ни одной особы на сцене, которая бы косо смотрела на нее. Эстер обращалась с ней ласково, а так как она пользовалась большим влиянием в театре, то всякий считал обязанностью быть с Виолеттой ласковым не менее ее. Доверчивая Виолетта с радостью приняла эту мнимую дружбу, и следствием всего этого было то, что в назначенный понедельник вечером обе актрисы были в лучших отношениях. А Руперт Гудвин принял все необходимые меры, чтобы привести в исполнение задуманное.

Что же касается маркиза, то он был только терпеливым орудием в руках своего искусителя. Распоряжался всем Гудвин, а лорду Рокслейдалю велено было исполнять все приказания своего друга.

Окончив туалет, Виолетта сошла на сцену, Эстер уже поджидала ее. Она повела ее в приемную комнату театра и, ве-

село болтая, села с ней на диван, под люстру, свет которой ярко освещал обеих красавиц. Час, в который должен был явиться маркиз с обоими своими друзьями, был заранее назначен мисс Вобер, и они были аккуратны. Едва успели молодые девушки усесться, как вошли наши приятели. Лорд Рокслейдаль был сконфужен, как молодая девушка, в первый раз являющаяся на бал. Банкир, напротив, был спокоен и совершенно освоился с ролью, которую должен был играть. Он заговорил с Эстер Вобер, по-видимому, не обращая внимания на Виолетту, блестящая красота которой, однако, поразила его.

Началась взаимная рекомендация, и Эстер представила своей подруге мистера Семпрониуса Сикемора. Виолетту, привыкшую к обычаям большого света, несколько не удивила эта церемония, как и представление маркиза.

Лорд Рокслейдаль, стоявший за своим другом банкиром, так был поражен красотой Виолетты, что не мог произнести ни слова, к тому же ему был дан совет: как можно больше молчать и предоставить говорить за него своим опытным друзьям. Поэтому маркиз с немым восторгом смотрел на Виолетту, тогда как Семпрониус Сикемор рассыпался в комплиментах перед обеими актрисами.

Эстер, поверив рассказу банкира, который мистер Сикемор совершенно оправдывал своим поведением, с злобной улыбкой посмотрела на Руперта Гудвина.

Виолетта еще ни разу не видела банкира. В толпе гостей,

наполнивших в тот вечер зал мистрисс Тревор, она его не заметила; но все-таки она нашла в чертах лица его, в блеске его черных глаз, что-то знакомое. То было, без сомнения, то же выражение, которое сразу бросилось ей в глаза при взгляде на Эстер Вобер и которое так походило на Рафаэля Станмора. Она так погрузилась в эти размышления, что рассеянно отвечала на вопросы, с которыми обращался к ней Семпрониус Сикемор. Но вдруг объявили, что приближается последняя сцена балета, и обе дамы поднялись. Виллетта холодно и вежливо раскланялась с гостями. Она вела себя очень благопристойно в продолжение всего разговора и никак не думала, чтобы эти господа могли иметь о ней дурное мнение потому только, что она принуждена зарабатывать хлеб свой на сцене.

– Ну, любезный Рокслейдаль, – сказал банкир, когда они остались одни в приемной, – какого мнения вы теперь о вашей богине с золотистыми волосами? Все ли вы еще обворожены ее красотой?

– Более чем когда-либо, – отвечал маркиз.

– Итак, – мрачно сказал банкир, – предупреждаю вас, что сегодняшнее наше предприятие не без некоторых опасностей; но, что бы ни случилось, я беру с вас честное слово, что вы один за все отвечаете и не вмешиваете в это дело моего имени, в случае, если оно дойдет до суда. И теперь слушайте: когда молодая девушка, которую здесь называют мисс Ватсон, возвратится в гардеробную, ей подадут записку, в кото-

рой будет сказано, что мать ее опасно заболела и что доктор прислал за ней карету. Ее повезут в карете, которая ожидает на соседней улице, и вы отправитесь с вашей богиней в замок графства Эссекс.

Все трое вышли в ложу, которую маркиз абонировал на всю зиму, но еще до окончания последнего действия балета Руперт Гудвин вышел из нее вместе с маркизом.

Только что Виолетта успела переодеться, как ей подали записку такого содержания:

«Просят мисс Вестфорд немедленно последовать за посланным и сесть в карету доктора Мальдона, который в настоящее время находится у ее опасно заболевшей матери. Она хорошо сделает, если поспешит с приездом».

В ужасном волнении Виолетта схватила свою шляпку и пальто и опрометью бросилась к ожидавшему ее посланному.

– Это вы принесли мне записку от доктора? – спросила она, стоявшего в коридоре человека и получила утвердительный ответ.

– Ради Бога, поспешите к больной!

Не произнося более ни слова, она пошла за ним на пустую улицу, где стояла карета. Если бы она не была так взволнована, то непременно заметила бы, что карета вовсе не походила на экипаж доктора, а была почтовая, и что на козлах вместе с кучером сидел господин, закутавшийся в плащ, с ды-

мящейся сигарой во рту.

Человек, проводивший ее, отворил дверцы, и Виолетта, вскочив в карету, в изнеможении упала на подушки.

– Велите кучеру ехать как можно скорее, – сказала она ему, когда он стал затворять дверцы, и карета быстро покатила по мостовой. Господин, сидевший на козлах, был маркиз Рокслейдаль. Другой, стоявший на тротуаре, был Руперт Гудвин.

– Теперь, Клара Вестфорд, я отомщен, – пробормотал он, когда карета скрылась из вида. – И ты хотела бороться со мной? Видишь ли, какое ты беззащитное создание?

После сцены, случившейся у окон северного флигеля Вильмингдонгалля, странная борьба происходила в душе Лионеля. В одну минуту он думал только о Юлии: о ее красоте, о ее благородном характере – одним словом, о всех хороших ее качествах, которые так очаровали его. А в следующую минуту он вспоминал таинственные слова садовника и не мог провести спокойно часа в этом доме, над которым тяготело преступление. Смысл ужасных слов садовника мало-помалу становился ему ясен – они объясняли ему историю страшного убийства, совершенного в северном флигеле дома.

Но кто убийца? Лионель страшился произнести имя человека, которого он подозревал. Что ему было делать? Остаться в этом доме, не открывая тайны, не было возможности. Воздух в нем душил его, каждую минуту ему казалось, что он слышит крик умирающего человека. «Нет, – говорил себе молодой человек, – красота Юлии не должна препятствовать мне исполнить мою обязанность и открыть эту тайну; я должен узнать, есть ли правда в словах садовника. Дай Бог, чтобы это был только бред безумного старца!» Приняв наконец твердое решение, он немного успокоился. Весь день он работал, не выходя из комнаты. Он решился избегать влияния, которое имело на него общество Юлии. Сейчас он уви-

дел ее – она шла к лавровой аллее, где так часто они встречались и проводили счастливые часы. Его сердце сильно забилось, когда он смотрел на высокую и стройную фигуру девушки. Лионель не был самолюбивым фатом, но в последнее время в нем пробудились сладкие надежды. Он часто был в обществе Юлии и по звуку ее голоса, по чему-то неизъяснимому в ее поведении с ним заключил, что любовь его не безнадежна. Но он должен был отказаться от этой упоительной надежды и употребить всю душевную силу, чтобы узнать тайну, которая, может быть, выставляла отца любимой им девушки ужасным преступником. «И если я должен пожертвовать своим счастьем и спокойствием Юлии, то все-таки узнаю истину». В тот же вечер он начал это дело. Обыкновенно он обедал один в своей комнате, Юлия тоже обедала одна, так как мистер Гудвин уже несколько дней не приезжал на дачу. Ровно в семь часов ему принесли обед. Лионель не имел обыкновения разговаривать с лакеем, но в этот вечер он решился заговорить с ним.

– Старик, которого я так часто встречаю в садах, внушает мне большое участие, – сказал Лионель. – Кажется, его имя Калев Вильдред? Несчастный, должно быть, помешан? Давно он в таком состоянии?

– О! – лакей обрадовался случаю поговорить. – Старый Калев уже шесть лет слаб памятью, но в прошлом году он был опасно болен и с тех пор совсем помешался.

– Какого же рода была его болезнь?

– То было воспаление мозга. Никто не думал, что он выздоровеет, но наша ключница, его родственница, усердно ухаживала за ним, не говоря ничего мистеру Гудвину. Страшные вещи говорил бедный старик в бреду.

– А именно?

– Убийство, измена, щель в ставнях и бог знает что еще. Слушая его, голова кружилась. Он болел два месяца и с тех пор стал таким, каким вы его теперь видели. Но он знает, что помешан, что редко встретите у сумасшедших. Когда он перестает бредить об убийстве, обмане и разных тому подобных вещах, на него находит светлая минута, и тогда он объявляет, что все, что он говорил, ничего не значит, и что не надо обращать внимания на его слова.

– Слышал ли когда-либо мистер Гудвин эти бредни?

– Никогда, насколько мне известно. Старый Калев со времени своей болезни как будто боится нашего господина. Он никогда не подходит к нему, трясется, когда услышит его голос, и бледнеет, как мертвец, когда при нем произносят его имя.

– Но отчего заболел бедный старик? – с напускным равнодушием спросил Лионель, тогда как каждое слово слуги подтверждало его подозрение.

– Вот это страннее всего, – отвечал лакей. – Вам, должно быть, еще неизвестно, что говорят, будто бы нечисто в северном флигеле нашего дома, и женская прислуга приписывает его болезнь тому случаю, что он видел там привидение.

– Как так?

– А вот как было дело. В один июньский вечер мы сидели за ужином. Ключница заметила отсутствие Калеба и послала за ним младшего садовника, который проискал его несколько часов и нашел около полуночи – без памяти, под одним из окон северного флигеля. И вот люди уверяют, что он, посмотрев в щель ставни, увидел привидение!

– Странно! – задумчиво сказал Лионель.

Рассказ слуги очень интересовал его, но он больше не мог о расспрашивать его, чтобы не возбудить подозрения.

Карета, в которой сидела Виолетта, катилась очень быстро, но миновала сверх ее ожидания поворот на мост Ватерлоо. Виолетта, разволновавшись, что кучер вследствие глупости или незнания повезет ее не надлежащей дорогой, дернула за шнурок, но кучер не обратил на это внимания; карета неслась вдоль по Флит-стрит; девушка отворила окно, но убедившись, что ее голос не действует на кучера, хотела выпрыгнуть, но дверцы кареты были замкнуты, а кучер все шибче погонял лошадей. Дома стали редеть, и вскоре глазам Виолетты открылась полевая бесконечная дорога, обсаженная с обеих сторон деревьями. Тогда только Виолетта поняла, что стала жертвой низкого обмана, хотя в болезни своей матери она не сомневалась. После двухчасовой быстрой езды карета остановилась у подъезда гостиницы.

Несмотря на позднее время и на то, что в окнах не светился огонь, путешественников, по-видимому ждали: ворота были открыты, и двор освещен. Какой-то человек выпряг усталых лошадей, а другой подвел на смену им новых. Трудно изобразить состояние Виолетты. Она выглянула в окно и заметила невдалеке мужчину высокого роста.

– Кто бы вы ни были! – воскликнула она. – Объясните мне, ради самого Бога, зачем меня привезли сюда? Зачем меня отняли у моей умирающей матери?

Незнакомец приблизился к карете. Плотно надвинутая шляпа и шарф, окутывавший подбородок и шею, скрывали от Виолетты его черты и благодаря темноте не дали ей узнать маркиза Рокслейдаля, которого вдобавок она видела только вскользь на этом вечере.

– Умоляю вас, – продолжала Виолетта, – если в вас не угасло чувство человеколюбия, отвезите меня в Лондон к моей матери.

– Успокойтесь, сударыня, – отвечал незнакомец, – мать ваша здорова.

– Благодарю, благодарю тебя, Боже! – воскликнула Виолетта. – Но это письмо, это письмо от доктора?

– Это письмо, в свою очередь, вымысел, который вы простите, когда узнаете его причины.

Лошади между тем были запряжены, и Виолетта не успела больше ничего сказать, как маркиз почтительно откланялся и карета понеслась...

Хотя Виолетта благодарила Творца, она пыталась разъяснить эту тайну. Будь у нее какой-нибудь обожатель, она отнесла бы свою загадочную поездку к похищению, но так как этого не было, то ей казалось странным, зачем ее увозят из ее скромной жизни с любимой матерью? Но все ее усилия не объяснили ей ее недоумения.

Около трех часов утра карета остановилась у железных ворот, над которыми красовался герб, обвитый натуральным плющом, а пока Виолетта разглядывала эти ворота,

звук колокольчика нарушил безмолвие ночи. Явился привратник со связкой ключей, и карета въехала в широкую аллею, переехала мост через широкий ров, наполненный водой, и остановилась у мрачного здания, напоминавшего феодалские замки. Маркиз Рокслейдаль приблизился к карете и помог выйти Виолетте; она бы упала без этой поддержки: эта страшная ночь истощила ее физические и душевные силы.

– Где я и зачем меня сюда привезли? – спросила она.

– Потерпите немного, – сказал нежно маркиз, – вы нуждаетесь в отдыхе и потому отложите вопросы до завтра.

Ответ маркиза поразил Виолетту: в нем слышалось торжество волокиты, одержавшего победу над жертвой. Несмотря на всю свою неопытность, Виолетта поняла затруднительность своего положения: ее мужество пробудилось с этим сознанием.

– Зачем привезли меня сюда? – спросила она, отстраняя руку маркиза, – и кто же вы, если решились вступить в заговор против незащитной девушки?

– Милая мисс Ватсон, – отвечал маркиз, сильно сконфуженный, но все еще силясь поступать сообразно советам друзей, – вы, наверное, простили бы мне весь этот заговор, если бы знали искреннюю любовь, заставившую меня прибегнуть к подобным мерам. Но позвольте мне отложить объяснения до завтра: вы в такой же безопасности под этим кровом, как под тем, под которым спали прошлую ночь.

В этом уверении слышалась истина, да и Виолетта была слишком слаба, чтобы вступать в состязание с маркизом; она почти упала на скамью, стоящую в передней, освещенной тускло горевшей лампой; воздух в ней был удушлив и сыр; понятно, что маркиз, имеющий шесть прекрасных замков, пренебрегал этим поместьем, доставшимся ему по наследству от деда. Старая ключница встретила в прихожей маркиза с Виолеттой.

– Вы получили мое письмо? – спросил ее маркиз.

– Получила, милорд, и все уже готово к приему молодой госпожи. Какая она маленькая, хорошенькая барыня, но только уж слишком бледна для новобрачной.

– Она отчасти не в полном рассудке, – сказал потихоньку маркиз Виолетте, – вы не обращайтесь на это внимания.

Виолетта отвечала утвердительным жестом и дружески протянула руку старухе, которая тотчас же повела ее вверх по широкой дубовой лестнице.

Хотя маркиз и снял свою шляпу при входе в зал, но утомление Виолетты и тут не позволило ей узнать его; в ней жила отчетливо только одна мысль – мысль о побеге. Она последовала за ключницей и не сомневалась в своей безопасности при виде ее доброго, открытого лица.

Комната, куда вошла Виолетта, была мрачная, несмотря на огонь, пылающий в камине. Виолетта в изнеможении опустилась в широкое кресло и, успокоенная обещанием старухи не оставлять ее, уснула.

Разговор со слугой убедил Лионеля, что он обязан узнать тайну северного флигеля в Вильмингдонгалле. Не будь, конечно, Юлии, он не взялся бы за такое расследование, а предоставил дело полиции; при настоящих же обстоятельствах он твердо решился избегать этой крайности, пока сомнение не перейдет в убеждение и не заставит его донести на отца любимой им девушки. Он понимал, как много осмотрительности и силы воли требовала от него эта задача; раздумывая о рассказе слуги, он пришел к убеждению, что старый Калеб был очевидцем какого-нибудь страшного события в северном флигеле. Что это было за событие? Садовник говорил об убийстве, но как могло совершиться подобное убийство, не вызвав подозрений? Жертва не могла войти в дом без того, чтобы ее не увидели слуги, и каким же образом банкир мог объяснить ее исчезновение? Все это дело казалось тайной, которую могли раскрыть только терпеливые и продолжительные розыски. Чем больше Лионель думал об этом деле, тем сильнее убеждался, что ему никто не мог быть полезнее старой домоправительницы, родственницы Калеба, жившей уже двадцать лет в семействе Гудвина и знавшей, конечно, не одну его тайну. Лионель решился сблизиться с ней при первом удобном случае, и неожиданное обстоятельство ускорило это сближение.

В Вильмингдонгалле было много старинных картин – большей частью портретов знатных особ, владевших им, пока оно не перешло к торговцам. Много ценных изображений украшало стены старого замка и, по уверению Юлии, в комнатах домоправительницы было тоже несколько замечательных произведений нидерландской школы. Банкир был поклонником новейших школ. Желание увидеть знаменитые произведения искусства, свойственное всякому живописцу, послужило Лионелю благовидным предлогом просить у домоправительницы позволения представиться ей; оно было дано с большей обязательностью и сопровождалось приглашением на чай.

Ровно в пять часов Лионель явился к мистрисс Бексон, сделавшей для его приема большие приготовления – эти приготовления своим резким контрастом с мрачными и тяжелыми думами, волновавшими его ум, заставили его невольно улыбнуться.

Старая домоправительница оделась ради этого торжественного случая с большой изысканностью и, обменявшись с Лионелем обычными приветствиями, стала показывать ему старинные картины, поясняя их, и даже назвала цену, за которую была куплена каждая из них.

На этот раз Лионелю не было надобности притворяться: неоспоримое достоинство картин сейчас же обнажило его художественные чувства, и он пристально всматривался в каждую из них, так что домоправительнице стало даже

досадно это продолжительное созерцание. Когда все картины были осмотрены, Лионель сел за обильно уставленный стол, спиной к окну, чтобы скрыть от хозяйки всякое волнение, которое могло отразиться на его лице. Он постепенно и осторожно навел разговор на мистера Гудвина, и домоправительница старалась поддержать эту тему с видимым удовольствием.

– Настоящий наш хозяин очень добр, и слуги на него не жалуются, – сказала она, – но он не похож на своего отца, он вечно молчалив и угрюм. С посторонними он еще несколько приветлив, но оставаясь один, он, по-видимому, ни в чем не находит покоя или удовольствия. Я еще не встречала такого скрытного характера, и эта мрачность стала сильнее в последний год, хотя я теперь реже вижу его. Он все о чем-то думает, словно заботы всего человечества обрушились на одну его голову.

– Так вы его редко видели в последнее время? – спросил Лионель.

– О да, очень редко; уж бог знает, что его удерживает в Лондоне: дела или удовольствия, потому что он ведет, по уверениям многих, весьма беспорядочную жизнь; с прошлого лета или, лучше сказать, с того самого времени, когда мой бедный братец Калев захворал расстройством мозга, хозяин почти не показывается в своем поместье, словно у нас в доме завелись привидения.

Легкая дрожь пробежала по телу Лионеля: все, что он

слышал, убеждало его, что банкир совершил летом какой-нибудь страшный, вопиющий проступок.

– Мы дружески знакомы с вашим братом Каледом, – сказал Лионель после короткой паузы. – Мы с ним часто встречаемся в саду. Он начинает говорить очень сбивчиво, но мало-помалу к нему возвращаются сознание и память.

– Да, он мелет разные глупости, и не всякий будет иметь терпение слушать, но я – его родственница, мы выросли вместе, и я одна только ухаживала за ним, когда он заболел.

– Я слышал, что причиной этой болезни был внезапный испуг, – заметил Лионель. – Говорят, что там он увидел что-то ужасное, а может, и не видел, а просто причудилось. Прислуга уверяет, что он испугался привидения, показавшегося в северном флигеле, но я не верю этому, несмотря на все страшные толки, которые идут про северный флигель.

– Не многие так бесстрашны, как наш хозяин.

– Что вы хотите этим сказать? – спросил Лионель.

– Я хочу сказать, что он не боится просиживать там часами даже ночью, он устроил контору в этом отделении, где хранятся все его деньги и важные бумаги, и до июня работал там без усталости по целым дням.

– Как? Только до июня прошлого года, а теперь не работает? – удивился Лионель.

– Да ведь я говорила уже, что он теперь у нас весьма редкий гость; ему как будто вдруг опротивел его дом. Мне кажется, что его что-то тревожит; я даже часто думаю, что он

ищет удовольствий только для того, чтобы рассеять эту тревогу.

– Но ведь прежде он любил работать в этой комнате в северном флигеле?

– Да, а вот то мне и не верится, что Кaleb встретил там привидение.

– Почему же так?

– Да потому, что мистер Гудвин находился в тот вечер в своей конторе, и никакое привидение не решилось бы показаться при ярком освещении и еще когда у хозяина сидел гость из столицы.

– Этот гость, значит, приезжал поздно вечером?

– Да, почти ночью; мы сидели с племянницей под деревом в саду и видели, как он вошел в столовую, где были мистер Гудвин и Даниельсон. Мы заметили, что он требовал что-то очень настойчиво и был очень взволнован. Когда же приказчик отправился в Гертфорт, мистер Гудвин и гость пошли в библиотеку, а там по коридору в северный флигель.

Волнение Лионеля было ужасно.

– А что было дальше? – спросил он мистрисс Бексон.

– А после мы ходили целый битый час по саду и страшно испугались, когда увидели неожиданно перед собой Якова Даниельсона. Нас особенно поразило волнение этого человека, всегда спокойного. Он спросил, не видели ли мы, куда девался гость. Мы ответили, что не видели. И он ушел очень поспешно. Нас даже бросило в озноб – и меня, и племянни-

цу, хотя на дворе было очень жарко: так страшен показался нам вопрос Даниельсона: не видели ли мы, куда девался гость?

– И вы в самом деле не видели его после того? – спросил Лионель.

– Нет, он ушел, вероятно, также тихо, как и пришел.

– И ваш брат Калев заболел в ту же ночь воспалением мозга?

– Да, в эту же ночь.

– Признаюсь, – сказал Лионель, – этот страшный северный флигель возбуждает мое любопытство, и хотя я не очень верю в привидения, я бы охотно расследовал тайны этого флигеля. Возможно ли мне пробраться туда?

– Нет, – отвечала домоправительница. – Гудвин не выпускает ключей от него из своих рук.

– Но ведь слуги ходят же туда иногда для уборки комнат?

– Никогда, – возразила она. – Мистер Гудвин желает лучше, чтобы пыль лежала там грудями, нежели кто-нибудь привел в беспорядок лежащие там бумаги. Это строение очень древнее, – добавила домоправительница, – под ним много подземных ходов, а под северным флигелем есть огромный погреб, в котором уместился бы целый полк.

– Я давно заметил этот грот, – воскликнул Лионель.

– Он теперь завалился, но если пройти за ним, то можно легко добраться до лестницы, ведущей в еще более глубокий вход, который, как я слышала, соединяется с погребом;

но едва ли кто решится войти в этот ход, не узнавши вперед, в каком он состоянии. Едва ли даже знает об его существовании сам мистер Гудвин. Если же вы решитесь спуститься в него, вы должны предвидеть все опасности такого решения.

Лионель весело засмеялся.

– Не думайте, пожалуйста, что я по доброй воле решусь подвергнуться подобной опасности. Я желал бы, конечно, увидеть хоть раз в жизни какое-нибудь привидение, но я не хочу даже ради всех существующих привидений рисковать своей жизнью. Нет, я не трус, но не желаю умереть под развалинами вашего подземелья.

Когда Виолетта проснулась, солнце ярко светило в старинные окна. Сон не успел утешить лихорадочного волнения, вызванного в ней событиями вчерашнего дня. В первую минуту она не поняла, где она находится, но память скоро напомнила ей обо всем происшедшем, и она живо подбежала к окну, чтобы увидеть окрестности. Вид был непривлекательный: болотистую равнину пересекала аллея из тополей – та самая аллея, по которой она въехала в замок. Долго смотрела Виолетта на всю эту унылую и бесцветную картину, потом она набожно сложила руки и проговорила с теплым упованием: «Нет, Господь защитит меня ради моей матери». После краткой молитвы Виолетта оделась и приготовилась ко всему с таким же спокойствием, как будто сидела в гостиной своей матери. В то время, когда Виолетта напрасно искала разгадки всего этого странного дела, в ее комнату вошла старушка-домоправительница и поставила перед ней простой, но вкусный завтрак. Виолетта обратилась к ней с просьбой разрешить ее недоумения, но старуха отвечала ей только дружеской улыбкой и собралась было выйти, но у порога она остановилась:

– Мужайтесь, дитя мое, – сказала она. – Помощь может быть ближе, нежели вы думаете! Свет не без добрых людей!

Виолетта не знала, считать ли ей за истину слова ста-

рухи или за простую болтовню, свойственную ее возрасту. Она подошла к двери и попыталась отворить ее, но дверь оказалась запертой, и ни малейший звук не нарушал мертвого безмолвия дома. Она приблизилась к окну в твердой уверенности, что увидит хоть какое-нибудь живое существо, но день прошел, закатилось солнце, а никто и не показался. Отчаяние овладело девушкой. За весь день она выпила только чашку чая, губы ее горели, сердце давила убийственная тоска о матери; ей стало невыносимо в этой безмолвной комнате, и в голову шла мысль выпрыгнуть из окна, но ее удерживало религиозное чувство. Она только молилась, чтобы Господь защитил ее, бедную и всеми оставленную.

Сумерки быстро ложились на землю, Виолетта приготовилась провести бессонную, мучительную ночь, когда дверь отворилась и на пороге показался мужчина – на этот раз она узнала маркиза Рокслейдаля. Молодой маркиз только что отобедал и изрядно выпил вместе с Гудвином, который приехал к нему из боязни, что слабость молодого человека разрушит его план, если он не поддержит его своим присутствием.

План этот был одним из тех, которые обыкновенно встречают помощника в женском тщеславии, а банкир был самого грязного мнения обо всем человечестве, а следовательно, и о Виолетте. По этому плану, маркиз был обязан выказывать самые честные намерения и предложить Виолетте законный брак, при условии держать все в тайне до его совершенноле-

тия. А Виолетта будет, конечно, счастлива сделаться богатой маркизой, рассуждал банкир.

Яхта лорда Рокслейдаля «Король норманнов» стояла на якоре в устье Темзы. Под предлогом поездки во Францию на ней перевезли бы Виолетту, а уж раз перевезли, можно было завезти ее куда душе хотелось. У маркиза была прелестная вилла в окрестностях Неаполя, и Гудвин советовал поселить там Виолетту. Удаление ее из Англии без возможности возврата удовлетворяло вполне мстительное чувство банкира относительно ее матери, любимой им прежде с такой безумной страстью.

Маркиз подошел к Виолетте: она была бледна, но казалась спокойна и готова к борьбе.

– Я пришел к вам с повинной головой и прошу вас простить меня, – сказал он.

– Я прошу вас от чистого сердца и от души желаю, чтобы и Бог вам простил ваш нечестный поступок относительно существа вам и всем незнакомого и не сделавшего никакого зла. Мне стоит только вспомнить страшное положение, в которое он поверг мою мать, чтобы усомниться в возможности этого прощения.

Яркий румянец покрыл щеки маркиза: он был очень молод, чувство совести не успело угаснуть и ярко вспыхнуло при кротком упреке Виолетты. Но влияние Гудвина восторжествовало над этой вспышкой чувства.

– Моя милая мисс, милая моя Виолетта, опасения ва-

шей матушки можно легко рассеять: на это надобно только несколько строк, написанных вашей рукой, которые я сегодня же отправлю с отходящей почтой.

Виолетта рассудила, что если бы ей даже удалось убежать, то она все-таки не могла попасть так скоро в Лондон, а следовательно, нельзя отклонять возможность успокоить поскорее свою мать.

– Я напишу, – сказала она, подходя к письменному столу, – и если вы, господин маркиз, любили свою мать, то сжальтесь над моей.

Эти слова затронули в сердце молодого человека еще не зажившую рану: он тоже любил свою мать и хотя сейчас обращался с ней дурно, чувство его к ней еще не угасло.

– Не говорите мне о моей матери: есть вещи, которых не следует касаться, – отвечал маркиз и отошел к окну.

Виолетта писала, не касаясь подробностей своего положения, которое не разъяснилось еще и ей самой. Она только старалась успокоить мать уверением, что она здорова и что важные обстоятельства задерживают ее возвращение к ней.

– Милая Виолетта, – сказал маркиз, когда письмо было готово и подписано, – я только отправлю это письмо и тотчас возвращусь и объясню вам все, что вы хотите знать.

Он ушел, но звук запираемого замка возбудил в Виолетте невыразимый ужас: несмотря на глубокую почтительность маркиза, она убедилась, что она пленница в этом пустынном замке. «Боже мой! – взмолилась она. – Сжался и пошли мне

на помощь чью-нибудь дружескую руку!» Крик радости вырвался из уст Виолетты, когда в ту же минуту рука женщины, вошедшей к ней в комнату через потайную дверь, ласково обвила ее талии.

– Тише, ни слова, – сказала спасительница почти уже бесчувственной Виолетте, увлекая ее в ту же потайную дверь. Когда к девушке возвратилось сознание, она увидела перед собой кроткое и выразительное лицо женщины, обрамленное седыми кудрями.

– Спасительница моя! – воскликнула Виолетта. – Вы меня не оставите.

– Нет, милое дитя, я не оставлю вас, пока не возвращу вас в ваше семейство.

– Я так много выстрадала, – сказала Виолетта с невольным содроганием, – мне все это кажется тяжелым сном. Сам Бог послал вас ко мне. Но как вы вошли и от кого узнали, что я нахожусь в таком положении?

– Присутствие мое в этом доме действительно дело Промысла Божьего, – отвечала Виолетте старая дама. – Я приехала сюда только за несколько часов до вас, но все-таки, слава Богу, достаточно рано, чтобы помешать своему сыну совершить преступление.

– Вашему сыну?

– Да, потому что я мать маркиза Рокслейдаля.

– Но, в таком случае, маркиз увидит меня здесь?

– Нет, он еще не знает, что я сюда приехала, не знает вдо-

бавок и этого убежища. Я сама узнала о нем случайно в первые годы моего замужества. Нэнси рассказала мне о вашем приезде, и я тотчас решилась защитить вас.

Маркиза отвела Виолетту в комнату, роскошно меблированную по моде прежнего времени. Ставни были закрыты, и свечи зажжены. Маркиза пригласила Виолетту выпить чашку чая и откровенно рассказать все, что с ней случилось. Безыскусный рассказ Виолетты произвел на нее самое благоприятное впечатление, хотя то, что девушка служила в Друрилейнском театре, несколько охладило сочувствие к ней.

Виолетта спокойно заснула, счастливая сознанием, что письмо ее к матери рассеет ее мучительные опасения. Она и не предполагала, что письмо это попало в руки Гудвина и не было отправлено по назначению. А маркиз уже спешил к своей хорошенькой пленнице.

Лионель решил без всяких отлагательств исполнить задуманное – тщательно исследовать потайной ход в погреб, как только уснут в Вильмингдонгалле. Предприятие было, конечно, смелое, но Лионель унаследовал мужество отца. Дождавшись полуночи, он вышел в коридор, спустился по лестнице, прошел в столовую. Он знал, что дверь прихожей запирается на ночь, и потому не будет возможности выйти из дома иначе, как через окно. Хотя все окна запирались ставнями с железными болтами, сильные и проворные руки могли победить и это препятствие; как ни трудно было раскрыть их без шума, Лионелю удалось избежать его, и он вскоре очутился на просторной террасе.

Прохладный воздух ночи освежил его пылающую голову, он быстро пересек зеленую поляну и вошел в одну из длинных лавровых аллей, где часто виделся с Юлией Гудвин. Было темно, но Лионель без труда нашел грот, о котором говорила ему домоправительница, и ощупал первую ступеньку лестницы, которая вела прямо в погреб. Он зажег восковую свечу, зная по расположению здания, что его не увидит никто из живущих в доме. Он стал медленно и осторожно спускаться, пригнувшись, чтобы не задеть головой о свод. Чем ниже он спускался, тем становилось виднее, что этот тайный ход уже давно предан забвению: густая паутина висе-

ла на стенах, напуганные шорохом шагов Лионеля ящерицы спешили юркнуть в расщелины, скользкая плесень покрывала ступени и ежеминутно грозила ему падением.

Домоправительница его не обманула: этот тайный ход довел его до двери известного погреба. В уме его мелькнула неприятная мысль, что дверь, вероятно, наглухо заперта, но, к его удивлению, дверь тотчас подалась, когда он повернул заржавленную ручку и очутился в первом из погребов северного флигеля. Он рассчитывал, что находится под первым окном, а Кaleb смотрел из седьмого окна, когда увидел убийство, от которого помутился его рассудок. Осмотревшись, Лионель увидел просто обширный погреб, стены которого покрывали слои паутины. Дверь во второй погреб была открыта настежь, и он был также пуст; дверь в третий погреб была притворена, но Лионель открыл и ее; теперь он находился рядом с комнатой со знаменательным седьмым окном. Этот третий погреб отличался от первых: в одном углу стоял большой железный сундук, а в другом была лестница. Эта лестница привела Лионеля к двери, но его попытки проникнуть дальше оказались напрасными: дверь была заперта. Все старания и даже ужас ночного путешествия под северным флигелем были напрасны: его поиски ограничились тремя погребами и запертой дверью! «А впрочем, – подумал Лионель, – быть может, все к лучшему: я должен благодарить Бога за то, что мои предположения, возникшие вследствие рассказа садовника, оказались неосновательны».

И когда Лионель хотел уже спуститься с этой лестницы, его глаза остановились на клочке сукна, повисшем на одном из гвоздей. Этот клочок, казалось, оторван от мужского платья; его первоначальный голубой цвет полинял под действием какой-то странной жидкости, придавшей сукну шероховатую жесткость. Дрожь пробежала по телу Лионеля при этом прикосновении: внутренний голос говорил ему, что эти черные пятна – запекшаяся кровь. Он положил сукно в карман и, продолжая рассматривать ступени, заметил и на них точно такие же черные пятна, а на полу, близ нижней, след целой лужи крови, ввевшейся в гнилые доски пола.

Калёб оказывался не безумцем, твердившем о небывалом злодействе, – эти темные зловещие пятна подтверждали его рассказ.

«Итак, отец Юлии убийца, а мне уготована участь стать его обличителем, – подумал Лионель. – Как она будет ненавидеть меня и проклинать минуту нашей с ней встречи! Но пусть будет что будет, а я доведу дело до конца».

Но расследование не было еще вполне окончено: все свидетельствовало, что убитый был сброшен по лестнице вниз и лежал очень долго на этом месте. Оставалось только узнать, куда девался труп. Убийца, вероятно, прокрался сюда ночью и вытащил его через известный ход, чтобы зарыть в саду. «Но он не останется в этой могиле, – подумал Лионель. – Рука, которая привела меня на место убийства, укажет мне, конечно, и могилу убитого. Провидение управляет людьми,

и я, который с такой радостью желал бы знать отца Юлии хорошим человеком, теперь становлюсь его обличителем». Когда Лионель собирался идти, он увидел еще один предмет, который поднял и положил в карман: это была лайковая мужская перчатка.

Кто опишет чувства Клары Вестфорд в ту ночь, когда была увезена ее Виолетта? Она подходила к дверям Друрилейнского театра немного спустя после того, когда ее дочь вышла из него в сопровождении слуги Гудвина. Сторожа хорошо знали ее и постоянно предлагали ей кресло в приемной, но на нынешний раз, вместо привычного «Доброго вечера» привратник встретил ее взглядом, выражавшим его изумление, но мистрисс Вестфорд, не заметив этого, спокойно села на привычное место.

– Вас ли я вижу, сударыня? – воскликнул привратник, – нам только что сказали, что вы лежите при смерти.

– Слава Богу, я здорова, – улыбнулась мистрисс Вестфорд. – Но кто же вам такое сказал?

– Да ведь за вашей дочерью приезжал недавно какой-то слуга с известием о вашей болезни, он привез ей записку, и она уехала такая взволнованная.

– Вы ошибаетесь, друг мой, это была, вероятно, не она, а другая.

– Помилуйте, сударыня, я знаю вашу дочь!

– И она уехала с этим мужчиной?

– Да, минут за десять до вашего прихода.

Клара была поражена; ее страшная бледность тронула сторожа.

– Успокойтесь, сударыня, – ободрял он ее, – вы, быть может, найдете ее уже дома.

Бесконечен показался мистрисс Вестфорд путь до ее квартиры, и горько было ее разочарование в надежде найти в ней дочь. Она вошла, шатаясь, в неосвященные комнаты и опустилась в изнеможении на диван. Долго сидела она в тяжелой неподвижности, но она была мать, а мужество матери способно пересилить и само отчаяние: она решила спасти Виолетту и, сидя впотьмах, старалась припомнить хоть кого-нибудь в мире, кто помог бы ей в таком несчастье, поразившем ее. Несчастливая мать не нашла никого: ее гордые родственники отделились от нее давным-давно, свет позабыл о ней. Только один человек мог помочь ей – это был Руперт Гудвин, ее враг, но что нужды в том?

Утро застало Клару Вестфорд в пути на Сент-Джемссквер, где жил Руперт Гудвин, но ее ожидала и здесь неудача: банкир отлучился, и его ожидали только на другой день.

– Если мистер Гудвин уехал на дачу, – сказала мистрисс Вестфорд его слуге, – то я прямо сейчас отправлюсь в Вильмингдонгалль.

– Но его там нет, и я, к сожалению, решительно не знаю, куда он уехал, – отвечал слуга.

– Так я приду завтра.

Тяжело было Кларе возвращаться домой; ей пришлось было в голову известить Лионеля об этом происшествии, но она не решилась ввести своего сына в состязание с банкиром.

«Нет, – думала она, – этот человек успел превратить в ненависть любовь ко мне отца, он способен отнять у меня и привязанность сына, нет, я одна должна бороться с ним».

Когда мистрисс Вестфорд явилась на другой день в квартиру банкира, ее ввели немедленно в изящно убранный зал на первом этаже. Едва Клара успела усесться на стул, как увидела перед собой банкира.

– Здравствуйте, Клара, – сказал он ей. – Наше настоящее свидание резко разнится от последнего. Я вам говорил, что у меня достанет терпения дожидаться часа мести и, он теперь настал.

– Возвратите мне дочь и радуйтесь потом своему торжеству! Смейтесь надо мной сколько хотите, но только отдайте мне мою дочь. Спасите ее от бесчестия, а со мной пусть будет что будет!

– Ваша прежняя гордость значительно смягчилась, моя прекрасная Клара, – сказал Гудвин, – итак, вы согласны?

– На все, – перебила несчастная мать, – я не отступлю ни перед каким унижением, чтобы спасти от него мою бедную, невинную дочь. Взгляните на меня, Руперт Гудвин, на мои впалые щеки, на мои угасшие глаза: я вынесла за эти два дня все пытки, какие только может вынести мать; вы можете радоваться сколько хотите, только возвратите мне дочь.

– Так вы принимаете мои условия?

– Я не имею возможности не согласиться на них.

– Вы, значит, готовы завтра же ехать вместе со мной

на мою виллу на юге Франции, – очаровательное место, вполне достойное столь очаровательной особы, как вы.

– Я только просто женщина, доведенная до крайнего отчаяния. Я беспрекословно покоряюсь вашей воле, возвратите мне только мое дитя.

– Послушайте, Клара, – сказал банкир, устремив на нее свои черные, блестящие глаза, – вы дадите мне слово, но сдержите ли вы его?

– Я никогда в жизни не давала напрасных обещаний.

– Хорошо, ваша дочь будет возвращена вам немедленно, но через 24 часа после ее приезда вы отправитесь со мной в Южную Францию, и дочери вашей отныне нечего бояться меня: у нее остается брат, он сумеет оградить ее от всяких опасностей. Если же ваше семейство будет нуждаться, Клара, то мое состояние – к вашим услугам.

– Я не возьму ни пенни, – сказала гордо Клара, – если я отдалась вам в рабство, то по крайней мере не продаю себя. Мы порешили дело, мистер Гудвин, сдержите же ваше обещание, как я сдержу мое.

«Она горда по-прежнему, – подумал Гудвин, – я надел ей на шею прочную цепь, но орел даже в плену не теряет своих орлиных свойств. Конечно, с моей стороны гораздо благоразумнее любить более мягкую и уступчивую женщину, но в любви не бывает благоразумия. Судьба приковала меня к этой женщине; это странное чувство – полуненависть и полулюбовь – жило во мне целых двадцать лет, и теперь

победа на моей стороне».

Отчаяние овладело Кларой, когда она выходила из квартиры банкира. Она вынесла так много в эти два дня, что ее ум потерял способность взвесить всю тяжесть ее несчастья. Она шла бессознательно к своему опустелому дому, когда ее имя, произнесенное внезапно чьим-то незнакомым голосом, заставило ее очнуться. Она увидела молодого человека с мужественным, открытым и сильно загорелым лицом, который смотрел на нее с глубоким участием.

– Вы ли это, милая мистрисс Вестфорд? – воскликнул незнакомец. – Я не думал встретить вас на лондонских улицах.

Клара взглянула на него с удивлением: это смуглое лицо было ей незнакомо, но она помнила этот голос и, посмотрев пристально в глаза незнакомца, воскликнула с невольным ужасом:

– О Жильбер Торнлей, вы ли это, Жильбер?!

– Это я, мистрисс Вестфорд, – я спасся дивным образом во время кораблекрушения, прошел все ужасы странствования по бесплодным странам африканского берега и снова очутился в родной моей Англии, увидел всех прежних друзей. Я не уверяю вас, Что рад видеть вас, вы это знаете, но мне тяжело встретить вас бледной и грустной, и в траурном платье. По ком этот траур? Неужели Виолетта...

– О нет, она жива! – отвечала Клара.

– Но ведь с вами что-то случилось? Несчастье написано на вашем лице: вы больны, мистрисс Вестфорд?

– Конечно, я больна, я потеряла память всего происшедшего; да вот даже и вы, которого я давно считала умершим, являетесь вдруг живым и невредимым. Так вы не погибли при крушении «Лили Кин»?

– Нет, я и трое из наших матросов доплыли до берега – все другие пошли на дно с кораблем.

– А мой муж, мистер Гарлей? Я знаю его мужество: он не захотел оставить корабль?!

Торнлей взглянул на мистрисс Вестфорд с глубоким изумлением.

– Я вас не понимаю, – сказал он ей. – Капитана не было с нами при крушении корабля, мы вышли в море одни, без него.

– Он не отправился с вами на «Лили Кин»? – повторила она.

– Нет, он передал мне команду над ней и нужные инструкции и уехал на берег. Вы и теперь встретили меня на дороге в Винчестер, откуда я хотел проехать в Вестфорд-хауз.

– О, Жильбер! – воскликнула Клара. – Я сойду с ума: вы утверждаете, что мой муж не был с вами, однако я ношу этот траур по нем, потому что с того дня, как он с нами простился, чтобы ехать в Китай, мы с ним не виделись.

– Во всем этом кроется страшная тайна! – воскликнул

Торнлей. – С капитаном случилось большое несчастье!

– Да, потому что одна только смерть могла разлучить Гарлея с его семейством, – сказала Клара с глухим стоном.

Моряк подал ей руку, и она бессознательно оперлась на нее; он отвел ее в одну из менее людных улиц, чтобы поговорить о прошлом. Ему удалось немного успокоить ее; потом он рассказал ей со всевозможной точностью все, что случилось в день, предшествовавший выходу «Лили Кин» в море, не забыл и о настойчивом решении капитана получить от банкира свои деньги обратно.

Этот рассказ пробудил в мистрисс Вестфорд мрачное подозрение и вызвал страшный призрак, становившийся не раз между ею и счастьем, – образ Руперта Гудвина, ее заклятого врага. Страшная догадка осенила ее: она больше не сомневалась, что это Гудвин убил ее мужа.

– Мои тяжелые предчувствия в утро нашей разлуки не обманули меня: мы разлучились с ним действительно навеки, – сказала она.

– Будем надеяться, что он не погиб, – утешал ее Торнлей, хотя и сознавал, что эта надежда несбыточна.

– Скажите мне только, – перебила Клара, – действительно ли вы знаете, что муж мой вручил деньги Гудвину, а не брал их у него в долг.

– Знаю, – отвечал с уверенностью Торнлей.

– В таком случае, акт, отнявший у нас все наше состояние – подложный.

Клара старалась объяснить молодому человеку как можно подробнее, как банкир овладел Вестфордхаузским поместьем, но мысль о погибшем муже беспрестанно отвлекала ее от этого события.

– Он убит, Жильбер, внутренний голос говорит мне, что он пал от руки Руперта Гудвина, – сказала она.

– Это невозможно, мистрисс Вестфорд, – возразил Торнлей. – Гудвин занимает слишком высокое положение в свете, чтобы решиться на подобный проступок.

– А я вас уверяю, что он способен на всякое преступное дело, я давно его знаю.

Но моряк не верил в такую глубокую нравственную испорченность.

– Как знать, что с вашим мужем не случилось несчастья до его приезда в контору банкира, – заметил он Кларе.

– Так это несчастье дошло бы непременно до нашего сведения, – возразила она. – Жильбер, вы были преданы моему мужу?

– Да, я любил его, как отца.

– Так докажите мне искренность этой преданности, помогите мне открыть всю эту тайну.

– Я весь к вашим услугам и не пощажу себя, чтобы заплатить капитану этот долг благодарности.

– Так приступим же немедленно к делу, Жильбер.

– Мне кажется, что вам следует прежде всего убедиться, был ли капитан у мистера Гудвина, а мы это узнаем без вся-

кого труда от его приказчика, – заметил Жильбер.

– Я не доверяю этому человеку, но это не мешает нам отправиться к нему.

Нетерпение Торнлея почти равнялось нетерпению Клары; оба они скоро явились в контору банкирского дома.

Старик странной наружности сидел за конторкой, склонившись над книгами огромного размера. Он окинул равнодушным взглядом Торнлея, но когда этот взгляд перешел на Клару, на лице его изобразилось живое волнение. Старик этот был Яков Даниельсон.

– Мне необходимо задать вам несколько вопросов по поводу события, случившегося в прошлом году, – начал моряк. – В состоянии ли вы припомнить все дела, совершившиеся в вашей конторе в июне того года?

– Быть может, и припомню, но, скажите мне, в чем заключается ваше...

– Капитан Гарлей Вестфорд вручил господину банкиру в вышесказанном месяце 20 тысяч фунтов под сохранение, помните ли вы это?

– Да.

– Он в тот же самый день возвратился к банкиру, чтобы взять от него свои деньги обратно.

– Это было так, как вы говорите; но только, не застав банкира на Ломбард-стритс, он отправился к нему в Вильмингдонгаль: я сам был еще там, когда он приехал.

– И он от него требовал свои деньги обратно?

– Да, он требовал их.

– И банкир возвратил ему эти деньги?

– Я слышал, по крайней мере от мистера Гудвина, что он это сделал. Я отправился с дачи в 10 часов, чтобы поехать на поезд в Лондон, но опоздал и возвратился на дачу, но не застал уже капитана. Он, по словам мистера Гудвина, спешил на корабль, который должен был с рассветом отправиться в море.

– Корабль этот действительно вышел в море с рассветом, но капитан не прибыл на него и пропал без вести с того самого вечера.

– Странно! – проговорил задумчиво приказчик.

– Да, поистине странно! – подтвердил Жильбер. – И это обстоятельство невольно вызывает большие подозрения. Я не хотел бы быть на месте мистера Гудвина. Капитана видели в последний раз в его доме, и он доверил ему все свое состояние. Из этого, естественно, возникают вопросы: во-первых, были ли деньги возвращены по требованию? И, во-вторых, вышел ли капитан здоров и невредим из Вильмингтонгалля?

Даниельсон посмотрел на моряка очень странно.

– Ба! – сказал он. – Так вы считаете мистера Гудвина способным на убийство из-за ничтожной суммы в 20 тысяч фунтов? Мистер Гудвин владеет миллионами, и то, что может казаться капитану громадным состоянием, для него только безделица.

– Быть может, мистер Гудвин стал теперь миллионером, – возразил Торнлей, – но он не был им в июне прошлого года, и все в один голос предвещали ему близкое банкротство.

– Слухи вечно лгут, – сказал Даниельсон. – Вы очень опрометчивы, молодой человек; ищите вашего капитана, где хотите, нас никто не заставит отвечать за него.

– Очень может быть, – отвечал Жильбер, – но высшие власти могут задать и вам, и вашему начальнику вопросы о странном совпадении гибели капитана с его пребыванием в Вильмингдонгалле. Я считаю теперь моей первой обязанностью передать это дело полицейскому расследованию; ее дело дознаться: вышел ли капитан из дома банкира или остался в нем.

– Почему же и нет, – возразил хладнокровно приказчик, – полиция мастерски раскрывает все тайны, но ведь ее расследования не всегда удачны. Прощайте! Однако, несмотря на ваши обидные намеки, мне было бы приятно служить вам, чем могу; если бы мне пришлось услышать что-нибудь, что могло скорее навести вас на след, я бы безотлагательно сообщил вам это. Скажите мне только, на чье имя адресовать письмо?

– Вы можете адресовать его на мое имя – мистрисс Гарлей Вестфорд, – сказала Клара.

Звук этого голоса заставил содрогнуться Даниельсона, но ни Клара, ни Торнлей не заметили этого. По выходе из банкирской конторы мистрисс Вестфорд отправилась

к себе, а Торнлей поехал уведомить полицию об этом деле.

Дома Клара немедленно написала Лионелю о возвращении Торнлея и о таинственном исчезновении мужа и убеждала его употребить все силы, чтобы раскрыть это, тем более что он и жил теперь вблизи Вильмингдонгалля.

Когда это письмо было сдано на почту, Кларе стало спокойнее. Она села у окна и погрузилась в раздумья о странном переплетении настоящих событий с событиями прошлого. «Нет, – думала она, – рука Провидения удерживала меня от падения в бездну. Я бы пожертвовала моим вечным блаженством, чтобы сдержать слово, данное Руперту Гудвину, который разрушил все мое земное счастье, но я освобождаю себя от него, потому что этот человек – убийца моего мужа».

Эстер Вобер думать забыла о Виолетте, поскольку ее интрига против нее увенчалась успехом. Прекрасная соперница не стесняла ее более своим присутствием. Мистер Мальтраверс был в большом затруднении и поневоле должен был уступить блистательной Эстер роль, которую назначил Виолетте. Эстер была плохая актриса, но производила на сцене большой эффект, а эта роль давала ей возможность еще и блеснуть всеми бриллиантами, которые ей подарил богатый герцог Гарлингфорд. Ярко-зеленое бархатное платье увеличивало белизну ее плеч, ее черные волосы были заплетены в роскошные косы, перевитые нитками сияющих бриллиантов.

Эстер рассорилась со своим обожателем лордом Гарлингфордом и выгнала его с королевской гордостью из своего дома. В продолжение нескольких недель ему постоянно говорили, что мисс Вобер нет дома или что она занята. Все эти препятствия разожгли его страсть. Он имел от директора разрешение входить в театральное фойе, когда ему угодно, но это позволение не привело ни к каким результатам. Эстер окончательно не обращала на него внимания и не отвечала на его вопросы. Он уж потерял надежду снова сблизиться с ней, когда в один вечер заметил сверх ожидания ее приветливую улыбку, и едва только занавес опустился, отправился

в фойе, где нашел ее в окружении веселой толпы молодежи.

Эстер Вобер сидела, обмахиваясь веером и, увидев герцога, пригласила его сесть возле нее.

– Будем опять друзьями, – сказала она, протянув ему хорошенькую ручку, – мне надоела ваша печальная мина, и я прощаю вас.

– Моя милая Эстер, – начал молодой человек.

– Пойдите, – перебила она повелительно, – я прощаю вас, но только с условием – вы должны исполнить одно мое желание.

– Да разве были желания, которые я не хотел бы исполнить?

– Нет, конечно, – отвечала надменно Эстер, – когда исполнение зависело от вас, а я сама не знаю, в вашей ли воле исполнить настоящее.

– Если оно по-человечески возможно, то я ручаюсь, что исполню его.

– Дело, в сущности, очень простое, – сказала Эстер. – Надобно только обделать его с толком. Вы знаете, как я люблю верховую езду и с каким нетерпением жду времени охоты. На днях капитан Гардинг сказал мне об одной великолепной лошади, которая должна была продаваться на следующий день в Татерфалле. Весь порок ее заключается в ее страшном упрямстве – у нее и имя дьявольское. Я не сказала ни полслова Гардингу, несмотря на то, что твердо решила приобрести эту лошадь во что бы то ни стало. Мой ко-

ных отправился на следующий день, но этот гнусный Гардинг соврал мне относительно часа продажи, и лошадь была уже продана за 700 гиней. Можете судить о моей досаде.

– Досадно, конечно, – отвечал герцог, – но если лошадь действительно так своенравна, то не стоит об этом сожалеть.

– Своенравна! – воскликнула с презрением Эстер. – Да разве я побоялась бы ее своенравия? Я люблю скакать на диких лошадях и покорять их своей воле. Вам бы пора знать, что если я задумала какое-нибудь дело, так и исполню его обязательно, а вам остается только достать мне эту лошадь.

– Но ведь вы сказали, что она продана?

– Да, но ее можно купить у того, кто ее приобрел; покупатель, конечно, не станет отказываться от барыша.

– Это будет зависеть от характера того, кто ее купил. Кто он такой?

– Лорд Ботвель Валлас.

– В таком случае это безвыигрышное дело: лорд не расстанется с лошадью, если она ему понравилась.

Эстер взглянула на герцога с гневным презрением.

– Хорошо, – сказала она. – Теперь я понимаю, как ничтожна ваша любовь ко мне, если вы не хотите исполнить даже такого пустякового желания.

– Милая Эстер, я готов сделать все, что от меня зависит, но лорд Валлас богат и вряд ли польстится на крупный барыш. Впрочем, попробую, авось и удастся.

– А до тех пор не являйтесь ко мне на глаза.

На другое же утро герцог написал Валласу и предложил ему за лошадь 1000 фунтов, упомянув, что он ее торгует для одной дамы. Ответ был далеко не так не благоприятен, как думал герцог. Лорд Валлас писал:

«Любезный Гарлингфорд!

Я с радостью уступил бы вам за свою цену эту дьявольскую лошадь, но не могу этого сделать, узнав, что вы ее торгуете для дамской езды. Я и мой грум уже убедились, что нрав этой лошади неукротим в такой степени, что я отправил ее обратно в Татерфалл с приказанием продать за любую цену.

К Вашим услугам Валлас».

Гарлингфорд вообразил, что Эстер по прочтении подобной записки откажется от лошади, которую не смог обуздать даже такой ездок, каким был Валлас, но Эстер гневно смяла записку и потребовала, чтобы Гарлингфорд доставил ей удовольствие победить Sabot du Diable. Письмо было отправлено, и лорд Валлас опять не замедлил с ответом следующего содержания:

«Любезный Гарлингфорд!

Если ваша знакомая домогается гибели, то ее домогательство легко осуществится при первой же поездке на этом дьяволе. Для обуздания необходима буквально железная рука и упрямство, равное упрямству этого проклятого животного.

Валлас».

Но Эстер была не такова, чтобы принять во внимание слова лорда Валласа и увещевания герцога. И хотя последний по-всякому отговаривал ее от исполнения безумной прихоти, на следующее утро эта лошадь красовалась в ее конюшне.

Со дня своего ночного путешествия Лионель находился в каком-то лихорадочно-тревожном состоянии. Он избегал встречи с Юлией Гудвин: мысль упорно влекла его к кровавым свидетелям неведомой драмы, к забытой перчатке и клочку сукна, найденным им в погребке. Противоположные чувства терзали Лионеля: он ясно понимал, что попал на след страшного преступления и обязан довести его до сведения полиции: но когда он думал, что этот преступник – отец его Юлии, он старался уверить себя, что его подозрения ни на чем не основаны, что он не вправе обвинять Гудвина в подобном преступлении. Какая причина могла заставить банкира убить человека? Но как ни убеждал он себя верить в невиновность банкира, внутренний голос говорил ему, что это преступление было совершено, и он не вправе медлить и покрывать преступника, чтобы только не разрушить спокойствия Юлии. Трудна и продолжительна была эта борьба между долгом и чувством, но Лионель вышел из нее победителем и тотчас же решился отправиться в Лондон, чтобы объявить полиции о своих подозрениях.

Собравшись в путь, Лионель присел к столу, чтобы написать несколько строк Юлии Гудвин. Он не мог придумать ничего другого, как только то, что дела, не терпящие отлагательства, заставляют его уехать из Вильмингдонгалля,

не окончив работы, и что он признателен ей как нельзя более за ее доброе внимание к нему. Но эти простые слова дались Лионелю нелегко. Он понимал, что предстоящее ему дело навлечет несчастье и отчаяние на судьбу так горячо им любимого существа. Письмо его вышло сухим и холодным, да он и боялся проявить в нем чувство.

Отправив письмо, он привел в порядок все рисунки и уложил свои вещи. Он хотел уйти не замеченным никем из домашних, а тем более Юлией, от которой он не смог бы скрыть своих чувств. Он спустился вниз и вышел на поляну. Окна в жилых комнатах были открыты, и он слышал, как Юлия аккомпанировала себе на гитаре. Ему был знаком напев этой песни: он не раз его слышал под окнами Юлии. Ее чистый и мелодичный голос пробудил в Лионеле глубокую грусть. Он расставался с ней, быть может, навсегда, а если и встретится когда-нибудь, то она будет смотреть на него, как на заклятого врага. Им овладело живое желание увидеть еще раз ее дорогие, прекрасные черты, и он тихо пробрался в такое место, откуда мог увидеть ее, будучи не замеченным ею.

Юлия Гудвин была погружена в печальное раздумье: грусть светилась в ее черных глазах, а в голосе слышалось волнение, между тем как ее маленькая изящная ручка быстро перебегала по струнам гитары.

Как ни тяжело было Лионелю, но он любовался Юлией только несколько секунд – из боязни, чтобы она его не увидела. Он быстро направился к Гертфорту, но прежде чем сесть

в вагон, ему пришло на ум узнать: нет ли на станции письма от матери. Предчувствие его не обмануло, только адрес был написан дрожащей рукой. Это письмо, в котором Клара уведомляла его о последних событиях, потрясло Лионеля до глубины души. Его бледное, встревоженное лицо невольно бросалось в глаза проходящим. Не его ли отец пал от руки Гудвина, и эта кровь на полу погребца – не кровь ли его отца?

Лионель терялся относительно способов разьяснения этой тайны: объявить ли полиции о своих подозрениях или удостовериться сперва в Вильмингдонгалле, был ли человек, которого банкир водил в северный флигель, его отец? Он решил на последнее, надеясь, что одно обстоятельство разьяснит ему, может быть, это дело.

Солнце садилось, когда Лионель вошел в широкую аллею, ведущую в вильмингдонгалльский дом. Он брел, погружившись в созерцание медальона, в котором были прядь волос матери и миниатюрный портрет отца. Лионель пошел этой аллеей, чтобы его никто не заметил, до сараев, где он большей частью заставал Калеба, предпочитавшего это место всем прочим местам уже потому, что здесь никто ему не мешал говорить вслух с самим собой. Кaleb и на этот раз был тут; он сидел в глубоком раздумье, подперев голову руками. Услышав шаги, старик приподнял голову и, увидав молодого человека, улыбнулся привычной, бессмысленной улыбкой.

– Ага! Посторонний, – пробормотал он, – молодой гос-

подин, который любит беседовать со мной, стариком. Но я вас не боюсь, вы ведь не расскажете никому моей тайны, вы не потребуете, чтобы я донес на моего барина, я ведь уже так долго живу в этом доме, с самого детства, я не хочу вести на виселицу Руперта Гудвина – это было бы ужасно, вы это понимаете.

Лионель уселся возле старика и старался по возможности его успокоить.

– Вильдред, – сказал он, – мне нужно поговорить с вами о весьма важном деле. Взгляните на этот портрет и скажите мне, видели ли вы когда-нибудь этого человека?

Глаза Калеба долго смотрели с выражением безумия на медальон, который держал перед ним молодой человек, потом это выражение неожиданно сменилось другим, и губы старика судорожно передернулись.

– Боже! – воскликнул он. – Наконец эта ужасная тайна открылась. Где вы достали этот портрет?

– Не заботьтесь об этом, а только скажите мне, знавали ли вы такое лицо?

– Знавал ли я его, – сказал старый садовник. – Оно меня преследует и днем, к ночью; когда я смотрю в воду, оно выглядывает из глубины – такое же улыбающееся, как и в тот вечер; в потемках я опять вижу его; оно везде гоняется за мной и мучает меня за то, что я не решаюсь раскрыть мою тайну, тайну преступления моего господина. Спрячьте это лицо, если вы не хотите свести меня с ума. Это лицо того

самого человека, которого убили в северном флигеле.

Лионель испустил пронзительный вопль и упал без чувств на землю. Когда он опомнился, то Калеба уже не было. Густые тучи облегли все небо, он чувствовал какой-то странный холод во всем теле, голова была тяжела, но воспоминание обо всем происшедшем представляло ему с неуловимой ясностью образ убитого отца. Он хотел приподняться, но долго не мог сделать это. «Неужели, – думал он, – я заболею теперь, когда я так сильно нуждаюсь в здоровье, чтобы отомстить за отца?» Парадная дверь в замок запиралась довольно поздно, и Лионель воспользовался этим, чтобы войти в свою комнату. В ней не было огня, но Лионель мог еще рассмотреть, что письмо его к Юлии уже взято со стола; он вошел шатаясь в смежную комнату и упал на постель. Силы совершенно ему изменили; в глазах его прыгали какие-то странные лучистые призраки, в ушах звенело, образ его отца постепенно исчез из его сознания.

Вечером, когда лакей вошел в комнату Лионеля Вестфорда, чтобы спустить шторы, он удивился, увидев его на постели. Несколько часов тому назад, когда он входил в комнату, чтобы накрыть на стол, он нашел ее пустой, а на столе лежало письмо на имя мисс Юлии Гудвин, которое он отнес госпоже своей, и от нее услышал, что мистер Вильтон оставил замок на неопределенное время. Теперь же он лежал в постели, совершенно одетый, со спутанными и влажными от росы волосами. Что молодой человек мог заболеть, этого он и не воображал; он думал, что Лионель слишком подкутил и, возвратясь домой не в своем виде, бросился одетый на кровать. Он сошел вниз, чтобы объявить госпоже о случившемся. Юлия Гудвин сидела в гостиной не одна. С ней была дама пожилых лет по имени мистрисс Мельвиль – совершенный образец приличия, которую мистер Гудвин нанял в компаньонки своей дочери. Вдова бедного офицера, она была вполне счастлива, что могла спокойно проводить жизнь в Вильмингдонгалле, окруженная всевозможным комфортом. Со дня приезда Лионеля она строго наблюдала за Юлией и нисколько не одобряла видимого ее расположения к молодому художнику.

Лакей вошел в комнату и объявил о возвращении мистера Вильтона. Мистрисс Мельвиль не могла скрыть своего него-

дования.

– Он возвратился! – воскликнула она. – Тогда как несколько часов тому назад письменно известил мисс Гудвин о своем отъезде. Что вы на это скажете, милая Юлия?

– Может быть, его поведение объясняется особенной, неизвестной причиной, мистрисс Мельвиль, – ответила Юлия.

– Но, милая Юлия, возвратиться таким образом и в полной одежде броситься на постель точно пьяный! Это уже слишком!

– Я тоже думаю, – осмелился заметить слуга, – что мистер Вильтон подвыпил и, будучи не в силах дойти до станции, возвратился сюда, чтобы выспаться.

– И пьяный осмеливается переступить через порог этого дома! – воскликнула мистрисс Мельвиль. – Сейчас же отправляйтесь за мистрисс Бексон, Томас, и скажите ей, чтобы она шла к мистеру Вильтону и объявила ему, чтобы он немедленно оставил замок. Мы не можем позволить, чтобы пьяный осквернял его своим присутствием.

– Стойте, мистрисс Мельвиль, – сказала Юлия. – Мы ведь еще не знаем, в самом ли деле мистер Вильтон не в своем виде – насколько я его знаю, это почти невероятно. Но как бы то ни было, сегодня же он не может оставить замок; он, может быть, и болен. Завтра мы потребуем объяснения и, если я не ошибаюсь в нем, то мистер Вильтон сумеет оправдаться.

– Милая Юлия, я никак не могу позволить, чтобы особа

не в своем виде...

– Дом этот принадлежит моему отцу, и я думаю, что мне скорее придется распорядиться в нем. Вы можете уйти, Томас, – обратилась Юлия к лакею, стоявшему близ дверей и ожидающему конца этого спора.

Насчет возвращения Лионеля не было более сказано ни слова, и в продолжение всего вечера обе дамы почти не разговаривали. Юлия прилежно вышивала на пяльцах, но наблюдающая за ней мистрисс Мельвиль заметила ее необыкновенную бледность. «Глупая девушка влюбилась в молодого художника, – думала вдова. – Как только приедет мистер Гудвин, я скажу ему, что здесь происходит».

На следующее утро, когда обе дамы завтракали в столовой, к ним с почтительным поклоном вошла мистрисс Бексон.

– Сожалею, – сказала она, – что должна огорчить вас дурными известиями, ибо болезнь всегда неприятна. Хотя, слава Богу, все принадлежащие к семейству здоровы, но страдает благородный молодой человек, который, без сомнения, прежде видел лучшие дни, что, впрочем, не дает ему права роптать на судьбу, и я вполне уверена, что вы, мисс Гудвин, и вы, мистрисс Мельвиль...

Бледная, дрожащая, не в состоянии скрыть сильного волнения, Юлия вскочила.

– Ради Бога, Бексон, говорите, что случилось? – прервала она длинную несвязную речь ключницы. – Кто заболел?

– Мистер Вильтон, – ответила старуха. – Я никогда еще не видела человека в такой сильной горячке.

– Послали ли вы за доктором? – по-видимому, спокойно спросила она.

– Как же! Один из наших конюхов отправился верхом в Гертфорд, но все-таки пройдет с полдня, пока приедет доктор; между тем я приказала Томасу уложить больного в постель и прикладывать ему холодные компрессы к голове.

– Так он очень болен? – спросила Юлия.

– О да, очень. Когда в это утро Томас вошел в комнату мистера Вильтона, он нашел его сидящим у открытого окна и дрожащим от холода, хотя он уже был в горячечном состоянии. Но страннее всего то, что он в бреду постоянно говорит об измене и убийстве: точь-в-точь, как наш бедный Калб со времени своей болезни.

– Странно! – пробормотала Юлия. Дрожь пробежала по телу молодой девушки при мысли, что уже во второй раз человек, до того совершенно здоровый, внезапно заболевает, и что болезнь эта доводит его почти до безумия, вызывая в нем те же мрачные идеи. – Невольно поверишь в историю о привидениях, которую рассказывает прислуга о пустых покоех северного флигеля, – прибавила она.

То было печальное утро для Юлии; она прохаживалась из одной комнаты в другую, чтобы рассеяться, но мысли о молодом художнике не покидали ее. Он болен и может быть в опасности. Теперь только поняла она, что этот чело-

век, которому она сначала покровительствовала из сострадания, стал для нее дороже всего в мире. Она поникла головой, и счастливая улыбка озарила лицо ее, как будто добрая фея нашептывала ей: «Ах, Юлия, ты очень хорошо знаешь, что и он тебя любит!» Но она вспомнила, что он болен, может умереть, и сердце ее наполнилось невыразимым страхом. Она бросила в сторону книгу и вышла на площадку. Бессознательно она несколько раз посмотрела на окна комнаты, в которой Левис Вильтон лежал в горячке – но шторы были опущены, и глубокая тишина, казалось, царствовала в ней. Между тем и мистрисс Мельвиль вышла из замка и присоединилась к Юлии. Хотя присутствие ее было крайне неприятно для молодой девушки, но она принуждена была терпеть его и должна была слушать болтовню своей докучливой компаньонки, тогда как мысли ее были заняты совсем другим. Заметив подъезжающего доктора, Юлия бросилась к нему навстречу.

– Любезный мистер Грангер, – сказала она, – я попрошу вас сказать мне всю правду насчет состояния больного, которого вы сейчас навестите. Если он в опасности, то я немедленно уведомяю моего отца.

Доктор, обещав исполнить ее просьбу, вошел в дом, а Юлия осталась с мистрисс Мельвиль ожидать его возвращения. Страшная неизвестность мучила ее до возвращения врача. Он недолго пробыл у больного, но бедной девушке это короткое время казалось бесконечным. Когда он наконец

вышел, то Юлия тотчас увидела по серьезному выражению лица, что старая ключница несколько не преувеличила опасного состояния больного.

– Он очень болен? – спросила она.

– Да, к сожалению, должен сказать вам, что состояние его болезни опасно. Здесь, кажется, двойное страдание. Сильная горячка вследствие жестокой простуды и потрясение мозга, происшедшее от какого-либо сильного волнения. Бред его ужасен. Я думаю, не настрашали ли его слуги своими бессмысленными историями о здешних привидениях северного флигеля, ибо он только и говорит об убийстве, совершенном там, в погребках.

– Но это, однако, довольно странно? – возразила Юлия. – Мистер Вильтон слишком образован, чтобы поверить подобным рассказам.

– Образование не всегда истребляет суеверие.

– Так вы находите необходимым, чтобы я сообщила об этом моему отцу?

– Да, мисс Гудвин.

– Кто же теперь находится при больном?

– Мистрисс Бексон и Томас. При болезнях такого рода необходим серьезный присмотр, ибо часто случалось, что больные в бреду причиняли себе вред, бросались из окна или убивали себя.

Юлия побледнела при этих словах.

– Ради Бога! Мистер Грангер, – вскричала мистрисс Мель-

виль, – с мисс Юлией делается обморок, если вы дальше станете говорить о таких страшных вещах.

– Ах! Извините, – возразил доктор, – я совершенно забыл, что говорю не с коллегой, а с чувствительной молодой девушкой.

– Не в чем извиняться, – сказала Юлия. – Я просила вас сказать мне всю правду и благодарю вас, что вы исполнили мою просьбу. Теперь я тотчас напишу отцу.

Врач удалился, обещая навестить больного еще раз в этот же вечер. Юлия послала нарочного с известием в Гертфорд, откуда это известие по телеграфу отправили в Лондон. В тот же вечер мистер Гудвин вошел в комнату своей дочери.

– Что случилось, дитя мое? – сказал он. – Твой протеже болен воспалением мозга, и сама ты так расстроена. – Он обнял дочь свою и поцеловал ее.

Юлия рассказала ему все, что случилось, а также мнение доктора насчет больного.

– Но не странно ли это, папа? – сказала она. – Мистер Грангер говорит, что, должно быть, слуги напугали мистера Вильтона историями о северном флигеле, потому что он все бредит об убийстве, совершенном там, в погребах. Но что с тобой, папа?!

Восклицание Юлии не было лишено основания: лицо банкира было бледно и крупные капли пота выступили на лбу его. Он хотел отвечать, но язык как будто отказался служить ему. Наконец, после ужасных усилий, он заговорил:

– Ничего, дитя мое, это пройдет. Со мной был нервический припадок, которым я давно страдаю.

– Но припадок был так ужасен! Надобно посоветоваться с доктором.

– Нет, не стоит, – нетерпеливо сказал банкир. – Пойду навещу больного.

Он поспешно вышел из комнаты. Юлия смотрела ему вслед, удивленная его странным поведением.

– Не случилось ли в самом деле здесь в доме что-то ужасное? – подумала она. – И неужели каждый, кто сюда попадает, находится под каким-то таинственным влиянием?

Подойдя к дверям комнаты, в которой лежал Лионель Вестфорд, Руперт Гудвин на минуту остановился и положил руку на грудь, чтобы унять сильное биение сердца. «Человек этот знает мою тайну? – подумал он. – Но каким образом он мог открыть ее? Все двери северного флигеля замкнуты, и потому почти невозможно, чтобы он мог проникнуть в погреб его, он, которого все это не должно бы интересовать. Или...» Он не мог окончить мысли и, несмотря на свою бесчувственность, снова сильно задрожал. Он вошел в комнату. Томас сидел у окна и читал газету, а мистрисс Бексон расположилась в кресле у постели больного, который лежал лицом к входящему банкиру.

Голова больного была обернута разными повязками, закрывающими его густые темные волосы. Он беспрестанно мотал ею и бормотал что-то непонятное. Мистрисс Бексон почтительно встала и предложила кресло своему господину. Банкир сел.

– Больной все еще бредит? – сказал он голосом, ясно выказывающим его внутреннее волнение.

– О да, он очень болен, – ответили ему. – Несколько часов тому назад бред его был действительно страшен; но, наконец, он утомился и с тех пор лежит, как вы его видите: беспрестанно мотает головой и что-то бормочет.

– Что же говорит он в бреду? – спросил банкир и с таким спокойным лицом выслушал ответ, как будто оно у него было высечено из мрамора.

– Все то же, – ответила ключница, – все то же. Он говорит об убийстве и о кровавых пятнах на полу погребов северного флигеля.

– Не рассказала ли прислуга ему какую-нибудь глупую историю?

– Ах, нет, барин, этого быть не может. Говорят только, что в комнатах северного флигеля ходит привидение молодой девушки, умершей с горя по жениху своему, которого убили на войне; но об убийстве, случившемся там, в погребах, ничего не известно.

– Ба! – сказал банкир. – Какое кому дело до извращенных идей, которые приходят в голову горячечного? Молодой человек, должно быть, читал какой-нибудь роман, содержание которого смешивает в бреду с рассказанным ему о северном флигеле. Завтра он, без сомнения, будет иметь другие мысли. Но теперь, Бексон и Томас, вы можете уйти. Когда я шел сюда, внизу звонили к чаю; я пока посижу у больного.

– Вы очень добры, – ответила ключница, – но я боюсь...

В эту минуту Лионель открыл глаза и посмотрел прямо в лицо банкиру. Вытаращенные глаза его, налившиеся кровью, придавали взгляду что-то ужасное. «Руперт Гудвин, – произнес он тихо, но внятно, – Руперт Гудвин убийца...» Он остановился, тяжело вздохнул и потом воскликнул: «О,

это ужасно!.. Я не могу этому верить!»

– Не страшно ли слышать подобные вещи? – спросила ключница. – Час тому назад он говорил то же самое и постоянно вмешивал ваше имя в свои бредни.

– Нет ничего удивительного, – холодно сказал банкир. – Мало ли чего не наговорит человек в сильной горячке. Я часто встречал подобные случаи.

– Я тоже, – сказала мистрисс Бексон. – Когда в прошлом году, летом, в тот день, как сюда приезжал незнакомый господин и мистер Даниельсон был у вас, двоюродный брат мой Калев Вильдред заболел воспалением мозга, он в бреду говорил то же, что и этот молодой человек: о каком-то убийстве и о теле, покотившемся по лестнице в погреб северного флигеля.

Опять, как полчаса тому назад в комнате дочери, содрогнулась железная натура банкира, и холодный пот выступил у него на лбу.

– Калев Вильдред говорил это? – спросил он подавленно. – Где он, Бексон, где он? – Он вскочил, как будто желая немедленно отыскать старого садовника, но тотчас очнулся и опять сел у постели больного. – Ба! – хладнокровно произнес он. – Я сам почти поверил этим безумным словам, что в доме моем совершилось преступление. Идите теперь, я останусь здесь, пока вы будете пить чай.

Мистрисс Бексон поклонилась и вместе с Томасом вышла из комнаты, крайне удивленная необыкновенным поведени-

ем банкира.

Несколько минут Гудвин оставался недвижим на стуле, наблюдая бледное лицо больного и вслушиваясь в его бормотание. «Руперт Гудвин... убийца... кровавые пятна на лестнице... кровавое пятно в погребке... ужасно!» Все те же слова, все те же несвязные речи говорил молодой человек, а его налитые кровью глаза неподвижно смотрели вперед. Наконец банкир встал. Платье Лионеля висело на стуле рядом с кроватью, а на столе было положено все, что находилось в его карманах, как то: платок, связка ключей и несколько писем и бумаг. Гудвин подошел к столу и стал рассматривать лежащие на нем вещи. Рука его ощупала что-то твердое под носовым платком – это был медальон на волосяной цепочке. Он открыл его и увидел простое мужское лицо, озабоченное доверчивой улыбкой: то было лицо честного капитана Гарлея Вестфорда – того человека, которого банкир убил в своем доме.

В первое мгновение Гудвин был ошеломлен: каким образом попал портрет Гарлея Вестфорда к молодому художнику? В надежде, что бумаги откроют ему что-нибудь, он начал рыться в них. Первое письмо, которое он развернул, сказало ему всю истину. Это было письмо, полученное Лионелем в Гертфорде от матери, в котором она писала ему о своей встрече с Торнлеем и о том, что отец его исчез таким странным образом. Гудвин упал на стоявший вблизи стул, судорожно сжав в руках зловещую бумагу. «Они нашли следы, – пробормотал он, и смертельный ужас стеснил его грудь. – Они нашли следы! Как избежать мне их?» Мрачно посмотрел он на бесчувственного больного. «Я должен продолжить начатое дело, – сказал он спокойнее, – мне не останется ничего другого». Он положил письмо в боковой карман своего сюртука и, закрыв лицо руками, задумался. Когда он опять поднял голову, его лицо выражало твердую решимость. «Сын его! – повторял он. – Сын его!.. Вот почему это поразительное сходство! Но каким образом открыл он тайну погребя? Впрочем, как бы то ни было, я не стану много думать об этом, я стану действовать. Они нашли следы, и только решительно действуя, я могу спастись. Бежать?.. Нет! Ни за что, пока остался хоть кусочек твердого дна в этом океане опасностей. Этот молодой человек и Ка-

леб каким бы то ни было путем открыли мою тайну, но они не поймали меня. До сих пор они говорили в бреду, я зажму им рты». Во время этих размышлений возвратилась ключница.

– Теперь вы опять можете занять ваше место у постели больного, – сказал он ей. – Я останусь в замке до тех пор, пока больной не будет вне опасности, я буду навещать больного. Кстати, вы останетесь здесь на всю ночь. Так приняли ли вы какие-нибудь меры, чтобы не уснуть?

– Да, я только что выпила чашку очень крепкого чая, а потом выпью еще одну.

– Вы бы лучше выпили кофе, это гораздо полезнее. Я пришлю вам кофе с моего стола.

– Если будете столь добры, я выпью.

Банкир пошел в столовую, где Юлия и компаньонка ожидали его к обеду. Закончив его, обе дамы вышли в соседнюю комнату, а Гудвин остался за столом, куда ему подали кофе. Он приказал принести еще одну чашку.

– Я хочу послать старой Бексон чашку кофе с моего стола, – объяснил он, – так как крепкий кофе лучше всякого средства отгоняет сон.

И когда лакей принес вторую чашку, Гудвин сказал, что сам отнесет кофе в комнату больного.

Лакей удивился, что гордый хозяин захотел собственноручно отнести кофе своей ключнице, но он не видел, как банкир после его ухода вынул из кармана жилета маленький пу-

зырек, наполненный темной жидкостью, и накапал несколько капель в одну из двух чашек. Пузырек со снотворным Гудвин взял из шкафа в своей спальне еще до обеда. Кофе был крепкий, и большое количество сахара, положенного в чашку, заглушало горечь лекарства. Банкир взял чашку и пошел в комнату больного.

– Вот, добрая Бексон, – сказал он, – выпейте этот кофе и, я уверен, вы не заснете.

Бедная женщина так устала, что до его прихода по нескольку раз опускала голову на грудь, но она всеми силами старалась казаться бодрой, когда приняла кофе из рук своего господина.

Гудвин оставил ее и пошел в свой кабинет, где в оклеенном железом ящике хранил ключи от покоев северного флигеля. Он открыл его. Ключи лежали на месте, и пыль, покрывшая их, доказывала, что их никто не трогал. Руперт никак не мог понять, как Лионель Вестфорд догадался о его преступлении. Он пошел в гостиную, где были его дочь и мистрисс Мельвиль. Юлия держала в руках открытую книгу, но не читала ее.

– Юлия, – сказал банкир, – я устал и очень огорчен болезнью молодого художника; я сейчас лягу в постель и советовал бы тебе сделать то же самое, так как этот печальный случай не менее расстроил твои нервы.

– Да, папа, я тоже скоро лягу, – ответила Юлия.

– Покойной ночи, дитя мое! – сказал банкир дочери, неж-

но поцеловал ее в лоб и вышел из комнаты.

Юлия, простившись с мистрисс Мельвиль, пошла в свою комнату. Но она не ложилась. Сняв свое шелковое платье, она накинула на плечи большой платок и села к открытому окну. Но холодный ночной воздух не освежил ее горячей головы. Теперь, когда она была одна, она могла предаться своим чувствам. Положив голову на подоконник, она горько заплакала. «Я люблю его, – бормотала она сквозь слезы, – и не могу облегчить его страданий, не смею даже узнать о его здоровье». Мысли о Лионеле не покидали ее. Она все думала о словах доктора, что больной может причинить себе вред, если за ним не присматривать. Невыразим был страх, который внушала ей эта мысль, и в ночной тиши он возрастал с каждой минутой. Часы били десять, одиннадцать, двенадцать, а Юлию мучили все те же мысли. Страшные картины рисовало ей воображение: сиделка не присмотрела за Лионелем, и он лежит в постели, весь в крови, с глубокой раной в груди. Наконец состояние ее сделалось невыносимым. «Эта неизвестность убивает меня! – подумала она. – Я хочу знать вопреки всем приличиям, хорошо ли за ним присматривают. Один взгляд в его комнату убедит меня во всем». Она тихо отворила дверь и вышла в коридор. Мрак и тишина царствовали в нем. Все в доме спали, кроме, без сомнения, старой Бексон, которая присматривала за больным. Юлия тихо подошла к комнате Лионеля, отворила дверь и заглянула в нее. Опасения ее были не напрасны: ключница крепко

спала в кресле, а другой прислуги в комнате не было. Больной, казалось, также спал. Он неподвижно лежал на постели лицом к двери, в которую вошла Юлия; с другой стороны кровати висели тяжелые, плотно затянутые занавеси. Юлия приблизилась, чтобы разбудить ключницу, но услышала шаги в коридоре. Первой мыслью ее было спрятаться, и так как ей не оставалось времени для раздумий, она последовала первому побуждению и встала за кровать, занавеси которой совершенно закрыли ее, оставив маленькую щель, в которую она могла видеть все, что происходило в комнате. Шаги приблизились, дверь отворилась, и в комнату вошел Руперт Гудвин. Юлию не удивило появление отца, напротив, ей показалось весьма естественным его беспокойство о молодом человеке. Она ожидала, что он немедленно разбудит мистрисс Бексон и упрекнет ее за то, что она так недобросовестно исполняет свою обязанность. Но каково было удивление девушки, когда она увидела, что он не обратил внимания на спящую ключницу, а сразу подошел к кровати больного и склонился над ним. Отец и дочь стояли друг против друга, и Юлия увидела выражение глубокой ненависти на его лице. Невольный ужас овладел ею. Гудвин держал в руках восковую свечу, свет которой озарял его мрачное лицо. Он поднес ее к больному и повел ею над его глазами – больной не проснулся. Он обернулся к ключнице и повторил над ней то же действие – результат был такой же. Юлия все больше и больше дивилась поведению отца. Гудвин подошел к столу, на ко-

тором стояло лекарство. Он взял одну из склянок, наполненную бесцветной жидкостью, вынул пробку и поднес ее к носу. Это было лекарство, которое больной должен был вскоре принять. Банкир вынул из кармана своего жилета пузырек с такой же бесцветной жидкостью, осторожно зубами вынул пробку, влил несколько капель в лекарство и поставил склянку на прежнее место. Посмотрев на больного с сатанинской улыбкой, он вышел из комнаты.

Цель, которая привела его сюда, была достигнута. Могла ли сомневаться Юлия в преступности этой цели? Она дрожала всем телом, и страшная боль пронзила ее сердце. Она искренне любила отца и теперь должна была сознаться, что он низкий преступник, совершающий в тиши ночи свои злодеяния. «Может ли это быть? – думала девушка, прижав руки ко лбу, как будто желая опомниться. – Не с ума ли я сошла, не снится ли это мне?.. Нет, к несчастью, это был не сон!» Лицо отца сказало ей более, чем все его действия: она прочла на нем смертельную ненависть. «О Боже! – думала Юлия. – Я слышала, что люди внезапно сходили с ума и совершали тогда преступления, может быть, и отец мой был в таком состоянии?» Она ухватилась за эту мысль, за эту последнюю надежду, она скорее хотела считать своего отца безумным, чем холодным и расчетливым злодеем. Она осторожно вышла из своего укрытия и подошла к столу. Она с трепетом посмотрела на ключницу, опасаясь разбудить ее, но старуха спала крепко. Юлия отыскала пустую

склянку, перелила в нее ядовитую жидкость и наполнила ту склянку водой. Взяв с собой отравленное лекарство, она тихо вышла из комнаты. Остаток ночи она так и просидела у окна в своей комнате, а утром она подошла к своей кровати, смяла подушки, чтобы горничная не заметила, что она не ложилась. Заперев склянку с ядом в ящик своего письменного стола, она начала одеваться.

– Не слыхала ли ты, Сусанна, – обратилась она совершенно спокойно к вошедшей горничной, – лучше ли нашему больному?

– Нет, мисс Гудвин, – ответила служанка, – он все в таком же состоянии. Бедная Бексон сегодня неутешна: она проспала всю ночь, а утром проснулась с головной болью. К счастью, больной был довольно спокоен, так что ничего особенного не приключилось.

Юлией овладел невольный ужас при мысли о том, какие могли быть последствия, если бы Провидение не защитило избранной банкиром жертвы. В девять часов Юлия сошла в столовую. Она была уверена, что не найдет в ней своего отца и что если он придет, то с явными признаками безумия; но, к ее удивлению, он сидел за накрытым столом со Священным Писанием в руках. Отравитель собирался читать Слово Божие собравшейся прислуге, как делал это всегда по утрам. Когда он начал читать, прислуга по его примеру встала на колени. Все внутри девушки возмутилось при виде этого ханжества; она подошла к окну и принялась смотреть

в сад, между тем как отец ее читал молитвы и просил благословения Неба для себя и для своего семейства. Окончив молитвы и обождав, пока выйдет прислуга, Гудвин подошел к дочери, все еще стоявшей у окна, и спросил ее:

– Отчего ты не присоединилась к нашим молитвам?

Юлия обернулась к нему и страшно посмотрела в бледное лицо отца.

– Я не могла молиться, – глухо сказала она, – не могла призывать благословения Неба ни на этот дом, ни на тебя...

Она внимательно смотрела на отца, а он, хотя и был бледен, еще мог скрывать все признаки своей нечистой совести.

– Почему, Юлия? – спросил он хладнокровно.

– О несчастный отец! Неужели ты не можешь угадать причины? – воскликнула она, не в силах больше скрывать свои чувства.

Банкир мрачно посмотрел на нее. Хотя он искренне любил свою дочь, но сносить упреки не хотел ни от нее, ни от кого-либо другого. Гордо и с презрением спросил он ее:

– Ты сошла с ума, Юлия? Откуда эти бредовые выдумки? Что значат эти высокопарные слова?

– О, папа, папа! Дай Бог, чтобы ты был прав! – воскликнула она в слезах и выбежала из столовой.

В своей комнате она бросилась на кровать и закрыла лицо руками. «Ужасно, ужасно! – бормотала она. – Презирать отца, которого так нежно любила! Но я не могу не презирать убийцу, который подкрадывается, чтобы убить спящего»

человека». Страх Юлии был безграничен. Чистое сердце ее могло только ненавидеть преступление, но она любила отца и с ужасом думала о грозящих ему опасностях. «Я должна удостовериться, – думала она, – какого рода эта жидкость, которую он влил в лекарство больного. Может быть, она совершенно безвредна. Какое бы это было утешение, какое счастье для меня в моих страданиях! Но я едва смею надеяться на такой благоприятный исход. Я никогда не забуду взгляда, которым сегодня отец посмотрел на меня: то был взгляд убийцы!»

Между тем как Юлия предавалась своему горестному размышлению, банкир, мучимый ужасным, дотоле неизвестным ему страхом, ходил взад и вперед по столовой. «Не подозревает ли она меня? – думал он. – Но этого не может быть. Невинная, любящая дочь не в состоянии подозревать отца своего!» Он припомнил все свои действия прошедшей ночи и снова убедился, что с его стороны промаха не было. Все заранее было рассчитано и исполнено в такое время, когда дочь его крепко спала в своей комнате. Она не могла узнать о его злодеянии. «Теперь мне все ясно, – думал он. – Она влюбилась в этого молодого человека, и он, назвав свое настоящее имя, рассказал ей о всех страданиях, которые я причинил его матери». Несколько успокоившись этой мыслью, Гудвин продолжал ходить по комнате, ожидая каждую минуту, что войдет слуга и объявит о смерти Лионеля Вестфорда. Но шел час за часом, и никто не являлся. Завтрак

стоял нетронутый, потому что банкир почти со страхом ждал смерти Лионеля, но он ждал напрасно. Наконец, не в состоянии больше переносить эту неизвестность, банкир пошел в комнату больного, где ожидал увидеть мертвеца на постели, окруженного таинственным мраком; но, к крайнему своему удивлению, он нашел Лионеля полусидящим на постели и пристально смотревшим на дверь. Окна в комнате были открыты, и свежий утренний воздух проникал в нее. Когда Руперт Гудвин вошел, глаза больного приняли страшное, дикое выражение, и он, указывая на банкира, воскликнул:

– Убийца отца моего! Руперт Гудвин, убийца отца моего!

Ключница сидела у постели. Она выпила чашку крепкого чая и немного оправилась от действия наркотического питья, которое накануне подал ей банкир, но у нее все еще болела голова.

Гудвин бросил беглый взгляд на стоявшие на столе склянки и увидел, что та, в которую он вливал яд, пуста.

– Кто подавал лекарство больному? – спросил он.

– Я, – отвечала ключница.

– И он его спокойно принял?

– О да! Несмотря на его ужасный бред, он еще ни разу не отказывался принимать лекарство.

– И ничего не было пролито?

– Ни капли.

Банкир внимательно посмотрел на ключницу и удостоверился, что она говорила правду. Следовательно, он мог быть

спокоен; у нее не было подозрения. Но как случилось, что яд не подействовал – этого он не мог объяснить себе. Он вышел из комнаты, не в силах слушать, как его обвиняли в убийстве. До сих пор эти обвинения слыли за бред больного; но как быть, если слуги поверят в этот бред и начнут обыск? При этой мысли в глазах Гудвина потемнело. Он чувствовал, что попал в сеть, которая медленно, но тем вернее над ним затягивалась и лишала его всякой возможности к бегству. «Отравление не удалось, – сказал он про себя, возвратись в свою комнату. – Я должен прибегнуть к другим средствам, менее опасным, но более верным. Я придумал план, способный так зажать рот молодому человеку, как будто бы он спал вечным сном».

В полдень приехал доктор навестить больного. Выйдя из его комнаты, он встретил Юлию, ожидавшую его на пороге своей комнаты, куда она и пригласила его войти. Маленький открытый ящичек с красками, палитра и несколько кистей на столе говорили о том, что она сейчас занималась рисованием. Между красками и кистями стояла маленькая склянка, наполненная бесцветной жидкостью.

– Здравствуйте, мистер Грангер! Что наш больной?

Эти слова Юлия произнесла так спокойно, что вопрос, казалось, был задан из одного только участия.

Врач пожал плечами.

– Не могу утверждать, что есть какая-нибудь перемена в нем, – ответил он, – ни к худшему, ни к лучшему. Случай очень странный, мисс Гудвин; больной морально страдает больше, нежели физически. Я хочу поговорить с вашим отцом и предложить ему просить совета еще другого врача, ибо должен сознаться, что этот случай превосходит всю мою опытность. Молодой человек помешался на одной идее.

– На какой именно?

– О, идея ужасная! Его постоянно занимает мысль об убийстве, в которое он в бреду все вмешивает, к несчастью, имя вашего отца. Само собой разумеется, что словам его нельзя придавать значения, однако случай очень стран-

ный! До свидания, мисс Гудвин!

– Одну минуту, мистер Грангер, – сказала Юлия. – Я бы хотела посоветоваться с вами насчет одной вещи.

– Я к вашим услугам.

– Это касается весьма незначительной вещи. Несколько недель тому назад, когда я была в Лондоне, мне предложили какую-то воду для раствора красок, имеющую свойство придавать им особенный блеск. Но продавец советовал мне обращаться с ней как можно осторожнее, так как она, по его словам, содержит в себе ядовитые части. Я так глупа, что после этого предостережения боюсь употреблять ее и хотела просить вас сказать мне, действительно ли она ядовитая.

Она подала известную нам скляночку доктору, который открыл ее и поднес к носу.

– Конечно, она ядовитая! – воскликнул он. – Эта жидкость содержит большое количество едкой кислоты. Такое средство не должно продаваться свободно, если бы оно и придавало особенную свежесть краскам, что, впрочем, невероятно.

Юлия побледнела, даже губы ее побелели.

– Она содержит кислоту? – спросила она.

– Безусловно, мисс Гудвин. Но вам нечего бояться: пока жидкость не коснется губ, она не опасна. Если желаете, я возьму эту воду домой, чтобы лучше исследовать ее.

– О нет, нет! – воскликнула Юлия, поспешно отняв у него склянку. – Не надо!

– Но я советую вам вылить эту жидкость.

Юлия подошла к окну и вылила ее.

– Спокойны ли вы теперь? – спросила она с принужденной улыбкой.

– Совершенно, – ответил доктор. – До свидания!

Он вышел из комнаты. Юлия бросилась на колени и подняла к небу глаза, полные слез. «О Боже!» – воскликнула она. – «Смилуйся надо мной! Теперь я все знаю. Отец мой – убийца! Бред больного, ужасные обвинения – все, все мне ясно теперь! Они относятся к ужасному происшествию, и, чтобы зажать рот обвинителю, отец мой хотел еще сделаться отравителем».

Прогнозы Эстер насчет погоды оправдались. Солнце сияло в полном блеске в тот день, в который она в первый раз собиралась ехать на дьявольской лошади. Обожатель ее в назначенный час явился к ней в гостиную, несмотря на опасения, которые внушала ему ее отвага.

– Эстер! – воскликнул герцог Гарлингфорд. – Вы обворожительно хороши!

– Такова я всегда, – весело рассмеялась она, – когда бываю в духе, что, впрочем, не часто случается. Едем в Ричмонд, там будем завтракать, Гарлингфорд. Ах, как я мечтаю про скакать галопом по тамошнему парку! Смотрите, уже десять минут как оседлана лошадь, – воскликнула она.

Герцог взглянул в окно. Лошадь стояла перед домом под присмотром конюха, который с большим трудом ее удерживал. То было действительно прекрасное животное, но такого рода, что мало бы нашлось женщин, которые пожелали ездить на нем.

– Нравится вам? – Эстер кивнула на лошадь.

– Нисколько, – ответил герцог и прибавил серьезно. – Эстер, я, кажется, имею некоторое право на вашу любовь. Вы знаете, что я для вас готов расторгнуть все узы, связывающие меня с моим семейством, отказаться от всех предубеждений моего звания, чтобы жениться на вас. Вы это

знаете, Эстер! Я не хвастаю своей любовью, не считаю ее достоинством, потому что не могу поступать иначе, я люблю вас вопреки всякому благоразумию. Никогда не отказывал я вам в ваших желаниях, но сегодня прошу вас – не ездите на этой лошади!

В голосе его было столько теплоты и искренности, что упрямое сердце смягчилось, но тотчас гордость ее взяла верх над всяким другим чувством, и, смеясь, она воскликнула:

– Любезный герцог, в жилах моих, должно быть, течет кровь воина, потому что для меня нет ничего ненавистнее всякой боязни. Я решила доказать, что опасения лорда Валласа неосновательны и смешны. Идемте, а то у моей лошадки исчезает всякое терпение.

Герцог молча повиновался. Дьяволенок вел себя так смиренно и послушно под новой своей владелицей, что опасения герцога насчет этого животного мало-помалу рассеивались. Эстер была в чрезвычайно веселом расположении духа и болтовней своей так заняла своего обожателя, что он совершенно забыл о своем страхе. Так они доехали до Ричмонда и остановились в богатой гостинице «К звезде». Безгранично вежливый слуга провел их в особенную комнату, и герцог заказал лучший завтрак и лучшие вина, которые могла только предложить эта знаменитая гостиница.

– Позаботьтесь о том, чтобы скорее подавали завтрак, – приказала Эстер слуге, снимая шляпку и перчатки. – Я не могу дожидаться, когда мы с вами поскачем по парку на-

перегонки, Гарлингфорд! Ведь теперь вы помирились с моей лошадкой?

– Я действительно думаю, что лорд Валлас преувеличил недостатки этого животного. Дай Бог, чтобы он был не прав.

Завтрак скоро подали, ибо герцог и его богатство достаточно были известны в гостинице. Повар вполне выказал свое искусство; да и шампанское было отличное – Эстер выпила несколько бокалов этого пенистого напитка.

– Пью за здоровье доброй лошади! – воскликнула она, высоко поднимая бокал.

Около четырех часов завтрак закончился.

– Никогда в жизни я не была так весела, как сегодня! – сказала Эстер, садясь на лошадь. – Идемте, Винцент, мы с вами поскачем по парку наперегонки.

В ту минуту как она приподняла свое платье, чтобы поставить ногу в стремя, герцог заметил маленькие шпоры у каблучков ее сапог.

– Надеюсь, Эстер, – сказал он с беспокойством, – вы не будете столь безрассудны, чтобы употреблять шпоры для такой лошади.

– А почему бы и нет, господин трус? – рассмеялась она.

– Потому что, если верить хотя бы одному слову лорда Валласа, шпоры могут взбесить лошадь. Умоляю вас, Эстер, будьте рассудительны.

– Ба! – воскликнула неисправимая девушка, пожимая плечами. – Слушая вас, подумаешь, что я не умею ездить

на лошади. Но вы забываете, что я была на охоте в графстве Лечестер и не уступала самым отважным ездокам. Вперед же, Винцент! Подо мной лошадь, которая с быстротой молнии понесет меня через горы и равнины.

Они стояли на обширной дерновой площадке, окруженной лесом. Дьяволенок гордо поднял голову и раздул ноздри при виде такого большого пространства и побежал мелкой рысью. Эстер, смеясь над страхом своего провожатого, начала громко кричать, как бывает на охоте, и вонзила шпоры в нежную кожу своей лошади. В ту же минуту оправдалось мнение лорда Валласа насчет этого животного, которое вихрем понеслось по площадке. Сначала Эстер весело смеялась над резвостью своей лошади и, оборачиваясь к отставшему герцогу, манила его кнутом следить за ней, но вдруг надменная девушка остановила порыв своей веселости – она увидела грозящую ей опасность. На небольшом расстоянии от нее на восемь футов от земли возвышалась железная решетка, отделяющая дерновую площадку от поля. По другую сторону решетки земля была каменистая и твердая. К этой, до сих пор не замеченной опасности неслась ее лошадь. Напрасно старалась Эстер остановить животное или направить его в другую сторону – лошадь закусила удила и держала крепко, как в железных клещах. Долетев до решетки, она перескочила было на другую сторону, но, повиснув на ней задними ногами, перекинулась и упала со своей наездницей на каменистую почву. Как ни подгонял герцог свою лошадь,

чтобы догнать Эстер, но догнал ее не раньше той минуты, когда она с лошастью упала на ту сторону решетки. При виде этой ужасной сцены он окаменел от страха. Поспешно привязав свою лошадь к решетке, он перелез через нее; конюх, не отстававший от него, сделал то же самое. Они стащили лошадь с лежавшей под ней несчастной наездницы. Животное сломало плечо.

– Уведи с глаз моих эту проклятую бестию и пусти ей пулю в лоб, – закричал герцог конюху, а сам опустился на колени подле Эстер. Она лежала распростертая на земле, лицом к небу. Красота ее не пострадала: на красивом теле ее не было никаких признаков повреждения. Бледное лицо с длинными опущенными ресницами было так спокойно и неподвижно, как лицо статуи. Через какое-то время она медленно открыла глаза и взглянула на герцога.

– Эстер! – воскликнул он в порыве дикой радости. – Вы живы! Слава Богу, слава Богу! – Он закрыл лицо руками и зарыдал. Эта внезапная перемена его ощущений сильнее подействовала на него, чем перенесенный им недавно мучительный страх.

– Но кто же говорил вам, что я умерла? – спросила Эстер. – Никогда в жизни я не видела такого человека, который из-за безделицы так мог беспокоиться. Лошадь сбросила меня, вот и все. Сознаюсь, что вы вместе с другом вашим были правы и я справедливо наказана за свое упрямство. Я, должно быть, была без памяти?

– Да, но недолго. Ах, Эстер, как я страдал; я думал, что вы умерли!

– Умерла! Я даже не повредила. Только внутри все как будто окаменело, и я ничего не чувствую.

Герцог бережно поднял Эстер и передал ее в руки конюха, потом сел на лошадь, осторожно принял Эстер от слуги, положил перед собой на седло и поехал тихим шагом.

– Мы скоро встретим карету, – сказал он, – в ней удобнее поместить вас.

Эстер была очень бледна; прежний блеск ее черных глаз исчез, и она теперь с беспокойством смотрела на герцога.

– По вашему мнению, Винцент, – сказала она, – повреждение опасно? Я не чувствую никакой боли, но это окаменение во всем теле странно. Кажется, всякое чувство оставило меня – от головы до ног. Что, если оно никогда не возвратится?

Страх снова овладел герцогом, он побледнел.

– Я припоминаю, – продолжала она, наблюдая за выражением лица герцога, – что как-то раз на охоте около Лейчестера лошадь сбросила охотника. Сначала казалось, что он вовсе не поврежден; состояние его было подобно моему, он не мог пошевелить ни одним членом, но впоследствии оказалось, что у него сломан позвоночник, и он умер в тот же день. Винцент, как вы думаете, я умру?

– Умрете?! – удивился герцог. – Когда я держу вас в своих объятиях и вы так смотрите мне в глаза?! Пустяки, Эстер! Неужели ваша гордость мужественной девушки так ско-

ро исчезла?

– Да, Винцент, она исчезла и никогда не возвратится. Она была не лучшим моим качеством и побуждала меня ко многим дурным делам. Дай Бог, чтобы я не умерла, – тихо и торжественно прибавила она, – потому что я не приготовилась к смерти.

– Вы не умрете! – отчаянно воскликнул герцог. – Можете ли вы говорить о смерти, когда знаете, что я отдам все свое имущество до последнего пенни, чтобы спасти вас. Знаменитейшие врачи Лондона будут призваны, и наука сотворит чудо, чтобы спасти вас. Правой рукой он прижал ее к груди, между тем как левой управлял лошадей.

В это время послышался стук кареты, герцог оглянулся и увидел подъезжавшую одноколку.

– Готов побиться об заклад, что это экипаж доктора! – обрадовался герцог. – Вот благодетельный случай! Не теряйте мужества, Эстер, если в карете действительно находится врач, то вы вскоре услышите его смех над вашими опасениями.

Герцог сделал знак кучеру, чтобы тот остановил экипаж.

– Случилось несчастье? – спросил сидевший в карете господин, бросив беглый взгляд на бледное лицо Эстер и ее неподвижное тело, покоящееся на руках герцога.

– Да, с дамой случилось несчастье, и я ишу карету, чтобы удобнее доставить ее в гостиницу. – Вы не доктор ли, милостивый государь?

– Точно так.

– Слава Богу! Не позволите ли вы поместить даму в вашу карету?

– Конечно.

Маленький живой господин вышел из нее, взял Эстер на руки и перенес в карету.

– Нет ли перелома костей? – спросил он.

– Нет, – ответил герцог. – Мисс Вобер жалуется только на совершенное бесчувствие в теле, но боли никакой не ощущает.

Добродушное лицо врача стало вдруг серьезным. Эстер, наблюдавшая за ним, тихо вскрикнула от испуга.

– Я знала, что должна умереть, – сказала она. – О Боже, я совсем к этому не готова!

– Не надо предаваться таким пустым опасениям, дитя мое, – успокоил доктор больную. – Я сам еще не знаю, опасно ли ваше состояние.

– Вы хотите обмануть меня, доктор, – произнесла она твердо, – ваше лицо уже сказала мне, что вы видите опасность.

– Сознаюсь, – ответил он, – что мне не нравится симптом бесчувственности в ваших членах, но и только. Впрочем, это может обойтись без последствий. Каким образом вы упали? Не говорите, дитя мое, этот господин расскажет мне все, что я должен знать.

Доктор сидел спиной к лошади, напротив него лежала

Эстер, а герцог ехал верхом возле открытого окна кареты. Они медленно двигались к воротам парка, в которые Эстер несколько часов тому назад так весело въехала. Гарлингфорд обстоятельно рассказывал обо всем случившемся, между тем как доктор, внимательно слушая его, держал руку на пульсе Эстер и смотрел на ее лицо.

Врачу хотелось бы узнать имя и звание больной дамы и ее спутника. Герцог не имел с собой лакея, но по лошади его доктор заключил, что он, должно быть, богат. Только когда они подъехали к гостинице и прибежавшие слуги обратились к молодому человеку «ваша светлость», он узнал, что имеет дело со знатным лицом. Больную понесли в большой зал на первом этаже и положили на кушетку.

– Я попрошу вас оставить нас, – сказал доктор герцогу, – мне нужна помощь женщины, умеющей ходить за больными. Не сомневаюсь, что в гостинице найдется такая особа, – обратился он к слуге и получил утвердительный ответ. – Хорошо, вы ее сейчас же пришлите – продолжал он, – а ваша светлость поможет мне перенести кушетку в смежную комнату.

Это была богато убранная спальня. Когда в нее внесли Эстер, она с беспокойством оглянулась.

– Зачем вы перенесли меня сюда? – воскликнула она. – Разве я должна ночевать в Ричмонде? Неужели нельзя отвезти меня домой?

– Сегодня нет, дитя мое, – сказал доктор. – Теперь уже поздно, а вам необходим покой.

Доктор и сиделка хлопотали около больной, а герцог в мучительной неизвестности прохаживался по залу. Время для него тянулось ужасно долго: каждая минута каза-

лась вечностью. Он прислушивался к малейшему звуку, доносящемуся из смежной комнаты. Наконец дверь отворилась и вышел доктор. Один взгляд на его лицо сказал герцогу, что он услышит мало утешительного; он бросился к нему и судорожно схватил его за руку:

– Скажите, доктор, надежды нет? – с отчаянием спросил он. – Она не выздоровеет более? Говорите скорее, не скрывайте от меня истины!

– Держитесь, ваша светлость, не теряйте мужества. Мне тяжело сказать вам всю правду, но я не хочу обманывать вас. Минуты молодой дамы сочтены, и если у нее есть родители или родственники, то я советовал бы вам сейчас же уведомить их по телеграфу о случившемся.

– Нет, моя бедная невеста не имеет ни родственников, ни друзей, исключая меня; но если вы будете так добры, то пришлите моей бедной Эстер духовника. Здесь поблизости, вероятно, найдется священник?

Доктор обещал исполнить его просьбу и хотел удалиться.

– Стойте! – закричал герцог – Неужели никакое средство не может спасти ее?

– Нет, – печально ответил доктор, – у бедной девушки переломан позвоночник, и она неизлечима. Впрочем, если вас успокоит это, то я по телеграфу призову двух известнейших врачей Лондона.

– Вы меня обяжете. Вы позволите мне войти туда? – спросил герцог и умоляюще посмотрел на дверь спальни.

– Да, вы можете видеться с ней; она в полном сознании и очень спокойна, хотя знает свою участь.

Герцог опустил голову. Он не мог говорить, но с благодарностью пожал руку доктора и тихо вошел в спальню.

Эстер Вобер лежала на постели, не в состоянии пошевелиться; большие черные глаза ее обратились к дверям, когда в них появился герцог. Никогда прежде он не замечал в них того глубокого чувства, которое теперь в них светилось. Он опустился в кресло, стоявшее рядом с постелью. Гордая, вспыльчивая женщина стала скромна, как агнец.

– Любезный Винцент, – тихо голосом сказала она, – вы не должны так горевать по мне. Ведь еще вся жизнь перед вами. Для вас и для счастья вашей жизни лучше, что я умру. Я всегда была гордым и упрямым существом и потому не могла бы быть вам хорошей женой. Верьте мне, так лучше. Со временем, я надеюсь, вы выберете себе жену знатного рода, достойную вас и вашей любви.

– О Эстер! – воскликнул герцог. – Я пожертвовал бы всем своим богатством, даже счастьем жизни своей, если бы только мог спасти вас.

– Я знаю ваше благородное сердце, Винцент, но я также знаю, что смерть моя назначена Провидением. А теперь, мой друг, выслушайте меня. Я много нагрешила за свою короткую жизнь и искренне раскаиваюсь в том; но один грешный поступок я бы желала исправить, если еще не поздно. Я говорю о жестокой несправедливости по отношению к невин-

ной девушке, которую преследовала за ее красоту.

В коротких словах Эстер рассказала, как она содействовала в похищении Виолетты Вестфорд. Герцог серьезно и внимательно слушал. Признание это произвело на него печальное впечатление.

– Я непростительно поступила, не правда ли, Винцент? Теперь вы станете презирать меня? – закончила она свой рассказ.

– Нет, Эстер, но я презираю этого человека, этого подлого Руперта Гудвина, который хладнокровно и из какой-то личной ненависти воспользовался вашей глупой завистью.

– Руперт Гудвин! – воскликнула Эстер. – Разве имя мистера Гудвина – Руперт?

– Да!

– Странно! Очень странно!

– Почему, Эстер?

– Не знаю, это имя не так обыкновенно и напоминает мое детство. Винцент, мне остается жить совсем немного; но прежде чем я умру, я расскажу вам историю своего детства. Тогда, может быть, вы объясните себе мою гордость и надменность.

Эстер Вобер лежала неподвижно, рука ее покоилась в руке герцога. Дверь отворилась, и в комнату вошли врач и священник.

– Мой друг, мистер Нампенейс хочет навестить нашу больную, – тихо сказал доктор герцогу. – Не лучше ли будет оставить их одних? Сиделка позаботится о том, чтобы больной не было ни в чем недостатка.

Герцог молча встал и вышел вместе с доктором. В салоне он сел к столу и закрыл лицо руками. Он горько плакал и молился за душу любимой женщины. Прошло более часу, когда вышел священник, и сиделка объявила герцогу, что больная хочет поговорить с ним. Он поспешил к ней и снова занял свое место у ее постели.

– Винцент, – сказала Эстер, – я начну с раннего моего детства. Первое, что я припоминаю, то, что я жила в большом городе – в Париже, как я узнала впоследствии, в прекрасной комнате, меблированной изящно, окна которой выходили в сад, где из мраморной вазы бил фонтан. Я припоминаю счастливую жизнь, которую я вела в этом богатом доме и его прекрасном маленьком саду, окруженном высокой каменной стеной, вдоль которой тянулся длинный ряд отличных ореховых деревьев. В памяти моей всплывает прекрасное женское лицо, цвет которого был еще темнее цвета моего ли-

ца, которое мне постоянно улыбалось. Это было лицо моей матери. Да, лицо моей матери. На ее руках, убаюкиваемая ее песнями, я засыпала каждый вечер. О Винцент, когда я об этом думаю, то мне кажется, что я все еще слышу ее голос; прошедшее встает передо мной, и я опять делаюсь ребенком. Уже очень рано открыла я, что мать моя не была счастлива. Бывало, что она, бледная и неподвижная, сидела по целым часам, опустив руки на колени; в другое же время она проливала горькие слезы, обнимая и целуя меня. Нас редко кто навещал в нашем блестящем доме, но изредка приходил не знакомый господин. Он был очень горд, и лицо его было такое же смуглое, как и лицо моей матери. Мне сказали, что я должна называть его отцом. Иногда он брал меня на руки и ласкал. Когда он бывал у нас, мать моя, казалось, забывала свое горе, была весела и, сидя на скамейке у ног его, смотрела на него своими большими черными глазами и без умолку говорила. В такие минуты она казалась мне необыкновенно прекрасной в драгоценной своей одежде. Время шло, я подрастала, посещения отца моего становились реже, и мать все чаще грустила. Ах, Винцент, тогда я еще была чувствительна! Я видела ее горе и не могла утешить ее. Блистательное жилище наше поэтому опротивело мне и казалось золотой тюрьмой. Но вдруг наша жизнь переменилась. Мой отец стал приходиться довольно часто, но не один; он всегда приводил с собой молодого англичанина, страшного фата, с пустой головой и бесчувственным сердцем. Уже тогда, еще

почти ребенком, я узнала всю ничтожность этого человека и инстинктивно возненавидела его. Моя мать мало заботилась об этом госте. Когда она бывала в веселом расположении духа, что, впрочем, случалось каждый раз, когда появлялся мой отец, она принимала его друга обворожительнейшей улыбкой и самыми ласковыми словами. Но это делалось исключительно из угождения отцу моему. Отец купил матери экипаж, и они ездили по разным гуляньям – непременно в обществе этого англичанина. Три месяца продолжалась такая жизнь. Ах, Винцент, страшен был ее конец! Я припоминаю тот ужасный день в малейших подробностях, хотя он мне всегда казался потом страшным сновидением. Мы ожидали моего отца и его друга к обеду. Каждое их посещение было для нас праздником. В этот день моя мать поставила на стол цветы и фрукты в дорогих фарфоровых вазах. Столовая была небольшая, но хорошенькая комната, убранная в мавританском стиле и отделенная стеклянной дверью от гостиной, которая со своими арабесками, позолоченным потолком и многочисленными оттоманками, также была устроена в восточном вкусе. Эти украшения как нельзя более подходили к мрачной восточной красоте моей матери. В тот день мать покоилась на бархатной подушке низкого дивана, одетая в белое шелковое платье, опоясанное ярко-красной лентой, в черных волосах ее блестела бриллиантовая луна. Я прижалась к матери. Мы ожидали моего отца. Мать взглянула на часы – был назначенный час. Вскоре мы

услышали подъезжавшую карету, раздался звонок, и дверь в прихожей отворили и снова заперли. «Это Руперт!» – радостно воскликнула мать. Несколько минут спустя послышались шаги. «Это не его походка», – печально сказала мать, и в ту же минуту в гостиную вошел англичанин. «Где Руперт? Отчего он не пришел вместе с вами?» – спросила моя мать. – «По простой причине, сударыня. Он два дня назад оставил Париж и уехал в Петербург» – был ответ англичанина. Мать моя отчаянно вскрикнула. Я никогда в жизни не слышала подобного крика. «Уехал, не сказав мне ни слова? Это ужасно!». Но потом с принужденным спокойствием она продолжила: «Я знаю, что у Руперта много дел; он, без сомнения, по важным обстоятельствам был принужден к внезапному отъезду. Через несколько недель он возвратится, как это делал каждый раз, когда уезжал на свою родину. Я глупо сделала, что так перепугалась». Она произнесла эти слова очень спокойно, но я заметила, что это спокойствие было насильственным. Невольный страх, предчувствие приближающегося несчастья заставили ее побледнеть. «Мистер Гудвин прислал вас уведомить меня о его отъезде?» – обратилась она к англичанину. – «Может быть, он дал вам и письмо ко мне, которое объяснит причину его отъезда?». – «Да, сударыня, – ответил англичанин, – мой друг Руперт дал мне письмо к вам, которое, я думаю, все объяснит».

Мать поспешно распечатала письмо, прочла его до конца и как подкошенная упала на пол. Англичанин подошел

к столу, позвонил в колокольчик и сел писать записку, которую передал вошедшей горничной. «Отдайте эту записку вашей госпоже, когда она опомнится», – сказал он ей и вышел из комнаты. Письмо отца лежало на полу. Я подняла его и спрятала в карман, инстинктивное чувство говорило мне, что содержание его не должно быть известно любопытной прислуге. После я прочла его, но я была слишком молода, чтобы понять его ужасное значение. Это письмо еще теперь хранится между моими бумагами; я столько раз читала его, что каждое слово, написанное в нем, врезалось в мою память. Оно имело большое влияние на всю мою жизнь; из него-то я заключила, что все мужчины фальшивы и жестоки. Поэтому я в более зрелом возрасте слушала их лесть, принимала от них подарки, но никогда не верила им. Теперь только, в последний час своей жизни, я вижу, что на земле существовал один добрый человек. Сказать вам, Винцент, содержание рокового письма? Оно было не длинно. Человеку, которого так любила моя бедная мать, она надоела, и он продал ее своему богатому другу. Дом, экипаж и лошади – все проиграл он англичанину за карточным столом, и последняя его ставка была на мою мать, ту женщину, которую он клялся любить всю свою жизнь. Моя мать долго не могла опомниться, и было бы лучше, если бы она тогда вообще не опомнилась, потому что жизнь ее с тех пор была только жалким существованием. Доктор запретил впускать меня к ней в комнату, но я села на пороге и плакала до тех

пор, пока слуги не отнесли меня в мою комнату. Во всей одежде бросилась я на кровать и после нескольких длинных, мучительных часов наконец заснула. Нежный голос и тихое прикосновение руки моей матери разбудили меня.

– Эстер, милое дитя мое, вставай! – говорила она. Я открыла глаза и увидела ее у своей постели с лампой в руках. Она была страшно бледна и одета в черное платье; на голове ее была черная шляпка и огромный темный платок покрывал ее плечи.

– Мама, отчего ты вся в черном? – спросила я ее. – Доктор сказал, что ты не можешь выходить из своей комнаты, что тебе нужен покой; он не хотел даже, чтобы я оставалась с тобой.

– Доктор не знает, чем я страдаю, – ответила мать. – Я оставляю этот дом, и если ты меня любишь, то пойдешь со мной. Вставай же и надевай шляпку и шаль.

Я встала. Она обернула меня в платок, завязала мою шляпку и взяла меня за руку. Когда мы вышли на пустынную улицу, я увидела, что уже рассвело, но на сером, холодном небе не было солнца. Мы долго шли, и я очень устала. Наконец мы оказались на большом дворе, на котором находилась почтовая контора. Здесь мы сели в уголок и стали дожидаться почтовой кареты. Все время мать молчала, но теперь обернулась ко мне и сказала сухим, хриплым голосом:

– Эстер, знаешь ли ты, что мы теперь одни на свете: без друга, без защиты, без помощи, что у нас нет родины?

Знаешь ли ты, что ты сегодня навсегда простилась с твоими нарядами и с окружающей тебя роскошью? Знаешь ли ты, что нет нищего в этом большом городе, который был бы более покинут, чем мы?

– Мама, – воскликнула я, – я все перенесу без ропота, если только опять увижу тебя такой, какой ты была до сих пор.

– Какой я была до сих пор? – с горестной улыбкой переспросила она. – Слышала ли ты когда-нибудь, что бывают страдания, которые превращают в камень самое пылкое сердце? Такое страдание перенесла я в эту ночь. Взгляни на меня, Эстер!

Она подняла вуаль. Испуганная странным выражением ее голоса, я взглянула на нее. Сказать вам, Винцент, что я увидела? Лицо моей матери было бледно и безжизненно, как мраморная маска, и волосы на голове ее белы как снег. Эти черные волосы, которыми так восхищался мой отец, поседели в одну ночь.

Еврейка продолжала печальный рассказ о своем детстве. Несколько раз герцог просил ее не говорить более, потому что эти грустные воспоминания утомляли ее, но Эстер настаивала на своем.

– Повторяю вам, Винцент, – сказала она, – что упрямство мое и недоверчивость ко всем мужчинам извиняются только историей моей несчастной матери, и я не смогу умереть спокойно, пока не расскажу вам ее.

Герцог молча повиновался воле любимой им женщины. Теперь, на смертном одре, она все еще владела им, как и прежде, когда она была в расцвете молодости и красоты.

– Мать моя взяла для нас обеих места в дилижансе, который отправлялся в Кале. На следующий день около обеда приехали мы в этот город и пересели на пароход. Я спросила мать, куда мы едем. «В Англию, – отвечала она твердым голосом и потом тише прибавила, как будто рассуждая с собой: – Лондон, в этот большой, богатый город, которому неизвестно сострадание, где молча погибает столько несчастных. Мы едем в обширный человеческий океан».

Наконец мы достигли цели нашего путешествия. Лондон производит тяжелое впечатление на тех, кто только что оставил веселые и оживленные бульвары несравненного Парижа.

Долго блуждали мы по грязному участку Сурреей около Темзы и крайне утомились, пока нашли себе новое жилище. Знаете ли, Винцент, какое жилище приняло нас под свою кровлю на вашей родине? Это была такая бедная комната на чердаке, какую вряд ли выбрал себе фабричный работник, чтобы отдохнуть после трудного дня. Дождь лил к нам в разбитые стекла единственного окна, а ветер проникал в тысячу щелей и скважин в стенах. «У нас нет средств, чтобы поместиться в более приличной квартире, – сказала моя мать, между тем как я стояла среди комнаты и печально осматривала ее, не в состоянии объяснить себе внезапную перемену в наших обстоятельствах. – Мы с тобой не можем претендовать на более приятное и удобное убежище, потому что мы изгнанные, без родины, без имени, и не знаем, где нам завтра взять кусок хлеба». На следующее утро моя мать ушла из дома, оставив меня одну в печальной квартире. Она возвратилась к вечеру и сказала, что нашла себе занятие, которое, по крайней мере, защитит нас от голодной смерти. С тех пор она уходила каждый вечер, часто проводила и днем несколько часов вне дома и никогда не возвращалась раньше полуночи. Когда я стала старше, я узнала от нее, что она служит статисткой при одном маленьком театре в Суррее. Потом мы переменили жилье на очень скромную комнату, но несравненно лучше той каморки на чердаке. При жизни моей матери я никогда не бывала на сцене. Она нежно любила меня и не могла перенести мысли, что мне угрожают те же

опасности и искушения, в которых столько невинных созданий погибало на сцене. Она жила очень скудно и переносила много лишений, последствия которых не замедлили сказаться на ней. Однажды она, утомленная, возвратилась домой с репетиции, которая против обыкновения длилась до обеда. Болезненная краска на щеках ее была сильнее, чем когда-либо, и в глазах ее горел необыкновенный огонь. Это было в день моего рождения – мне исполнилось пятнадцать лет. Она взяла меня за руки и подвела к окну. «Поверни лицо свое к свету, – сказала она, – я хочу видеть твои глаза, когда буду тебе рассказывать кое-что». Я с удивлением посмотрела на нее. «Эстер, – продолжала она, – я сегодня встретила твоего отца на улицах Лондона и даже говорила с ним. Я видела того человека, ради которого покинула счастливую мою родину, прекрасную Севилью, и огорчила доброго моего родителя. Но наказание Неба никогда не замедлит постигнуть такой поступок, какой я совершила; беспрестанно преследовало оно меня с той ночи, когда я послушала клятв твоего отца и оставила родительский дом, доверилась чести и верности низкого человека. Сегодня, после долгих лет бедствий, я снова встретила его. Только из любви к тебе, Эстер, я заговорила с ним. Я сказала ему, что дочь его теперь уже взрослая девушка, не имеющая ни друга, ни защитника, который мог бы заменить ей мать, к которой уже приближается смерть. Я умоляла его не оставить своей несчастной дочери и клялась ему забыть все горе, которое он мне причи-

нил; простить ему коварную ложь, которой он меня выманил из родительского дома, и низкую неверность, заставившую его продать меня за карточным столом. Только для тебя, Эстер, я так унизилась перед ним. Сказать тебе, что он отвечал на это? Он сказал, что я в любом углу могу умереть с голоду и сгнить, но чтобы я ему не показывалась на глаза; что он представил мне случай воспользоваться богатством своего легкомысленного друга и, что если я была так глупа и отказалась, то он не намерен отвечать за мою глупость и не даст мне ни одного пенни, если бы даже мог спасти меня этим от голодной смерти. Вот слова его, Эстер, но выражения, с которым он произносил их, я не в состоянии передать тебе – до такой степени оно было жестоко. Смерив меня презрительным взглядом, он прибавил: „Ты действительно переменилась и уже несколько не походишь на ту хваленую красоту романтической Севильи!“. Стыд и отчаяние овладели мной, и я не могла произнести ни одного слова. Он ушел своей дорогой, а я осталась среди улицы, неподвижная, как статуя, со смертельным холодом в сердце». Мать разрыдалась, а я бросилась в ее объятия, чтобы утешить ее. Но есть степень горести и боли, которая не допускает утешения; ее-то ощущала моя бедная мать. «Эстер, – продолжала она, – я рассказала тебе все это для того, чтобы предупредить тебя. Ты хороша собой и найдешь много обожателей; вспомни тогда мою участь. Не забывай никогда, что их объяснения в любви ложны и что они имеют только ту цель,

чтобы погубить тебя. Воспользуйся своей красотой только для того, чтобы господствовать; будь горда, немилосердна, фальшива и своенравна, как те жалкие существа, которые выказывают тебе свою любовь. Только таким образом ты навсегда повергнешь их к своим ногам. Бери все, что они тебе дадут, но не давай им ничего за это: ни одной капли теплоты сердечной, ни одного взгляда искренней любви. Помни всегда мою участь, Эстер, и отомсти за горе твоей матери, которая умирает с разбитым сердцем». Такие наставления давала мне моя несчастная мать. Она медленно умирала перед моими глазами, оставляя меня одну на произвол судьбы. С такими правилами я начала бороться со светом. Мне едва было шестнадцать лет, когда мама умерла. В первое время это несчастье так сильно поразило меня, что я на несколько дней заперлась в своей печальной комнате и совершенно предалась отчаянию. Несколько времени спустя ко мне приехал директор театра, при котором служила моя мать, и предложил мне место статистки в своей труппе. Я вынуждена была принять это предложение, чтобы не умереть с голоду. Так я оказалась на сцене. На следующий год я нашла себе более выгодное место при Друрилейнском театре, где и оставалась до сих пор. Там в первый раз увидела я вас, Винцент, там объяснились вы мне в любви, которую я так мало заслуживала. Только этой искренней вашей любви и благородному вашему сердцу обязана я снисхождением, которое вы мне постоянно оказывали. Простите мне, Винцент, мою неблаго-

дарность! Простите мне ради наставлений, которые внушались мне в моей юности, ради страданий несчастной моей матери!

– От всего сердца прощаю вас, Эстер, – ответил герцог. – Если было бы угодно Небу продлить вашу жизнь, то печальные наставления и опыт прошедшего забылись бы в радостях будущего, и вы удостоверились бы, что и мужчина может любить искренно и глубоко.

– Винцент, – продолжала она, – когда кончится грешная моя жизнь, тогда, прошу вас, сходите в мою квартиру и пересмотрите все мои бумаги. Если вы найдете в них что-нибудь о моем отце, что помогло бы найти его, то отыщите его и скажите ему, если он только еще жив, что обе его жертвы, которым он отказал в помощи, покоятся вечным сном. Я не думаю, чтобы в каменном его сердце была хоть искра человеческого чувства, но я желала бы, чтобы ему, ввергнувшему в погибель любящую и доверчивую женщину, напомнили его злодеяние, и то, что на земле также существует карающее правосудие. Может быть, тогда пробудилась бы его совесть.

Больше ничего не было говорено об этом предмете.

– Теперь, друг мой, – продолжала Эстер, – у меня к вам есть последняя просьба. Мои золотые вещи, картины, мебель, экипаж и лошади имеют большую цену. Я желаю, чтобы все, за исключением того, что вы хотите оставить себе на память, было продано, и вырученная сумма отдана мисс

Ватсон, к которой я была так несправедлива. Вы исполните это, Винцент, не правда ли? Это единственное средство, которое хоть сколько-то может изгладить вину мою против этой девушки. Но не говорите мисс Ватсон имя той, которая завещает ей эти деньги, а то она их не примет. Пусть это распоряжение так же останется неизвестно, как и преступление, которое им заглаживается. Обещайте мне это, Винцент?

Молодой человек обещал ей исполнить каждое ее желание, и в черных глазах Эстер выразилось внутреннее удовлетворение, чувство возвращающегося спокойствия, когда она медленно опустила голову на подушку, с которой ей уже не суждено было подняться.

Вечером из Лондона приехали доктора. Когда они вышли из комнаты больной, герцог прочел на их лицах приговор к смерти.

– Так нет никакой надежды? – отчаянно спросил он.

– Никакой! – ответили они.

В изнеможении герцог упал на стул. На этот раз печаль его не выражалась никакими страстными порывами; он, казалось, был спокоен и молчал. Прекраснейшая мечта его молодости теперь навсегда исчезла, и счастье всей его жизни рушилось.

Отвращение Юлии к преступлению отца было так сильно, что ее сердце, так любившее его, разрывалось на части. «Будь его преступление другого рода, соверши он его в порыве непреодолимого гнева, я бы еще могла простить его ему. Но как сожалеть о человеке, совершившем преступление с улыбкой на губах? Страшно подумать, что я вечно должна хранить от всех тайну этого преступления и видеть, как отец мой улыбается людям, которые, расскажи я им всю эту историю, сочли бы ее за бред расстроенного воображения. Я теперь понимаю, почему мой брат не находил удовольствия в нашем домашнем кругу и почти ненавидел отца. Брат понимал все, чего не давала мне видеть моя слепая привязанность к нему, и знал, что отец недостоин подобной привязанности».

Весь этот день Юлия не выходила из комнаты и даже не допускала к себе мистрисс Мельвиль, сославшись на головную боль и на необходимость покоя и уединения. Эта настойчивость так напугала мистрисс Мельвиль, что она отправилась немедленно сообщить о ней мистеру Гудвину, но, к ее удивлению, он, по обыкновению так горячо заботившийся о дочери, отвечал уклончиво на ее донесение.

– Да, Юлия больна, я это заметил еще утром, по всей вероятности, горячка мистера Вильтона тифозного свойства,

поэтому я думаю уехать нынче же вечером в Брайтон вместе с Юлией.

– Вы, вероятно, хотите, чтобы я ехала с вами?

– Нет, – отвечал банкир, – мне никого не нужно. Вы еще недавно просили меня отпустить вас в Лондон для свидания с родными; я согласен исполнить вашу просьбу и даже готов приказать выдать вперед ваше жалованье, если вам нужны деньги. А здешнее хозяйство я поручу мистрисс Бексон.

– А мистер Вильтон? – спросила она с удивлением.

– О нем позаботятся, а теперь прошу вас оставить меня, у меня много дел.

Гудвин говорил с мистрисс Мельвиль, стоя в дверях, но при последнем слове он неожиданно затворил их. «Сеть опутывает меня со всех сторон, – размышлял он в отчаянии, – она скоро свяжет меня по рукам и ногам, даже дочь начинает меня подозревать. Кто пробудил в ней эти подозрения? Я должен заставить еще одни уста замолчать навеки. Она меня не выдаст, я это знаю, но горячечный бред может против ее воли выдать мою тайну. Эта опасность требует больших предосторожностей. Что за жизнь, что за мука!» После нескольких минут глубокого раздумья банкир поднял голову и взор его сверкнул прежней надменностью. «Я стал слаб сегодня, – подумал он. – На что мне дан разум, если не на то, чтобы побеждать тех, кто ниже меня по своему положению. Все эти глупцы еще слепо верят богатому банкиру. Нет, не смешно ли вдаваться в отчаяние от того, что сын

моей жертвы напал на след убийства своего отца и что моя дочь подозревает о моем преступлении? Игра плоха, но я буду мужественно бороться до конца». Шум отворившейся двери заставил банкира мгновенно придать своему лицу то приветливое выражение, с которым он всегда принимал посторонних. Посетителями были на этот раз мистер Грангер, гертфордский врач, и низенький рыженький человек со впалыми щеками и черными глазами, смотревшими пронырливо из-под плоского лба. Это был доктор Снафлей, основатель заведения для умалишенных, которое он сентиментально называл «Пустыней». Личность эта поместилась напротив Гудвина, между тем как первый доктор стал у окна.

– Когда я прочел ваше объявление, – заговорил банкир, – я никак не думал, что мне так скоро понадобятся ваши услуги, но один молодой человек, которого я из сострадания принял к себе в дом, чтобы привести в порядок рисунки моего сына, впал в сумасшествие. Мистер Грангер, лечивший его от лихорадки, может вам засвидетельствовать, что мозг его находится не в нормальном состоянии и требует совершенно другого лечения.

– Простите, мистер Гудвин, – сказал гертфордский врач, – если я позволю себе напомнить вам, что это предположение об умопомешательстве было в первый раз высказано не мной, а вами.

– В самом деле? – возразил хладнокровно банкир. – Но дело не в этом, а в том, что это помешательство не подле-

жит, к несчастью, никакому сомнению. Наследственное ли оно, я этого не знаю, потому что несчастный молодой человек не имеет, по-видимому, ни друзей, ни родных. Мне известно о нем только то, что дочь моя нашла его полуумирающим от голода в лавке одного торговца картинами в Риджент-стрит, и я с тех пор предоставил ему работу в моем доме. При других обстоятельствах я бы, конечно, обратился к местным властям с просьбой поместить его в одно из заведений для умалишенных, основанных правительством для бедняков, но моя дочь вырвала это несчастное существо из тисков нищеты, и я должен по совести помочь ей довершить это доброе дело. Если этот молодой человек действительно помешан, я вверяю его вашим попечениям и вознагражу вас щедро за них.

Доктор Снафлей поклонился банкиру и просиял при мысли приобрести нового гостя в свою очаровательную «Пустыню», но все-таки счел долгом заявить банкиру о своем бескорыстии.

– Я к вашим услугам, мистер Гудвин, и рад от души содействовать вашему доброму делу. Но вы позволите осмотреть его? Мистер же Грангер не откажется, вероятно, написать свидетельство о состоянии его здоровья.

– Да, – отвечал с грустью последний, – потому что я, к сожалению, не могу сомневаться в его помешательстве; это подтверждает постоянно преследующая его мысль о совершившемся убийстве, кроме того, есть и другие симптомы.

Гудвин вздохнул.

– Жаль, – сказал он, – это несчастье сильно подействует на мою дочь: она была такого высокого мнения о таланте больного. Я надеюсь, господа, что вы произведете осмотр с величайшей тщательностью.

Банкир позвонил и приказал слуге провести докторов к постели больного.

Доктор Снафлей был позором науки: она превращалась в его руках в низкую спекуляцию, успех которой он основывал на людских пороках. Его «Пустыня» была гробницей, в которую прятали самые страшные преступления. Но чем больше он преуспел в искусстве лицемерия, тем скорее угадывал лицемерие в других. Он тотчас же смекнул, что под маской расположения к молодому человеку скрывается тайна. Ему стало ясно, что банкиру нужно упрятать его во что бы то ни стало куда-нибудь подальше.

Доктор Снафлей прошел прямо к больному, оставив своего собрата в первой из занимаемых им комнат. Лионель спал томительным, лихорадочным сном и, услышав шаги, бросил на доктора дикий и испуганный взгляд, и когда он взял его руку, чтобы пощупать пульс, больной проговорил несколько несвязных слов. Доктор вслушивался в них с напряженным вниманием. «Он вспоминает свое университетское время, он, значит, проходил университетский курс», – подумал доктор, но мозг Лионеля вызвал в ту же минуту другие воспоминания.

– Убийца! – закричал он, приподнявшись с подушки, – мой бедный отец убит в северном флигеле.

И без того бледное лицо мистера Снафлея стало еще бледнее. «Он говорит, очевидно, об этом доме; я знал и без этого, что тут кроется тайна – друзей не отсылают в „Пустыню“ без важных причин: содержание в ней обходится не дешево, но для людей, знающих больше, чем им следует знать, не жаль, конечно, издержек».

Лионель продолжал бредить по-прежнему о северном флигеле, о лестнице и погребе, но доктор, освоившись с припадками безумия, сумел составить целое из всех этих отрывочных и загадочных слов. Он признавал, что у Лионеля в настоящее время воспаление мозга, что его мучит воспоминание о страшном преступлении, которое и вызвало эту болезнь; он понимал все это лучше, нежели его брат, который не допускал и мысли, что Руперт Гудвин способен совершить такое преступление. Привыкнув находить в человечестве одно только дурное, Снафлей отличался блистательной способностью проникать в самые сокровенные тайны и извлекать из них всевозможные выгоды. Усадив своего собрата у постели больного, он отправился прямо в кабинет банкира и, несмотря на то, что лицо последнего не выдавало чувств, волновавших его, доктор понял их сразу.

– Ну что, – спросил банкир, – есть ли надежда на излечение этого несчастного юноши?

Доктор пожал плечами:

– В моей практике еще ни разу не было такой странной болезни, и я нахожу одно только средство к ее излечению.

– Какое же это средство?

– Сейчас объясню, – отвечал Снафлей. – Молодой человек помешался на одной мысли – если ее отстранить, то мозг его придет в нормальное состояние. Ваши слуги рассказали ему, вероятно, какую-нибудь страшную сказку о северном флигеле, которая произвела на него глубокое впечатление. По моему мнению, необходимо раскрыть ему неосновательность всей этой истории, произведя при нем полицейский осмотр в погребках флигеля. Если в них действительно совершено убийство, вам, как владельцу дома, будет приятно раскрыть преступление; если же нет – вы достигнете выздоровления вашего больного.

Во время этого объяснения Снафлей не спускал глаз с банкира, но тот, пожав презрительно плечами, отвечал насмешливо:

– Я начинаю верить, что доктора заражаются иногда болезнью своего пациента. Неужели вы в самом деле надеетесь, что бессмысленные фантазии больного рассеются, когда ему докажут всю их неосновательность? Мог ли когда-нибудь голос здравого смысла убедить людей, верующих в привидения, что привидений нет? Нет, он умирает жертвой этих суеверий, существующих только в его больном мозгу!

– Так вы не одобряете моего плана?

– Нет, потому что нахожу его вполне неосновательным.

– Хорошо, – сказал доктор, пристально взглянув в глаза банкира, – так я принимаю его в мое заведение с условием вознаградить меня как следует за мои попечения.

– Ваши условия?

– Пятьсот фунтов в год.

– Гм, – проворчал банкир, – вы требуете много.

– Нет, вовсе не много при таком странном случае. – Глаза собеседников встретились, и этого мгновенного взгляда было достаточно, чтобы убедить банкира, что его тайна во власти доктора.

– Я принимаю ваши условия, – сказал он.

Часов в десять вечера Лионель был отвезен в закрытой карете в знаменитую «Пустыню» и, чтобы избежать всех затруднений этого переезда, доктор счел за лучшее усыпить его крепким искусственным сном. Понятно, что банкир позаботился выпроводить мистрисс Мельвиль до отправления больного в место его заключения.

Юлия Гудвин ничего не знала о том, что происходило. Она лежала на диване в состоянии, близком к бесчувствию. Она готова была бы умереть, чтобы убежать от мысли о преступлении отца. Мистрисс Мельвиль напрасно старалась пробраться в ее комнату: Юлия не отвечала на все ее просьбы.

Банкир наделил вдову щедрой рукой, но несмотря на все его старания, она могла заметить, что в его желании отправить ее как можно поспешнее скрывалось что-то странное. Она подумала, что в делах банкира произошел какой-нибудь неблагоприятный кризис, и тихо радовалась, что она защищена от потерь, которые понесут другие от разорения банкира. Она простилась с ним, совершенно довольная, получив от него обещание известить ее тотчас же, как только он с дочерью устроится в Брайтоне.

В одиннадцать часов в вильмингдонгалльском доме воцарилась глубокая тишина; слуги все улеглись, и банкир мог спокойно обсудить свое положение.

«Его довели, – думал он, – и он там останется, пока я в состоянии платить по условию. Конечно, все это уладилось бы гораздо проще, если бы питье возымело желаемое действие: эта смерть не возбудила бы ни в ком подозрений. Но теперь я должен бояться не его, а дочери. Она знает что-то, но что она

знает? Не она ли разрушила этот план, ограждавший меня от ответственности? Не сочтет ли она долгом заявить о проступке отца? Это страшные вопросы, но я должен во что бы то ни стало узнать истину, я должен видеть дочь». Банкир поднялся наверх к дверям комнаты Юлии, но не получив никакого ответа на неоднократный стук, сказал тихо, но внятно:

– Это я, Юлия, твой отец, и прошу тебя отворить мне.

За дверью послышались легкие шаги и дрожащий голос Юлии.

– Прости меня, отец, – сказала она, – но я слишком больна, чтобы иметь силы говорить сегодня с тобой.

– Но я хочу видеть тебя, Юлия, и узнать, по праву отца, причины твоего странного поведения.

– Сжался надо мной, отец, – попросила несчастная.

– Отвори, – потребовал банкир, – или я велю выломать дверь.

Банкир поступал с настойчивостью человека, понимающего, что одно только непоколебимое мужество может отвести от него неминуемую гибель.

Дверь отворилась, и Гудвин вошел в комнату дочери. Он содрогнулся, увидев ее; это лицо, красотой которого он всегда любовался, выражало глубокое отчаяние: черные волосы Юлии были в беспорядке, и губы дрожали, когда глаза ее отвернулись с выражением невольного ужаса от отца, прежде так много ею любимого.

– Юлия! – воскликнул банкир. – Ты должна объяснить причину твоего упорного отказа впустить меня.

– Я больна, – отвечала она.

– Так я пошлю за доктором.

– Доктор не поможет: я больна душой, а не телом.

– Ты сходишь с ума, я это заметил еще нынче утром. Что с тобой случилось?

Она не отвечала и только пристально смотрела на отца глазами, полными неизмеримой скорби.

– Отец, – сказала она, – мне снился страшный сон, который я забуду только в могиле, рассказать ли тебе его?

– Почему же нет, если тебе станет легче.

– Меня уже ничто не успокоит, но послушай мой сон. Мне снилось, что нашему больному угрожала опасность, не знаю какая, но опасность смертельная. Непреодолимое чувство влекло меня к больному, чтобы отвратить от него эту опасность. Я прошла коридором до самой его комнаты и тотчас заметила, что его сиделка крепко спит.

– В твоём сне нет, по-моему, ничего замечательного, – сказал банкир.

– Это только начало, ты слушай дальше. Едва я успела войти в эту комнату, как в коридоре послышались шаги. То же самое смутное чувство заставило меня спрятаться за занавесью постели больного; я увидела оттуда, как в эту комнату вошел мужчина, видела, как рука убийцы вылила яд в лекарство, я видела лицо отравителя так же хорошо,

как вижу теперь твое. Впечатление этой страшной минуты никогда не изгладится в моей душе.

– Ба! – отвечал банкир. – Сильное раздражение всегда порождает такие сильные сны. Твой сон в самом деле странен, но довольно о нем. Завтра мы отправимся вместе с тобой в Брайтон, и, если твои безумные бредни еще продолжатся, я буду вынужден поручить тебя попечениям врача. Теперь же иди за мной.

Банкир провел ее прямо в комнаты, в которых жил Лионель Вестфорд.

– Посмотри, Юлия, – сказал он, указывая на пустую кровать, – человек, интересовавший тебя так сильно, что тебе даже снилось о нем, исчез, и ты его никогда не увидишь.

– Праведный Боже! Так он все-таки умер, и ты решаешься объявить мне о его смерти?

– Он не умер, но погиб для живых, как будто покойник; его умственное состояние было сходно с твоим. Вследствие этого опытные доктора объявили его безумным и отвезли в безопасное место, в дом умалишенных, то есть в тот же гроб. Ты можешь теперь возвратиться к себе. Я надеюсь, что мы теперь понимаем друг друга и что ты постараешься не вдаваться в безумную и весьма неприятную мечтательность.

Глаза дочери и отца встретились еще раз: взгляд Юлии выражал отчаяние, а отец смотрел гордо и смело. Юлия не проронила больше ни слова. Она медленно вышла. Ей смутно казалось, что уже не для чего жить теперь, когда ей открылось, кто был ее отец. А тот, кого она так сильно любила, – что случилось с ним? Несчастливая молила, чтобы Бог дал ей только силу спокойно обсудить настоящее положение и, внушивши ей раз мысль об опасности, которую она отвратила, дать ей средство спасти и на этот раз бедного Лионеля.

Полночь давно настала, но Гудвин не спал: задумчивый и мрачный, он ходил по своему кабинету. «Я разрешил на эту ночь часть моей задачи, страшной задачи. Это дитя, которое так сильно меня любило и верило в меня так чистосердечно, ненавидит меня теперь, – рассуждал он. – Но Юлия и боится меня, а это очень важно. Самое страшное дело предстоит мне впереди, и я должен безотлагательно покончить с ним сегодня же ночью, потому что всякое преследование может меня сгубить».

Банкир вышел в свою библиотеку, достал из сундука ключи от северного флигеля и с фонарем в руке тихо вышел из дома. Он отправился в знаменательный грот, из которого Лионель попал в погреба под северным флигелем. Войдя в него, банкир поставил на землю фонарь, взял лопату и на-

чал копать яму, в которую он намеревался спрятать труп. Работа была трудная и подвигалась медленно, но Гудвин окончил ее с решимостью отчаяния.

Тем же путем банкир вернулся домой и направился в зал, в котором не был с того самого дня, как проходил по нему в северный флигель с Гарлеем Вестфордом. Он вышел из него в комнату, дверь которой вела прямо в погреб. Густые слои пыли лежали на полу и воздух был пропитан душливой сыростью. Банкир отпер дверь и стал спускаться по лестнице, окрашенной кровью честного моряка; обливаясь холодным потом, он пододвинул фонарь к углу погреба, в котором надеялся увидеть страшный предмет, но погреб был пуст. Банкир тщательно искал, но так и не нашел того, кого хотел упрятать в безопасное место. «Злой дух вмешался во все мои дела, – пробормотал преступник. – Тело убитого унесено из погреба – но кто его унес? Ключи от погребов лежали постоянно в железном сундуке. Невидимая сеть опутывает меня все сильнее и сильнее, и я уже не знаю, как мне защититься от моих тайных врагов».

На следующее утро банкир вошел к дочери, чтобы поторопить ее с отъездом, но комната дочери была пуста: Юлия уехала из отцовского дома. Это был последний удар, которым судьба поразила банкира в его вильмингдонгалльском доме.

Пока Жильбер Торнлей спешил передать полицейскому расследованию свои подозрения относительно гибели капитана Вестфорда, Клара сидела у себя на квартире в тяжелом раздумье о последних событиях.

Похищение ее дочери было еще тяжелее, нежели смерть ее храброго и любимого мужа: все кончается смертью, а Виолетту ожидало бесчестие. И она не могла отвести от нее этой опасности. Она ждала нетерпеливо возвращения Торнлея: она уповала, что он не пощадит ничего в мире, чтобы спасти Виолетту – порукой этому было его чувство к ней.

В то время, когда Клара, стоя на коленях, молила у Всевышнего вернуть ей дочь, к подъезду ее дома подъехала щегольская карета. Заслышав шум, Клара подбежала к окну и увидела милое личико дочери. Через несколько секунд Виолетта уже была в объятиях матери, веселая и счастливая.

– Вот я опять с тобой, моя дорогая, – воскликнула она, – одна благородная женщина приняла меня под свое покровительство, и мы заживем по-прежнему счастливо.

Появление нового лица помешало Виолетте объяснить подробнее. Это была маркиза Норлейдаль.

– Я привезла вам дочь, мистрисс Вестфорд, – сказала она, – и надеюсь, что вы будете мне признательны за возвращение вам такого сокровища. Если я в несколько дней

успела привязаться к ней с такой искренностью, то как же должна любить ее мать.

От радости Клара не упомянула ни о возвращении Торнлея, ни о страшных своих подозрениях относительно участи мужа: она вся отдалась блаженству свидания со своей милой дочерью.

Маркиза Норлейдаль оставалась недолго.

– Я не хочу стеснять вас своим присутствием, – сказала она, – но я никогда не потеряю вас из вида. Это милое дитя, которому мой заблудший сын доставил столько тяжелых минут, отчасти рассказала мне вашу историю. Если мое влияние может сделать что-нибудь для нее и для ее брата, я употреблю его с большим удовольствием на пользу их будущности, тем более что Виолетта дала мне слово больше не выступать на сцене.

Маркиза дружески простилась с Кларой и обняла Виолетту с материнской нежностью. Проводив ее, мать и дочь уселись, и пока Виолетта рассказывала матери о благородном участии маркизы, избавившей ее от загадочного положения в уединенном доме, вошла служанка и подала мистрисс Вестфорд визитную карточку. На карточке стояло имя «Даниельсон» и было написано еще несколько строчек такого содержания: «Просит мистрисс Вестфорд доставить ему возможность поговорить с ней наедине».

– Даниельсон, – проговорила Клара, – я слышала эту фамилию в очень давнее время.

– Этот господин, – заметила служанка, – кажется, очень желает повидаться с вами.

– Каков он из себя?

– Старичок, очень мал ростом и плохо одет; он говорит, что ему нужно сообщить вам весьма важное дело.

– Очень важное дело! – повторила Клара. – Впусти его, Сусанна, а ты, Виолетта, уйди в свою комнату; я должна видеть этого господина наедине.

Минуту спустя Даниельсон почтительно кланялся Кларе.

– Что доставляет мне честь принимать вас у себя? – спросила она.

– Вы меня не помните, однако вы несколько дней тому назад говорили со мной. Я приказчик мистера Руперта Гудвина.

– Да, помню, – обрадовалась Клара, – и вы хотите сообщить мне важные сведения, но не обманывайте меня, Бога ради, если б вы знали, как я страдаю.

– Да, я хочу сообщить вам очень многое, но это не относится к вашему мужу. Я пришел предложить вам мою дружбу, если только вы не оттолкнете ее.

– О нет, мистер Даниельсон, у меня так мало друзей, что я приму с признательностью даже дружбу незнакомого мне человека.

– Вы очень переменились, мистрисс Вестфорд, с того давнего времени, как я начал вас знать, – тихо сказал приказчик.

– Когда же вы меня знали? – удивилась Клара. – Да разве

мы были с вами знакомы, хотя ваше имя действительно напомнило мне прошлое.

– Очень естественно, что вы меня не помните – с той поры прошло 25 лет. Когда вы меня знали, я был человеком с чувством самолюбия, со стремлением возвыситься. Теперь же перед вами развалина. Помните ли вы, мистрисс Вестфорд, безобразного сельского учителя, дававшего вам уроки в поместье вашего отца?

– О да, его звали Даниельсоном! Не вы ли тот самый Даниельсон? Вы, должно быть, также сильно переменялись, если я не узнала вас.

– Да, но перемена в дочери мистера Понсонби несравненно значительнее, если она в состоянии сострадать тому, кто стоит перед ней.

– Что вы хотите этим сказать? Разве я не сострадала всякому, кто только нуждался в этом?

– В самом деле, – согласился приказчик. – Но мне кажется, что вы позабыли тот день, когда бедного сельского учителя избили, как собаку, по вашему приказанию.

– Избили?! – воскликнула Клара. – И по моему приказанию!

– О, я вижу, что вы совершенно позабыли прошлое, – сказал он насмешливо.

– Я ничего не позабыла, но прошу вас объяснить мне это недоразумение.

Приказчик небрежно опустился на стул.

– Я понимаю, – начал он, – что тому, кто потчевал ударами, их легко позабыть, но тому, кто их принял – это не так просто.

– Мистер Даниельсон, я не люблю загадок, объяснитесь скорее, – потребовала Клара.

– С большим удовольствием. Но я должен для этого вернуться к тому времени, когда вам исполнилось 16 лет. Вы захотели праздновать день своего рождения, и когда я пришел, чтобы дать вам урок, вы отказались заниматься и пригласили меня участвовать в удовольствиях этого дня. Я никогда не мог забыть этого утра, я старался утопить это воспоминание в вине, но оно противилось всем моим усилиям. Я помнил вас постоянно такой, какой видел вас в то блаженное утро. Вы были со мной так снисходительны, что предложили даже помочь убрать цветами вашу комнату. Дочь надменного баронета не могла вообразить, что несчастный горбун осмелится любить ее чисто рабской любовью. Я был безумец, Клара, я во всем вам признался, но вы отвечали мне со спокойным достоинством, вы дали мне почувствовать мое безумие, не оскорбив меня никаким резким словом. Если бы это дело окончилось без всяких дальнейших последствий, я бы снес терпеливо мое унижение и вспоминал бы вас как самое чистое из всех земных существ. Но мое наказание не ограничилось этим, мои мольбы не могли вас заставить простить мое безумие. Когда я шел по парку, горько раскаиваясь в своей самонадеянности, меня схватили двое

из ваших слуг и притащили в кабинет вашего отца, который, без всяких объяснений, бил меня плетью, пока я совершенно не потерял сознание. Вы назовете это низостью, но я молча снес это оскорбление, и когда мои раны несколько зажили, оставил с разбитым сердцем ваш дом и отправился в Лондон. Вы убедили вашего отца отомстить мне за эту минуту забвения, на которую, быть может, всякая другая женщина взглянула бы снисходительно.

– Это неправда, – сказала изумленная Клара, – я не говорила ни слова своему отцу и до сих пор не знала, что вы перенесли от него подобное оскорбление. Я помню только, что моя старая гувернантка, услышавшая случайно из смежной комнаты ваше объяснение, грозила рассказать о нем отцу, но я ее просила не делать этого и верила, что моя просьба будет исполнена.

– И это действительно было так, как вы говорите? – спросил Даниельсон.

– Взгляните на меня и убедитесь, что я не лгу, – гордо сказала Клара в полном сознании своей правоты.

– Да, вы не лжете, – согласился приказчик, – ваши глаза искренни. Я был несправедлив относительно вас, но я сумею загладить мою несправедливость. Вы приобрели во мне друга, который возвратит вам отнятое у вас состояние и отомстит за вас вашему врагу – Руперту Гудвину.

Эстер Вобер была похоронена на кладбище за Лондоном, в живописной, уединенной местности, осененной высокими деревьями. Это место было выбрано герцогом вследствие высказанного ею желания. Погребение совершалось тихо и просто; за ее гробом шел всего один человек и неудержимо плакал. Герцог заказал для ее могилы изящный памятник, но не поставил на нем ее имени: краткая надпись гласила только то, что упокоившееся здесь существо было молодо, прекрасно и любимо.

Герцогу предстояла тяжелая обязанность: он дал Эстер слово просмотреть ее бумаги и вручить деньги, вырученные от продажи ее вещей, девушке, относительно которой она сознавала себя так много виноватой. Герцог знал статистику Друрилейнского театра только под именем мисс Ватсон, но привратник дал ему ее адрес, и он приступил к исполнению последней воли Эстер.

Он вошел в изящные комнаты, в которых недавно уединялась Эстер. На подоконниках цвели цветы, птички весело распевали в клетках, а их хозяйка лежала в могиле. Собачка Эстер с лаем бросилась к Гарлингфорду. Это было единственное существо, сожалевшее вместе с ним об умершей.

Герцог тщательно отобрал все, что было написано рукой Эстер; он не хотел, чтобы посторонний взгляд коснулся этих

строк, которые писала рука любимой женщины. Он бережно сложил и запечатал их в конверт с краткой надписью: «Сжечь после моей смерти». Потом приступил к осмотру вещей.

Он нашел миниатюрный портрет, осыпанный жемчугом и изображавший женщину обворожительной красоты, в которой он узнал испанскую еврейку – мать Эстер. На золотом обводе были вырезаны слова: «Руперт своей возлюбленной Лоле!» Тяжеловесность медальона навела герцога на мысль, что в медальоне должно быть еще что-то. Герцог в ту же минуту отправился в магазин ювелира и поручил ему осмотреть медальон: в нем действительно оказался портрет смуглого и красивого молодого мужчины, лицо которого напоминало герцогу что-то очень знакомое. Воспоминания его не заходили далее.

Приведя все в порядок, молодой человек отправился отыскивать квартиру мистрисс Вестфорд. Через несколько времени он уже входил в скромную комнату, где Клара сидела за какой-то работой, а Виолетта читала ей вслух. Гарлингфорд вспомнил, что видел ее в театре, но она показалась ему в своем траурном платье гораздо интереснее, нежели в блистательном костюме актрисы; он сразу понял, что эта девушка отлично воспитана, скромна, с большим чувством собственного достоинства. Присев по приглашению мистрисс Вестфорд, он объяснил Виолетте в коротких словах, что особа, имя которой он обещал не называть, завещала ей небольшое наследство – от четырех тысяч фунтов.

Это было целое богатство в глазах Виолетты, успевшей уже познать всю горечь нужды. Слезы радости сверкнули в глазах ее при мысли о возможности успокоить мать, но в ту же минуту она подняла прекрасную головку и спросила у герцога:

– Уверены ли вы, милостивый государь, что это таинственное завещание не навлечет на мое имя никакого бесчестия? Почему завещатель скрывает свое имя?

– Я даю вам мое честное слово, что вы можете, не колеблясь, принять этот дар: его делает вам женщина, оскорбившая вас и сознавшая на смертном одре свою неправоту. Мысль о возможности загладить ее усладила ей горечь последних минут. Могу вас заверить, что вы можете смело воспользоваться этим небольшим достоянием.

– Если все это так, то я принимаю, – сказала Виолетта, – конечно, если моя мама не против этого.

– О нет, я не противлюсь, лицо этого господина слишком чистосердечно, чтобы не верить его благородному слову.

Герцог поклонился.

– Я только исполняю последнюю волю покойницы, – отвечал он грустно.

– Но я не помню никого, кто бы оскорбил меня, исключая одного человека, который никогда не осознает своих ошибок.

– Вы не услышите от меня дальнейших разъяснений, – отвечал герцог. – Я радуюсь, находя вас в обществе вашей ма-

тушки и, следовательно, вне всякой опасности. Что же касается до завещания, то, я надеюсь, что вы его примете и простите умершей.

Через несколько минут Гарлингфорд простился с дамами с отрадным убеждением, что дар Эстер достался существу, вполне его достойному.

От Вестфордов герцог направился прямо в клуб. Он не искал общества, но его тяготило уединение: образ Эстер преследовал его слишком сильно. Желание развеять неотвязные мысли заставило его возвратиться к прежним привычкам. Он прошел в комнату, куда клубные гости собирались читать, и подсел к окну, так как лампы не были еще зажжены. У другого окна сидел господин с газетой в руках: это был Гудвин, приехавший в Лондон, чтобы отыскать здесь дочь. Эти розыски были до сих пор безуспешными, и он приехал в клуб прямо с совещания с полицейским чиновником по этому делу. Неудачи последнего времени здорово подкосили Руперта Гудвина. Присутствие герцога заставило его напустить на себя веселую беззаботность, но это стоило ему большого труда. Молодой человек внимательно посмотрел на бледное лицо и черные глаза банкира, выдававшие его происхождение. Это лицо неотвязно вставало перед ним с той самой минуты, когда он открыл медальон Эстер. Герцог отчасти знал прошлое банкира: что тот несколько лет жил в Испании, заведовал там отделением банка, и внутренний голос внятно сказал ему, что этот человек и есть похититель

прекрасной еврейки из Севильи и бессердечный отец Эстер Вобер. Как ни был банкир углублен в свои думы, он не мог не заметить торжественной важности на лице Гарлингфорда.

– Вы, кажется, сегодня очень расстроены, любезный герцог, – сказал ему Гудвин.

– Да, я потерял единственную женщину, которую любил, я похоронил ее несколько дней тому назад. Не слышали ли вы когда-нибудь имени Эстер Вобер?

Банкир содрогнулся, и бледное его лицо стало еще бледнее.

– Не знавали ли вы этого лица? – продолжал Гарлингфорд, подавая ему миниатюру Эстер.

Гудвин отшатнулся от него с содроганием.

– Это портрет вашей дочери, – произнес Гарлингфорд торжественным тоном, – дочери, которую вы бросили, и которая не прокляла вас на смертном одре только потому, что смерть замиряет земную вражду. Она не произнесла относительно вас ни одного слова любви и прощения, но она рассказала мне всю свою несчастную жизнь. Я презираю вас и только поэтому не зову вас к отчету, но мы не знакомы с этой минутой.

Гарлингсфорд надменно отвернулся от Гудвина, который ничего не смог возразить.

«Пустыня» доктора Снафлея обладала огромным преимуществом сводить с ума людей, входивших в нее в полном рассудке. Высокие стены окружали пространство, поросшее кустарником, которое носило название сада. В середине его возвышалось четырехугольное здание. Длинный ряд окон без занавесей выходил в этот сад, только ставни закрывали их от солнечного зноя и при малейшем ветре страшно скрипели на ржавых петлях. Это самое помещение доктор Снафлей рекомендовал как очаровательную виллу, зная очень хорошо, что люди, доверяющие ему своих больных, мало интересуются удобствами, необходимыми для последних, и стараются только сжить их со своих рук, и потому плохое содержание, неудобное помещение и нездоровый воздух не играют в их глазах никакой роли: чем скорее умирал заключенный сюда больной, тем скорее прекращалась обязанность платить за его содержание. Большая часть людей, за которых Снафлей получал хорошие деньги, были в полном рассудке.

Сначала все эти несчастные вопили, молили, взывали о правосудии, пытались писать, но один Бог видел меру их страданий, а жалобы слышал только их бесчувственный сторож. Постепенно эта жгучая скорбь сменялась глухим отчаянием, холодной покорностью тому, чего изменить они были не в силах. Разговоров между ними слышалось мало, да

и о чем было говорить в этой живой могиле.

Учреждая «Пустыню», Снафлей имел в виду обеспечить себе правильную и безбедную жизнь и покойную старость. Хотя эта цель была давно достигнута, но корысть понуждала продолжать дело. В этой страшной темнице перебивало много жильцов, но ни один из них не доставил доктору таких огромных выгод, как пациент банкира. Доктор знал хорошо, что Левис Вильтон владеет страшной тайной, от которой зависит вся участь Гудвина. Доктор был уверен, что Гудвин не убил его пациента только потому, что у него не хватило смелости на такой шаг.

Первые дни своего пребывания в «Пустыне» Лионель провел в совершенном беспомоществе, но доктор Снафлей знал свое дело и лечил его как человека, жизнь которого должна ему доставлять 500 фунтов дохода, то есть очень усердно. Это важное обстоятельство доставило Лионелю отдельную комнату и мебель получше, чем у прочих больных. Здоровье молодого человека быстро поправлялось, однако первая минута сознания была для него, быть может, даже ужаснее той, в которую он узнал об убийстве отца. Когда глаза его, отяжелевшие от долгого беспомощства, остановились на грязных стенах его больничной комнаты, по нему пробежала дрожь отвращения. Он был еще так слаб, что не мог понять ничего, исключая то, что видит эту комнату первый раз в жизни, но мало-помалу мысли его стали приходить в порядок. Он вспомнил о своей изящной комнате в вильминг-

донгалльском доме; это воспоминание вызвало, естественно, прекрасный образ Юлии и мрачный и злобный образ банкира, а с ним и всю кровавую картину убийства в северном флигеле.

Но где же теперь находился Лионель? Как он попал в эту грязную комнату? Ему пришло в голову, что его переместили в необитаемую часть вильмингдонгалльского дома, быть может, в зловещий северный флигель.

Ставень, откинутый сильным порывом ветра, обнаружил глазам Лионеля такую же пустынную, запущенную местность, какая окружала и северный флигель, и вид этой местности убедил Лионеля, что он действительно находится в северном флигеле. «Он запер меня сюда, – рассуждал Лионель, – где никто не узнает о моем существовании. Меня удивляет то, что он не убил меня, как убил отца, зная, что я во что бы то ни стало отомщу за его смерть».

Но в ту же минуту ему пришло в голову, что он проживал в доме банкира под вымышленным именем; письмо его матери и портрет отца, которых при нем не было, объяснили бы ему, что банкир мог узнать его имя, но Лионель был еще так слаб, что позабыл о них. Он упорно твердил, что если бы он выдал свою тайну в беспамятстве, то банкир, разумеется, убил бы его. «Однако это странно, чрезвычайно странно, что он заключил меня в те самые комнаты, где погиб мой отец». Лионель содрогнулся, и в памяти его ожили все рассказы о привидениях, водившихся в северном флиге-

ле; он смеялся над ними в прежнее время, но его болезненное состояние и совершенное уединение заставили его взглянуть на эти рассказы другими глазами.

Мало-помалу мужество Лионеля иссякло под силой этих неотвязных мыслей и мучительной неизвестности о собственной участи. Им овладел суеверный страх, и в этом пустынном, безмолвном месте глазам его представилась со всеми подробностями ужасная картина смерти его отца. «Боже! – подумал он. – Если Гудвину известно мое настоящее имя, то верх жестокости с его стороны заключить меня в такое страшное место! Если тени умерших являются живым, то ведь и я увижу тень моего отца!»

В ту же минуту в окне его комнаты показалось мертвенно-бледное лицо, глядевшее на него усталыми, угасшими глазами. Вопль ужаса вылетел из груди Лионеля, и он упал без чувств на подушку.

Он действительно увидел лицо своего отца, но это было скорее лицо мертвеца, нежели живого человека.

Руперт Гудвин был слишком бессовестным человеком, чтобы слова Гарлингфорда об Эстер Вобер могли его тронуть. Сходство этой Эстер с прекрасной еврейкой, которую он похитил из отцовского дома, не раз вызывало в нем предположение, что она его дочь, но холодное презрение, с каким благородный герцог показал ему ее портрет, оскорбило его до глубины души. Среди всех опасностей его положения последняя случайность показалась ему верным предзнаменованием его близкой гибели, и из всех ударов, поразивших его в последнее время, побег его дочери был самым значительным: хотя он любил Юлию эгоистическим чувством дурного родителя, но все-таки любил. Притом же ей открылась тайна преступления, которое случай помешал ему совершить. Банкир был уверен, что она добровольно не выдаст этой тайны, но ведь могла же она заболеть, точно так же, как заболел Лионель.

Все старания банкира отыскать свою дочь были напрасны, объявления в газетах тоже не имели успеха.

В день своего побега Юлия оделась в темное платье и в простенькую шляпку с плотной вуалью и отправилась с наступлением рассвета пешком прямо в Гертфорд, откуда первым поездом уехала в Лондон. Добравшись до Лондона, она сразу уехала в Винчестер, оттуда в Нью-Форсет. План

этого путешествия был, вероятно, обдуман заранее.

Несколько дней спустя, после встречи с Даниельсоном мистрисс Вестфорд получила от него письмо следующего содержания:

«Я обещал вам загладить по мере моих сил мою несправедливость относительно вас и стараюсь теперь исполнить это. Если вам будет угодно пожаловать в полдень ровно через неделю в контору нашего банка, вы убедитесь, как я искупаю мою вину, и встретите в то же время сюрприз, самый приятный из всех, которые вы когда-либо имели в жизни. Ваш покорный слуга Даниельсон».

«Искупление, сюрприз, – твердила Клара, напрасно стараюсь проникнуть в тайну письма Даниельсона. – Если бы Даниельсон обладал силой воскрешать мертвых, я бы поверила, что меня ждет подобный сюрприз!» Положение ее становилось действительно почти невыносимым: одно горе сменялось непременно другим. Едва только возвращение дочери сняло с ее души тяжелую заботу, как все ее чувства заняла тревога о сыне, от которого не было никаких известий со времени ее письма, в котором она извещала его о приезде Торнлея. Напрасно она отправляла письмо за письмом – в ответ она не получала ни строчки.

Клара адресовала все свои письма к сыну на Гертфордскую станцию; его молчание внушило ей мысль, что он, может быть, переселился в город, но это предположение сменилось убеждением, что Лионель болен, наверное, тяжело, если он оставляет ее так долго в неизвестности. Измученная мистрисс Вестфорд решилась ехать в Гертфорд.

Во все продолжение этого путешествия Клару не оставляли мрачные предчувствия. Доехав до станции, она тотчас осведомилась, где находится в городе почтовая контора; она была уверена, что ей укажут квартиру ее сына, но как горько было изумление ее, когда ей объявили, что никто не знает Лионеля Вестфорда и даже последние ее письма к нему лежали нетронутыми в почтовой конторе.

Мистрисс Вестфорд до самого вечера бродила по улицам города, спрашивая везде, не знает ли кто квартиру ее сына, но никто не знал Лионеля Вестфорда и даже не слышал этого имени. Она вернулась в Лондон в таком же состоянии тяжелой неизвестности, в каком выехала оттуда поутру.

В день, назначенный Даниельсоном в его письме, мать и дочь нарядились в самые лучшие свои траурные платья и отправились в Сити. В том, что приказчик назначил местом этого свидания квартиру банкира, не было еще ничего странного, хотя обнаруживались известная степень власти

его над банкиром, но письмо его было действительно загадочно. Клара решилась слепо исполнить все, о чем он просил: поведение этого человека внушало ей невольное к нему доверие. В условленный час они уже были в кабинете банкира; Гудвин тоже был тут; его вызвало письмо, которое Даниельсон послал к нему в Вест-энде с известием, что дела его принимают дурной оборот вследствие распространившихся неблагоприятных слухов, для опровержения которых нужно его присутствие.

Дела Руперта на самом деле дошли до того состояния, в каком они были при краже капитала Гарлея Вестфорда. Сначала спекуляции банкира пошли очень удачно, но кризис на бирже неожиданно расстроил все его планы. Банкротство, грозившее ему уже так давно, действительно настало. То, что оно готовило гибель многим невинным людям, его не волновало – ему было страшно за себя, привыкшего к роскоши и не успевшего обеспечить себя на время невзгод.

– Ну, Яков, как дела? – спросил он у приказчика.

– Очень нехороши, – отвечал тот со смесью равнодушия и почтительности, что всегда так бесило банкира. – Люди опять становятся недоверчивы, и если они все налягут на банк и запросят уплаты, то гибель неизбежна.

Гудвин содрогнулся, но не успел ничего ответить, как младший приказчик ввел в кабинет двух дам. Банкир испугался, узнав мистрисс Вестфорд.

– Кто эти дамы, Волтер? – закричал он приказчику. – Ве-

дите их в контору, у меня нет с ними дел. Даниельсон, что все это значит?

– Садитесь, милостивые государыни, – отвечал с невозмутимым хладнокровием приказчик, – я не имел времени предупредить мистера Гудвина о вашем посещении, но он скоро уверится, что ваш приход к нему очень естествен.

Лицо мистрисс Вестфорд было неподвижно, но лицо банкира было мертвенно-бледно – вид этих двух женщин в траурных платьях навел на него непреодолимый ужас. Когда он обернулся, чтобы отвечать приказчику, он заметил на его лице выражение, которое сказало ему внятно, что этот человек, бывший его орудием, его смертельный враг.

– Негодяй! – сказал он. – Как вы смеете не слушать моих приказаний. Извольте сейчас же вывести ваших приятельниц; я никому не позволю входить ко мне насильно.

– Эти дамы мне не приятельницы, – отвечал приказчик, – и явились к вам не без права, а с требованием, и даже с весьма значительным требованием, мистер Гудвин.

– Вы сошли с ума, Даниельсон, – возразил банкир. – Что могут требовать от меня эти дамы?

– Страшного отчета, мистер Гудвин, – воскликнула Клара, – отчета в убийстве моего мужа. Наказание медлит, но рано или поздно оно настанет.

Гудвин напрасно старался надеть на себя личину спокойствия, его выдавала судорога на лице.

– Дело не в наказании, – сказал Даниельсон, – эти дамы

явились с требованием уплаты 20 тысяч фунтов, которые капитан Гарлей Вестфорд вручил вам, мистер Гудвин.

Банкир нервно засмеялся:

– Вы в самом деле помешались, милый Даниельсон, и я обращаюсь к полицейским властям с запросом прислать вам смирительную рубашку.

– Потерпите немножко, – возразил приказчик с ледяным хладнокровием, – я знаю хорошо вашу склонность запрягать людей в дома умалишенных, но я не нуждаюсь в вашем человеколюбии. А теперь я надеюсь, что вы уплатите эти 20 тысяч фунтов. Муж мистрисс Вестфорд умер, но вот квитанция, которую вы ему выдали.

Приказчик вытащил ее из кармана и показал банкиру.

– Где... где вы... – проговорил с усилием банкир.

– Где я ее взял, хотите вы сказать? В тот вечер, когда Вестфорд прибыл в Вильмингдонгалль, на нем было летнее верхнее платье, которое он сбросил, когда выходил вместе с вами из зала. Так как я вообще весьма любопытен, а в тот памятный вечер имел причины быть еще любопытнее, то я по возвращении с Гертфордской станции осмотрел карманы оставленного платья – и весьма не напрасно, потому что нашел в них эту бумагу. Вы узнаете ее, не правда ли, мистер Гудвин? Вы тоже искали ее в тех же карманах, только несколько позднее. Когда вы закололи капитана Вестфорда и бросили труп в погреб, вы сделали только половину дела.

– Господи Боже мой! – воскликнула Клара. – Как же вы,

зная об этом убийстве, не донесли о нем?

– Ни слова, мистрисс Вестфорд, – остановил приказчик почти повелительно, – ждите и имейте ко мне доверие.

В ужасе мистрисс Вестфорд поднялась было бессознательно с места, но влияние, которое имел над нею приказчик, заставило ее снова опуститься в кресло.

– А теперь, мистер Гудвин, вам лучше всего безотлагательно выплатить эти деньги.

– Квитанция фальшивая! – воскликнул банкир.

– Вы это находите? Ну если вы оспариваете справедливость притязаний мистрисс Вестфорд, то это дело решится по суду, и в таком случае тайна известной летней ночи...

– Я заплачу, – воскликнул банкир, – но только не сейчас.

– Ни часу отсрочки, – возразил приказчик, – мне хорошо известно положение ваших дел, вы должны немедленно заплатить все сполна. Кроме этого, вы должны засвидетельствовать, что закладная на вестфордхаузское имение была подложная.

– Я этого не сделаю, – сказал гордо банкир и в бешенстве сдавил шею приказчика, – ты взял с меня деньги и предаешь меня, но я...

Дверь отворилась, и голова конторщика просунулась в комнату; банкир в изнеможении упал в свое кресло.

– Вы видите теперь, мистер Гудвин, что насильственные меры не всегда удаются, – сказал Даниельсон. – Позовите же кассира.

Банкир позвонил, чтобы позвать кассира.

– Вы вчера приняли значительные суммы, – сказал он вошедшему, – сколько их наличными?

– Сорок три тысячи и 320 фунтов, – отвечал кассир.

– Вручите этой даме 20 тысяч фунтов.

Кассир посмотрел на него с изумлением и минуту спустя принес деньги.

– Давайте же квитанцию, – сказал Гудвин приказчику.

Даниельсон подал одной рукой квитанцию, а другой принял деньги.

– Вот ваше состояние, – отнесся он радостно к мистрисс Вестфорд, – а в свое поместье вы можете вернуться, когда заблагорассудится.

– Но я не желаю воспользоваться деньгами, за которые пролита кровь моего мужа: я желаю одного правосудия.

– Она сошла с ума, – воскликнул банкир. – Я не позволю, чтобы безумная женщина и негодяй слуга стесняли меня в моем собственном доме. – Он потянулся рукой к колокольчику.

– Звоните, мистер Гудвин, не то я позвоню, – отозвался приказчик и сильной рукой ухватил колокольчик.

Дверь тотчас отворилась и в комнату вошли два гражданских чиновника и один полицейский.

– Что все это значит? – воскликнул банкир.

– Это только значит, что вас арестуют по делу совершенного вами убийства, – сказал Даниельсон. – Вы получите

правосудие, мистрисс Вестфорд, но не за убийство, а только за покушение на жизнь вашего мужа, потому что он жив и взгляните: вот он. Капитан действительно стоял в дверях комнаты, слабый, изнуренный, мало походивший на прежнего, полного жизни и силы Гарлея Вестфорда, но когда Клара в слезах повисла у него на шее, мертвенно-бледное лицо его оживилось, а когда Виолетта присоединилась к матери, он не устоял под натиском всех ощущений, волновавших его в эту минуту, и в изнеможении опустил на стул.

Банкир с немой яростью смотрел на эту сцену. Когда же впечатление, произведенное ею на всех, немного ослабело, Яков Даниельсон первым нарушил молчание.

– Когда вы столкнули вашу жертву в погреб под северным флигелем, – обратился он к Гудвину, – вам бы следовало убедиться, погибла ли она. У вас, вероятно, недостало мужества видеть ее агонию; словом, вы не dokonчили своего дела, а я вернулся вовремя, чтобы спасти вашу жертву. Во мне было предчувствие, что вы удаляете меня из дома не без причины, и потому, вернувшись, я прокрался к окну северного флигеля, из которого сквозь щели ставни мерцал огонек, но меня предупредил ваш старый садовник, и я тихо прошел прямо в столовую. Когда вы вошли в нее несколько минут спустя, то ваше лицо убедило меня, что в погребах северного флигеля произошло что-то ужасное. Едва только вы успели уйти, как и я отправился к окну, в котором видел огонек; садовник на этот раз лежал без чувств. Я понял, что какое-то

страшное зрелище довело его до этого состояния. Я заглянул в окно, но темнота не дала мне возможности ничего рассмотреть. Я вернулся в людскую и, запасшись потайным фонарем, разыскал тайный вход под северным флигелем и нашел там у подножия лестницы капитана Вестфорда. Я растегнул жилет его: сердце еще билось; я снял с себя галстук и перевязал рану, потом вернулся в дом и, дождавшись, когда все в нем заснуло крепким сном, отправился в ближайшее местечко, нанял повозку и в ней с бесчисленными трудностями перевез умирающего в давно мне известное место, владелец которого наживался бесчестными делами. Это был дом для умалишенных под названием «Пустыня». Я не боялся здесь нескромных вопросов; я выдал больного за своего родственника, посягнувшего на свою жизнь в припадке помешательства, и назначил за попечение о нем огромную плату. Доктор Снафлей осмотрел его и принял в свой дом, как будто не заметив, что самоубийца не может ни в каком случае поразить себя кинжалом в спину. Если вы спросите меня, Клара, почему я тогда же не выдал убийцу и не возвратил жертву ее семейству, я отвечу вам только, что я был безумец и мстил вам за мнимое ваше участие в нанесенном мне оскорблении; притом утрата лучших надежд моей юности развила во мне, кроме других, одну сильную страсть: это была корысть, которую я мог удовлетворить беспрепятственно, пользуясь тайной, благодаря которой вся касса банкира была к моим услугам. Я хранил эту тайну год без угрызе-

ний совести, но случай свел меня с вами, Клара, и убеждение в несправедливости моих понятий о вас сделало меня другим человеком. Я отправился немедленно за вашим супругом, и доктор Снафлей не замедлил объявить его совершенно здоровым, как только услышал от меня, что я больше не в состоянии платить за него, но мы, к сожалению, не могли взять с собой другого страдальца, сына вашего, Клара, которого Гудвин осудил на вечное заточение в «Пустыне» за открытие им тайны убийства его отца. Конечно, будь он в другом заведении, его освобождение представило бы много препятствий, но он жил у доктора Снафлея: под его гостеприимным кровом произошла встреча отца и сына. Странная встреча, не правда ли, мистер Гудвин, если не само Провидение устроило ее! Теперь Лионель без труда получит свободу: для этого только стоит объявить Снафлею, что банкир разорился и попал под суд за преступление. А теперь, господа, – сказал он, обратившись к полицейским чиновникам, – исполняйте свой долг: я не буду дольше задерживать вас.

Банкир вышел молча из дома, с которым прощался навеки. Один из полицейских поместился на козлах, а двое уселись в карету с преступником; но как зорко они ни стерегли его, банкир успел обмануть их бдительность. Он поднес к губам носовой платок, и минуту спустя из него выпала пустая склянка. Яд, хранившийся в ней, убил его мгновенно.

С того дня, когда расстроились его банковские дела и открылась тайна его преступления, банкир постоянно носил

при себе яд. Смерть его прекратила дальнейшее расследование его преступления, и о нем узнали только очень немногие. Гораздо значительно было число людей, узнавших о расстройстве его банковских дел и потерпевших от его банкротства.

Семейство Вестфордов соединилось под родным кровом, из которого вытеснили его страшные события последнего года. И хотя мрачное воспоминание о Руперте Гудвине заставляло сначала Вестфорда и Клару смотреть не без грусти на взаимную склонность между их детьми и детьми банкира, но влияние Виолетты и Лионеля победило это горькое чувство. Известность Реджинальда Гудвина как художника росла с каждым днем и сулила ему блистательную будущность.

В одно прекрасное июньское утро колокола звонили к двойному торжеству: у алтаря стояли Лионель с Юлией и Виолетта с сыном банкира. Замечательны были обе невесты, и их были достойны благородные юноши, произносившие торжественный обет посвятить им всю жизнь.